

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1 9 6 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР А. В. Ефимов
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10

Формат бумаги 70×108 ² / ₁₆	Бум л. 5 ¹ / ₂	Печ. л. 15,07	Уч.-изд. л. 18,0
Т-00195	Подписано к печати 25/II 1960 г.	Тираж 1900 экз.	Зак. 3767.

Σ-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Б. Х. КАРМЫШЕВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЮРК» В СОСТАВЕ УЗБЕКОВ

(Историко-этнографические данные)

Многовековая и сложная этническая история узбеков оставила свои следы в их современном быте и культуре. В конце XIX — начале XX в. в составе узбекского народа прослеживались две части, значительно отличавшиеся друг от друга по быту, нравам и обычаям. Одну часть, известную в дореволюционной литературе под названием «сарты», составляло искони оседлое сельское и городское население, не имевшее родоплеменного деления¹, другую часть — полукочевники, сохранявшие родоплеменные деления, а подчас лишь родоплеменные названия. Эти племена не были однородны — они распадались на две, довольно резко отличавшиеся друг от друга группы. Более многочисленную группу составляли те племена, которые являлись потомками дештикипчакских (золотоордынских) узбеков, завоевавших Мавераннахр в начале XVI в. во главе с Шейбани-ханом, вошедших впоследствии в состав узбекского народа последним слагаемым и передавших со временем ему свое имя. Племена эти: мангыт, кунграт, минг, сарай, катаган, найман, локай, дурман, кенагас, каучин и др.² В дореволюционное время население Средней Азии отчасти продолжало еще употреблять наименование «узбек» в узком смысле, называя так преимущественно представителей племен дештикипчакского происхождения. Среди старшего поколения сельского населения Узбекистана и Таджикистана название «узбек» и в наши дни нередко употребляется в этом узком смысле.

¹ У местного населения название «сарт» бытовало в бассейне Сыр-Дарьи и в Хорезме. В бассейне Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи для обозначения искони оседлого населения, независимо от его языка, употреблялось название «таджик». В областях, населенных туркменами, названию «сарт» соответствовало «тат» (см.: А. Д. Гребенкин, Таджики, «Русский Туркестан», Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки, вып. II, М., 1872, стр. 1—3; Н. П. Остроумов, Сарты, Этнографические материалы, Изд. 3-е, дополненное, Ташкент, 1908, стр. 49; Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, 1957, стр. 14—19).

² Некоторые из названных племен (например, найман, кенагас, каучин) обитали в Мавераннахре еще до прихода шейбаниханских узбеков. Однако подавляющее большинство их, по-видимому, проживало в Дештикипчаке и впоследствии вошло в состав узбеков, каракалпаков и некоторых других народов. Та часть найманов, кенагасов, каучинов, которая проживала в Мавераннахре до узбеков, частично, несомненно, растворилась в местной оседлой среде, а остальные были поглощены новой волной завоевателей из одноименных племен. Современные узбекские группы найман, каучин и отчасти кенагас по языку, быту и культуре относятся к узбекам дештикипчакского происхождения. Не исключена возможность, что при тщательном этнографическом изучении узбекских групп, сохранивших указанные названия, удастся выделить в их составе и более ранний пласт.

Вторую, меньшую по численности группу составляли исторические потомки тех тюркских и монгольских племен и народностей, которые были более ранними, чем дештикипчакские узбеки, пришельцами в Среднюю Азию. Основная масса этих племен и народностей давно осела, потеряла родоплеменные названия и, ассимилировавшись с древними ираноязычными народами Мавераннахра, передав им тюркский язык, составила основу узбекской народности³. Незначительная же часть их сквозь многие века донесла до наших дней свои названия. В эту группу входят племена: карлук, тюрк, барлас, калыта-тай, муса-базари и мугул (мугал, могол). Эта группа, за исключением мугулов и части карлуков, известна среди местного населения и в литературе под общим названием «тюрк»⁴.

Понимая слово узбек в указанном узком смысле, тюрки не всегда причисляли себя к узбекам, да и узбеки не включали их в состав своих племен⁵. В результате того, что такой существенный факт, как употребление среди местного населения слова «узбек» в приложении преимущественно к племенам дештикипчакского происхождения (а не к узбекской народности вообще), недостаточно учитывался исследователями — и возник в историко-этнографической литературе вопрос о том, являются ли тюрки узбеками, не составляют ли они самостоятельную народность⁶.

В языке, образе жизни, в нравах и обычаях указанных двух групп так называемых полукочевых племен отмечается множество общих черт, что не оставляет сомнения в принадлежности всех этих групп к единой узбекской народности. Наряду с этим ко времени установления Советской власти у них имелись и значительные различия, которые в известной мере ощущимы и в наши дни, хотя особенности каждой группы стираются теперь со все возрастающей быстротой и становятся в основном предметом интереса исследователей-этнографов. Следует отметить, что далеко не везде особенности каждой из этих групп проступают с одинаковой силой: чем дальше от густонаселенных долин с городами и крупными селениями с древней оседлой культурой, тем особенности каждой группы больше сохранялись, и наоборот. Процесс стирания остатков родоплеменных различий весьма интенсивно идет теперь повсюду не только в связи с переселением жителей предгорий в долины, на вновь орошенные земли, но и в силу проникновения городской культуры в самые отдаленные районы в результате преобразования всей

³ О сложении узбекской народности см.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. первая. Ташкент, 1955, стр. 371—375.

⁴ Одно из перечисленных племен название «тюрк» считает своим племенным именем и другого названия не имеет. Некоторые узбекские племена (например, миришкор, калмак, джалаир) в силу их полной неизученности не могут быть пока отнесены нами ни к той, ни к другой группе. И. П. Магидович, автор раздела о населении в «Материалах по районированию Средней Азии» (кн. I, «Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара», Ташкент, 1926, стр. 221—223, 231—232), потомками средневековых моголов считает и чагатаев. Мы же воздерживаемся от причисления чагатаев (как узбекоязычных, так и таджикоязычных) к бывшим полукочевым племенам и не можем ставить их в один ряд с тюрками. Поэтому в настоящей статье мы их не рассматриваем.

⁵ См. Полевые этнографические материалы автора, а также М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. «Изв. Туркестанского отдела РГО», т. XVII, 1924, стр. 123; А. А. Семенов, К проблеме национального размежевания Средней Азии (Историко-этнографический очерк). «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1924, № 2—3, стр. 39; М. Ф. Гаврилов, Материалы к этнографии «тюрков» Ура-Тюбинского района. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», серия II, Orientalia, вып. 2, Ташкент, 1929, стр. 3; Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, «Acta Orientalia», т. IV, Fasc. 1—3, Budapest, 1955, стр. 113; Я. Р. Винников, Родоплеменный состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, под ред. Г. Ф. Дебеца, М., 1956, стр. 175; его же, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, М., 1959, стр. 393—399.

⁶ Об отражении этого вопроса в литературе см.: Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, стр. 393—394.

жизни. Огромную роль в этом процессе играет, конечно, тот факт, что пережитки родоплеменных делений в современном быту узбеков потеряли всякое значение.

Общей этнографической характеристике тюрков в составе узбекского народа и посвящена настоящая статья⁷. При этом в составе тюрков мною рассматриваются и мугулы, как группа, обосновавшаяся в Средней Азии, подобно тюркам, до прихода дештикипчакских узбеков, хотя мугулы и не называют себя тюрками. Необходимость подобного обзора вызвана тем, что об этом раннем пласте узбекского народа, занимающем весьма существенное место в его этногенезе, в научной литературе имеется всего одна специальная работа, да и то лишь о тюрках небольшого района,— это указанное выше сочинение М. Ф. Гаврилова.

* * *

Несмотря на большую подвижность полукочевых племен Средней Азии (чаще всего из-за феодальных междоусобий), в первой четверти XX в. еще прослеживается определенная закономерность в расселении тюрков: они были оттеснены узбеками Шейбани-хана с равнин и прилегающих к ним предгорий в более высокие места и даже в горы, к верховьям рек. Полоса расселения тюрков полукольцом огибала высокогорные районы со сплошным таджикским населением (см. карту, рис. 1). Эта полоса, начинаясь в Афганском Бадахшане (в основном бассейн р. Кукчи), заканчивается в восточному углу Ферганской долины.

На всей этой территории тюрки составляли меньшинство населения. В горах они обитали вместе с таджиками и сильно смешались с ними. В предгорьях тюрки жили попеременно с таджиками и с оседлым тюркоязычным населением (узбеками, не имевшими родоплеменного деления), а в более низких частях предгорий—с узбекскими племенами дештикипчакского происхождения. Однако с последними они не смешивались и вплоть до наших дней в браки с ними вступали крайне редко.

Расселение вдоль границы областей сплошного таджикского населения, значительное смешение в ряде районов с таджиками являются показателями очень давнего проживания тюрков на территории их современного обитания. Следует добавить еще одно весьма существенное доказательство этого. Дело в том, что каждое узбекское племя дештикипчакского происхождения распадалось на множество подразделений, названия которых нередко доносят до нас имена давно существовавших народностей и племен или названия родовых тамг. Поэтому генеалогии отдельных узбекских племен являются одним из важнейших источников при изучении происхождения и этнической истории узбекского народа. Племена тюрков имеют подразделения, но их немного. Названия этих подразделений в подавляющем большинстве не имеют ничего общего с древними этнонимами и поэтому почти ничего существенного не могут подсказать исследователю при выяснении происхождения этих племен. Названия отдельных подразделений тюрков нередко носят таджикскую форму или происходят от таджикских слов.

⁷ При написании настоящей статьи, помимо литературных данных, использованы полевые этнографические материалы, собиравшиеся автором в течение ряда лет во время специальных поездок по Таджикистану и Узбекистану, организованных сектором этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Кроме того, мне довелось работать в составе ряда экспедиций: Кулябской этнографической, Гармской этнографической и Таджикской археологической того же Института, а также—Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР. Однако по северным районам Таджикистана и по некоторым районам Самаркандской области, а также по Ташкентской области и по Фергане собранных лично мной материалов пока нет.

и в северо-западной Индии¹³. Не исключена возможность, что тюрки встречаются и в Синьцзяне.

Перейдем к рассмотрению отдельных групп, входящих в общую группу «тюрок».

Карлуки. К историческим потомкам наиболее ранних тюркоязычных пришельцев в Среднюю Азию, по-видимому, нужно отнести карлуков (самоназвание қаллуғ, қаллуқ)¹⁴.

Как отмечалось, в 1924/25 г. было зарегистрировано всего 9410 карлуков. Незначительная часть их проживала на арыке Шахруд в Бухарском оазисе, в то время ведя уже вполне оседлый образ жизни и занимаясь земледелием. Остальные карлуки, занимавшиеся тогда преимущественно овцеводством и ведущие еще полукочевую жизнь, обитали к востоку от Сурхан-Дарьи¹⁵. Кроме этих групп, отмеченных Комиссией по районированию Средней Азии, мною зарегистрировано незначительное число карлуков в низовьях Кашка-Дарьи и в низовьях Зеравшана. По Кушкеки, в Афганистане карлуки в основном расселены в бассейне р. Кукчи¹⁶.

Карлуки южных склонов Гиссарского хребта (на отрезке от верховьев Кафирнигана на востоке до верховьев Сурхан-Дарьи на западе) причисляют себя к тюнкам и называют себя тюрк-карлук. Часть их относится к роду Кара-кули, предками которого считаются выходцы из Каракуля. Большинство же тюрк-карлуков, согласно преданию, считается выходцами из района Ура-Тюбе. Некоторым подтверждением этого служит наличие у карлуков кишлака Тохчион подразделения Лолаки. Это название зарегистрировано М. Ф. Гавриловым у тюнков Ура-Тюбинского района. Кроме того, в дореволюционное время пирь и ишаны приходили к тюрк-карлукам из Ура-Тюбе и Самарканда¹⁷.

Тюрк-карлуки делятся на ряд территориальных групп. Жители кишлаков по Шаргун-Дарье (один из верхних притоков Сурхан-Дарьи), самым крупным из которых был Тохчион¹⁸, называются тохчионскими карлуками (тоғчион Қзаллиғи). Эта группа имеет следующие подразделения: Лолаки, Мазор-чопти, Султон-Махмуди, Кора-ясок, Кора-буюн, Пир-Махмуди, Аджиргони.

Карлуки верховьев Кафирнигана называются янгибазарскими (Янгибазар — крупный кишлак, издавна славившийся большим базаром), а проживающие в четырех небольших кишлаках в бассейне реки Варзоба — варзобскими (варзоби). Есть несколько карлукских кишлаков в Гиссарском, Шахринауском и Регарском районах Таджикистана. Большинство тюрк-карлуков считает себя расселившимися из Тохчиона, общаются между собой и вступают в браки. Эта группа карлуков, хотя, подобно другим соплеменникам, своим исконным и излюбленным занятием считала овцеводство, однако еще до революции приобщилась к земледелию (преимущественно богарному) и вела в значительной мере оседлую жизнь.

¹³ H. R. Rose, A Glossary of the tribes and castes of the Punjab and North-West Frontier Province, v. III, Lahore, 1914, стр. 130—131; М. К. Кудрявцев, Происхождение мусульманского населения северной Индии, Автореферат кандид. диссертации, Л., 1952, стр. 8—10.

¹⁴ Этнонимы и термины в скобках даны в написании современным узбекским алфавитом.

¹⁵ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 210—211.

¹⁶ Кушкеки, Указ. раб., стр. 7, 59, 112—115, 193, 199—208, 210, 214, 216, 221, 222.

¹⁷ Ишан — среднеазиатский термин для обозначения суфийского шейха; пир — то же; духовный наставник.

¹⁸ Тохчион — от тоғчион (тюркское слово тоғчи — горец и таджикское окончание множ. числа). По преданию, до карлуков по Шаргун-Дарье жили тоғчи — малочисленная тюркоязычная группа, которая относит себя к узбекскому племени катаган; расселена в горах Байсун-тау. Ныне население мелких кишлаков спустилось в долины Сурхана и Ширкана.

Карлуки южного Таджикистана, живущие к юго-востоку от Гиссарской долины, не причисляют себя к тюркам, а последние несколько пренебрежительно называют их гальча-карлук (галча-қаллуғ)¹⁹. Эти две группы карлуков несколько отличаются друг от друга, в браки между собой не вступают и почти не общаются, несмотря на территориальную близость.

Карлуки южного Таджикистана также делятся на территориальные группы. Карлуки, обитающие в верховьях Яван-су и по берегу Вахша у Нурека, называются хисарскими (хисори қаллуқ, Хисор қаллиғи), так как живут в бывшем Гиссарском бекстве. Эта группа сохранила в памяти старшего поколения следующие названия подразделений; Авлоди-Аваз, Партау-кул, Кош-чакман, Чаппа, Кач-пой и Кокуль. Группа карлуков, живущая на возвышенности между Вахшем и Қзыл-су, называется бальджуанской (Балжавон қаллиғи), так как это жители бывшего Бальджуанского бекства. В настоящее время представители этой группы, живя в Кулябской области, нередко себя называют кулябскими (кулоби қаллиқ). Основные подразделения их следующие: Альп, Гора (ғора), Абль-Хайр, Али-джон, Шаан (или Шаҳан), Сахан-кул (Саҳан-кул). Часть карлуков этой группы еще до войны переселилась в низовья Қзыл-су, в Пархарский район. Одни из них занимаются хлопководством, другие работают чабанами в овцеводческом совхозе «Гиссар».

В дореволюционное время значительную по численности группу составляли беш-арыкские карлуки (бешариқчи или Беш-ариқ қаллиғи), называвшиеся так по месту своей зимовки — урочищу Беш-арык дашти (Беш-арыкская степь), расположенному у слияния рек Ях-су и Қзыл-су. Иногда эти карлуки назывались и кулябскими из-за близости к городу Кулябу, хотя административно относились к Бальджуанскому бекству. Они имели следующие подразделения: Гораз (Гүроз), Ярбек, Анна-бай и Джамчи. Среди этой группы были крупные баи-овцеводы (особенно были известны баи подразделения Гораз). Во время басмачества баи откочевали в Афганистан, увезя с собой многих сородичей.

В настоящее время, когда вся обширная равнина низовьев Қзыл-су и Ях-су осушена от болот, очищена от диких зарослей тугаев и превращена в хорошо возделанные хлопковые поля, оставшаяся часть беш-арыкских карлуков не живет компактной группой, а расселилась по всей долине и проживает попеременно с таджиками и узбеками, спустившимися с гор.

В юго-восточных районах Кулябской области довольно разбросанно было расселено незначительное число карлуков, выходцев из Афганистана. Местные карлуки не роднились с ними. В отличие от соседних беш-арыкских и других кулябских карлуков, афганские карлуки жили вполне оседло и, по их словам, искони занимались земледелием. Часть этих карлуков называет себя дарначи-карлук²⁰.

В долине Сурхан-Дарьи, к юго-западу от упомянутого выше Тохчиона, на берегу р. Каллук-Дарья (рукав р. Халкаяр, являющейся правым притоком Сурхан-Дарьи) расположен кишлак Карлюк. Жителей его называют ипак-карлук, так как один из истоков названной речки начинается у мазара местного «святого» Ходжа-Ипака. В двух километрах ниже кишлака Карлюк располагается кишлак Ипак, население которого считает себя сродни карлукам. Ипак-карлуки не считают себя тюрками, отличают себя от ближайших к ним тохчионских карлуков и в прошлом не общались с последними и в браки с ними не вступали. У них бытует предание о том, что один из основателей кишлака был выходцем

¹⁹ Гальча — от гарча — горец на древних местных языках (см. В. В. Бартольд, Таджики, Сборник «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 100).

²⁰ Это, возможно, Дағэпа-қалғэқ в указанной работе Л. Лигети (стр. 112—113).

из селения Каллык, что в Каршинской степи. Ипак-карлуки издавна сочетали разведение мелкого рогатого скота с земледелием, а также садоводством. Летом юрты ставили в садах, и лишь некоторые, имевшие много скота, на лето выезжали с семьями в горы.

Совершенно особняком от всех этих восточных групп стояли карлуки большого кишлака Каллык, расположенного в Каршинской степи в низовьях Кашка-Дарьи. Их нередко называют касанскими карлуками, так как они живут в Касанском районе. О восточных карлуках, которых именовали хисарскими, они слышали только от тех, кто водил караваны в далекий Хисар и привозил сведения о тамошних соплеменниках. Касанские карлуки считают себя выходцами из местности Хочкаб, под Бухарой. Они общались и вступали в браки с каракульскими карлуками, которые со скотом летовали тоже в низовьях Кашка-Дарьи. Каракульские карлуки даже считают себя отделившимися от касанских. Карлуков в Каракульском районе было немного, а теперь их осталось всего пять-шесть семей в Мухтар-кишлаке. Карлуки остальных поселений, состоявших из пяти-шести домов каждое, слились с окружающим местным населением. Основными занятиями этих двух групп были: разведение овец каракульской породы, верблюдоводство, извоз на верблюдах.

Также особняком от других групп стояли карлуки Бухарского оазиса. Они составляли до десятка кишлаков с названием преимущественно Каллюк или Коллюкон. Наиболее крупным из них был кишлак Каллюк под Богоутдином. В дореволюционное время жители этих кишлаков осознавали свое родство, общались и вступали в браки между собой. В настоящее время в этих кишлаках только единичные семьи помнят свое племенное имя²¹. Многие старожилы в годы басмачества ушли из этих мест, остальные ушли позже в города или же переселились на земли нового орошения. Бухарские, касанские, а также каракульские карлуки не называют себя тюрками²².

У ряда исследователей существует мнение, что современные карлуки южного Таджикистана и Афганского Бадахшана являются историческими потомками тохаристанских карлуков²³, или карлуков караханидского времени²⁴. Много в быту и культуре карлуков говорит о том, что они действительно с очень давних времен проживают в местах современного

²¹ В настоящее время в Бухарском оазисе населением ряда кишлаков, носящих наименования племен (Каллюк, Катаган и т. п.), нередко эти названия воспринимаются уже не как родоплеменное наименование, а просто как название кишлака; этимологию этого названия жители подчас и не знают. Подобные факты наблюдаются и в других местах. Например, в долине Сурхан-Дарьи нередко приходится слышать о келифских карлуках (келипи-қаллуқ), живших в большом селении Карлюк в Кугитангских горах (в бывшем Келифском бекстве). В действительности же, как мы выяснили на месте, никаких карлуков там нет. В этом селении издавна жили узбеки-кунгра-ты рода Каранграт (от Кора кунг рат). Когда жители этого селения или их сородичи из прилегающих кишлаков бывали в других местах, они на вопрос: «Откуда вы?» отвечали: «Мы из Карлюка келифского» (Келипи Калугдан). Поэтому их называли в других местах келифскими карлуками. В настоящее время жители как этого селения, так и прилегающих кишлаков, переселились со своих маловодных земель на берег Аму-Дарьи, в район Чаршанги.

²² О бухарских, касанских и каракульских карлуках подробней см.: К. Шаниязов. Из истории расселения племени карлуков, Сборник работ аспирантов Отделения общественных наук АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1959, стр. 248—254.

²³ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 105; «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I, стр. 211; Gunpag Jagg'ing, Указ. раб., стр. 71—72; М. Е. Мас-сон, К истории происхождения локайской лошади, «Изв. Таджикского филиала АН СССР», № 15, 1949, стр. 52—53. О времени проникновения карлуков в Тохаристан см.: А. М. Манделъштам, Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии Академии наук ТаджССР», т. LIII, Сталинабад, 1957, стр. 159.

²⁴ Н. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 61—62.

обитания. Особенно это относится к группе карлуков южного Таджикистана (т. е. бывшей тохаристанской территории).

Различия в быту и культуре, а также в физическом типе между тюрк-карлуками и карлуками южного Таджикистана, отрицание представителями обеих групп родственной близости и отсутствие брачных связей между ними наводят на мысль о различном их происхождении, а именно: если карлуки южного Таджикистана (возможно, и Афганского Бадахшана) — вероятные потомки тохаристанских карлуков, то не являются ли тюрк-карлуки историческими потомками карлуков караханидского времени?

Тюрки. К историческим потомкам весьма ранних, подобно карлукам (а возможно, еще более ранних, чем предки карлуков), тюркских пришельцев в Среднюю Азию относятся, по всей вероятности, те, кто считает название «тюрк» своим племенным именем (самоназвание *түрк*). Комиссией по районированию Средней Азии 1924/25 г. они были зарегистрированы в числе 6845 в долине рек Ях-су и Кзыл-су, в верховьях Ханак-Дарьи и ее долине, верховьях Кафирнигана, на склонах и предгорьях западных оконечностей Зеравшанского хребта и по арыку Шахруд в Бухарском оазисе²⁵. Мною встречены представители группы тюрк по рекам Уря-Дарья и Кичик-Уря-Дарья бассейна Кашка-Дарьи, а также по Ширабад-Дарье и ее притокам. М. Ф. Гавриловым в 1928 г. зарегистрировано около 1500 тюрков в Ура-Тюбинском районе²⁶. В Фергане они в числе 24 279 чел. (перепись 1926 г.) живут главным образом в юго-восточной части долины, преимущественно в Мархаматском районе Андижанской области и в прилегающем к нему Араванском районе Ошской области²⁷.

В настоящее время изменения в расселении группы тюрк выражаются главным образом в том, что значительная часть их спустилась с верховьев рек в широкие части речных долин, на земли нового орошения.

Тюрки бассейна Ях-су и Кзыл-су в южном Таджикистане ныне почти полностью слились с таджиками, говорят между собой по-таджикски. Однако среди них сохранились воспоминания о том, что несколько поколений назад их предки говорили по-узбекски. В настоящее время многие тюрки этой группы на вопрос об их национальной принадлежности отвечают, что они — таджики рода тюрк²⁸. С соседними узбеками локай, кесамир и семиз²⁹, а также с карлуками они в браки не вступают. Назва-

²⁵ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 200.

²⁶ М. Ф. Гаврилов, Указ, раб., стр. 8.

²⁷ Ш. И. Иногамов, Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР. Автореферат кандид. диссертации, Ташкент, 1955, стр. 12; Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, стр. 394.

²⁸ А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева, Опыт сплошного этнографического исследования Кулябской области, «Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР», вып. 3, Сталинабад, 1953, стр. 79—81; Р. Л. Неменова, Кулябские говоры таджикского языка (северная группа), Сталинабад, 1956, стр. 10. Процесс ассимиляции горными таджиками небольших групп тюрков несомненно происходил в течение ряда веков во многих отдаленных горных районах, так же как происходил оседание тюркских племен и полное их слияние с местным оседлым сельским и городским населением равнин. Много доказательств этому дает топонимика. Среди названий кварталов и загородных дач Ташкента встречаются, например, такие: Кальта-тай, Могол-куча, Тюрк, Тюрк-тепа, Тюрк-арык, Мугал (см. Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза, Сборник «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 113—114).

²⁹ О локайцах, семизах и кесамирах см.: Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII. Сталинабад, 1954; ее же, Сведения об узбекских родах семиз и кесамир, «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XVII, Сталинабад, 1953, стр. 99—110.

ний мелких родовых подразделений тюрки бассейна Ях-су и Қзыл-су не помнят, за исключением жителей кишлака Кипчак близ г. Куляба, которые относят себя к роду Тюрки-туғъён (Турки туғъён)³⁰.

В верховьях реки Кафирниган в 1924—1925 гг. проживало 635 тюрков. Их называли ромитскими (ромити), по месту жительства в Ромитском ущелье. В настоящее время в большинстве тюркских кишлаков этого района живут и таджики, спустившиеся с гор. Часть самих тюрков также спустилась непосредственно в долину Кафирнигана и занялась хлопководством. Эти тюрки, хотя все знают таджикский язык, между собой говорят по-узбекски. Браки с таджиками участились только за последние годы, а до этого вступали в брак только внутри своей группы, а также с живущими по соседству тюрк-карлуками. Однако с барласами, живущими ниже по Кафирнигану, до сих пор в браки не вступают, хотя и считают тюрками и признают их одним с собой народом. С узбеками племен марка и локай, живущими в этом же районе, в браки тоже не вступают. Рассматриваемая группа также относит себя к тюрки-туғъён (однако с тюрками Ях-су и Қзыл-су не общается) и имеет следующие основные подразделения: Ала-кузи (Ола кузи), Чиль-каль, Беш-кальтак, Варгони (Варғони).

Тюрки, зарегистрированные в 1924/25 г. в верховьях Ханака-Дарьи, по нашим данным, являются муса-базари. Тюрки, проживающие ныне в незначительном числе в бассейне Сурхан-Дарьи, судя по названию родовых подразделений, относятся к племени барлас, хотя называют себя просто тюрк. Они сильно смешались с таджиками и двуязычны. Однако вплоть до революции они оставались преимущественно овцеводами и сохраняли полукочевой образ жизни.

Тюрки бассейна Ширабад-Дарьи, а также живущие по рекам Мачай, Уря-Дарья и Кичик-Уря-Дарья, считают себя выходцами из долины Сурхан-Дарьи семь-восемь поколений назад, однако с оставшимися сородичами не общаются и названий своих подразделений не помнят. Эти тюрки живут попеременно с таджиками хардури³¹, сильно смешались с ними (особенно мачайцы) и в результате взаимных браков и по образу жизни ничем не отличаются от хардури, но и те и другие сохраняют свой язык. До недавнего времени и тюрки, и хардури вели полукочевой образ жизни, сочетая хлебопашество с разведением мелкого рогатого скота.

В Самаркандской области тюрки зарегистрированы автором в северо-западной части ее, к югу от селения Нур-Ата, на северных склонах гор Ак-тау и Кара-тау. В прошлом небольшие тюркские кишлаки были разбросаны по верховьям горных речек. В течение последних 10—15 лет тюрки переселились в предгорья (т. е. в низовья тех же речек), чтобы быть ближе к центрам совхозов, в которых они работают, и к районному центру. Основным занятием тюрков было и остается животноводство.

О тюрках Ура-Тюбинского района имеются разносторонние, но очень краткие сведения М. Ф. Гаврилова, относящиеся к 1928 г.³² Согласно

³⁰ Значение этого слова ромитские тюрки нам разъяснить не смогли. Тюрк-карлуки южных склонов Гиссарского хребта, причисляющие себя к тюрки-туғъён, производят это слово от туғ — бунчук, зная, понимая туғъён как «знаменосец». Буквально же это означает — мятежные тюрки, тюрки-бунтовщики. Мной записано от колхозника Хидир Хайдарова, 70 лет, следующее сообщение: «Туғъён (правильно Туғон) — имя одного храброго воина, жившего 1200 лет назад. Родом он был из Татарстана. Наш род тюрк-калтайта является авлодом (потомством) этого человека. Он похоронен в Самарканде в сторону киблы от Шахи-зинда, только саганы над его могилой нет» (кишл. Чеп Ургутского района Самаркандской обл., 27 июня 1959 г.).

³¹ О хардури см.: Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, стр. 18—19; М. Эшниезов, хар-

дурӣ (Баъзе маълуматҳои этнограӣ), «Уч. записки Таджикского гос. ун-та», т. XIV, Сталинабад, 1956, стр. 101—110.

³² М. Ф. Гаврилов, Указ. раб.

этим данным, тюрки этого района населяли около десятка кишлаков. Они относили себя к так называемой ишанской группе (топ), которая в свою очередь распадалась на следующие ветви (шах): Хаджи-бай, Мулла-Нияз, Холмат и Лолаки. По представлению самих тюрков, названия эти являются именами родоначальников, живших от четырех до восьми поколений назад. Новых данных по этой группе тюрков у нас пока не имеется.

Материалы переписей не отмечают наличия отдельных подразделений у тюрков Ферганы. Не говорят об этом и сведения исследователей последних лет (Ш. И. Иногамов, Я. Р. Винников, И. М. Золотарева). Однако данные топонимики подсказывают, что среди ферганских тюрков должны быть не только представители племени тюрк, но и барласы, а также калыта-тай. В пользу этого говорят и сведения Ш. И. Иногамова: о том, что тюрки Ферганы поддерживают тесные родственные связи с тюрками Самаркандской области³³, а последние, как указывалось, представлены преимущественно барласами и калыта-таями.

Основываясь на народных преданиях, Я. Р. Винников считает, что тюрки переселились в Фергану из Ура-Тюбе во второй половине XVIII в.³⁴ Описание тюрков Ферганы, данное Я. Р. Винниковым и Ш. И. Иногамовым, позволяет считать, что их материальная культура, обряды и обычаи были сходны с таковыми у тюрков других областей Средней Азии. До недавнего прошлого тюрки Ферганы сохраняли традиции кочевого скотоводства, и даже сейчас колхозники-тюрки известны своим умением ухаживать за скотом. С окружающим населением, в частности с узбеками и киргизами, они в браки не вступали³⁵.

Каково происхождение племени тюрк? Ответить на этот вопрос пока не берусь. Несомненно лишь то, что они являются одним из наиболее старых тюркских племен Средней Азии. Постепенная утрата в ряде местностей представителями группы тюрк (в частности, барласами и калыта-таями) своих племенных названий наводит нас на мысль о том, что наименование «тюрк» у этой группы — не племенное название и что последнее утрачено. Однако данные некоторых письменных источников, по-видимому, отвергают эту мысль. И. И. Умняков, например, аннотируя «Историю Фахрэддина Мубаракшаха» (автора начала XIII в.), приводит перечень упомянутых там тюркских племен, и первыми в этом списке автор источника называет племя тюрк. И. И. Умняков высказывает предположение, что слово «тюрк», «помимо коллективного названия турок в XII и XIII вв., вероятно, и раньше служило также названием особого турецкого племени». Однако Умняков отмечает, что у Махмуда Кашгари такого названия племени нет³⁶.

Барлас (самоназвание — баллос) наиболее многочисленное племя группы тюрк. Точных данных о численности барласов нет. Можно предполагать, что их в 1920-х годах было около 15—18 тыс.³⁷ Они расселены в долине Каратаг-Дарьи, в бассейне Сурхан-Дарьи, в верховьях Кашка-Дарьи, а также по склонам западных оконечностей Туркестанского и Зеравшанского хребтов и их отрогам. Несомненно, барласы имеются в числе тюрков Ферганы.

Барлас — название монгольского племени, известного еще во времена Чингис-хана. Начальник одной из четырех тысяч коренного монгольского

³³ Ш. И. Иногамов, Указ. раб., стр. 13.

³⁴ Я. Р. Винников, Родоплеменной состав и расселение киргизов..., стр. 174.

³⁵ Ш. И. Иногамов, Указ. раб., стр. 13; Я. Р. Винников, Родоплеменной состав и расселение киргизов..., стр. 175—176.

³⁶ «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 115.

³⁷ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 200; «Материалы Всесоюзных переписей 1920 г. Перепись населения Туркестанской Республики», Часть 1, Поселенные итоги, вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924, табл. 32, стр. 37, 41.

войска, выделенного Чингис-ханом своему сыну Чагатаю, был из племени барлас³⁸. В середине XIV в. уделом этого племени была долина Кашка-Дарьи с главным городом Шахрисябзом³⁹. Тимур был из этого племени. Барласы продолжали играть видную роль и в государстве тимуридов. Переселение барласов в Афганский Бадахшан и в Индию произошло, по-видимому, в основном в конце XV — начале XVI в. при бегстве Бабура под натиском войск Шейбани-хана. Об этом говорят и предания барласов. Уже ко второй половине XIV в. барласы не только сменили монгольский язык на тюркский, но и сознавали себя тюрками; окружающее население также считало их тюрками⁴⁰. Поэтому неудивительно, что за семь столетий своей жизни в Мавераннахре барласы совершенно утратили монгольские элементы в быту и культуре, сохранив лишь свое монгольское имя.

Барласы, как и карлуки, распадаются на несколько территориальных групп: регори — в Регарском районе Таджикской ССР, каратоги — в бассейне Каратаг-Дарьи, рустаки — в районе Рустага в Афганистане, и т. д. Кроме того, барласы распадаются на несколько «родовых» групп. Барласы бассейнов Сурхан-Дарьи и Кашка-Дарьи имеют одни и те же подразделения и в прошлом, еще в конце XIX в., поддерживали родственные связи. Собственно барласскими, по преданию, считаются шесть родов — потомство шести братьев (шаш бачча)⁴¹: Толиб-бачча, Козы-бачча, Полат-бачча, Охсак-бачча, Неъмат-бачча и Шаш-бачча. Согласно преданию, отцом этих шести братьев был некий Махма-Назир, являвшийся будто бы прямым потомком шестого колена Мир-Амира Караचора, по преданию дяди Тимура с материнской стороны. Считается, что со времени существования названных шести братьев прошло также восемь поколений. Помимо того, имеются еще два крупных подразделения барласов: Катта Каль-Хопизи и Майда Каль-Хопизи, названных так будто бы по прозвищу своего родоначальника — плешивого певца⁴².

В нескольких селениях долины Каратаг-Дарьи и в ущелье Козичи Ургутского района живут представители немногочисленного подразделения Джатта, причисляемого к барласам. Однако считается, что этот род выделился задолго до появления указанных шести братьев. Иногда же его принадлежность к барласам ставится под сомнение. Известно, что «джете» было прозвищем той части монголов Чагатаева улуса, которая оставалась в Семиречье⁴³. Барласы, как и остальные тюрки, с узбеками в браки не вступали, но на таджичках женились, и в ряде местностей, особенно в бассейне Сурхан-Дарьи, они двуязычны.

Кальта-тай (самоназвание калта-той) изучены еще меньше, чем барласы. Они расселены в тех же районах, но их меньше, чем барласов⁴⁴. В прошлом это племя, по-видимому, было довольно многочисленным, расселенным на значительно более обширной территории. Об этом говорят данные топонимики, а также наличие названия калта-тай в родовом составе некоторых узбекских племен и у юго-западных киргизов. В Афганистане калта-тай живут в бассейне р. Кукчи, в частности в высокогорной долине Хаш, относящейся к Джерму (из 11 селений этой долины в девяти живут калта-тай и в двух — таджики)⁴⁵.

³⁸ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. 1, кн. II, перевод с персидского О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 275.

³⁹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 91.

⁴⁰ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 10.

⁴¹ Шаш — тадж. шесть; бачча — тадж. бача — дитя, юноша.

⁴² Каль — плешивый, хопиз — певец, а также мужское собственное имя.

⁴³ В. В. Бартольд, Улугбек и его время, Пгтр., 1918, стр. 11.

⁴⁴ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 200; «Материалы Всесоюзских переписей 1920 г.», ч. 1, вып. V, стр. 37.

⁴⁵ Кушкеки, Указ. раб., стр. 124—125.

Кальта-таи бассейна Сурхан-Дарьи, как и барласы, считают себя выходцами из Шахрисябза семь-восемь поколений назад. В дореволюционное время они общались с кашкадарьинскими соплеменниками, однако в настоящее время такое общение отсутствует. Как те, так и другие относятся к трем основным подразделениям: Муаззамони (по другому произношению — Махатзамони), Махаттари и Мурза-кальта-той. Род Муаззамони считался несколько сродни барласам (они были «пирдаш») ⁴⁶, и они имели взаимные брачные связи. С узбеками дешти-кипчацкого происхождения кальта-таи в браки не вступали. Часть кальта-таев бассейнов Ханака-Дарьи и Каратаг-Дарьи, а также Сурхана издавна вступала в браки с таджиками и была двуязычна. Другая же часть заключала браки только внутри своей группы. О происхождении кальта-таев (а также муса-базари) пока ничего даже предположительно сказать нельзя ввиду их неизученности. Предания, народная этимология и названия подразделений пока нам ничего сколько-нибудь достоверного не подсказывают.

Муса-базари (самоназвание мусо-бозори) были расселены преимущественно в горах, обычно выше остальных тюрков. Основной район их обитания — бассейн Ханака-Дарьи и Каратаг-Дарьи, т. е. Гиссарская долина и ограничивающие ее с севера склоны Гиссарского хребта (по данным 1924/25 г. — 1365 чел.). Имеются муса-базари и в верховьях Кашка-Дарьи (по тем же данным — 655 чел.) ⁴⁷; они считают себя выходцами из Хисара восемь-девять поколений назад, однако связь между обеими группами прекратилась еще в дореволюционное время.

Муса-базари Ханака-Дарьи и Каратаг-Дарьи имеют следующие подразделения: Чори, Кулоби, Юльмо, Орта-бузи, Калаи-джавр, Кальта-той, Тоджик. Муса-базари верховьев Кашка-Дарьи (живущие у Фараба, Денау и Сумсора, ныне относящихся к Пянджикентскому району) принадлежат к подразделению Махамати. Группа, расположенная также в верховьях Кашка-Дарьи, но ниже первых и относящаяся ныне к Шахрисябзскому району, имеет подразделения: Урим-Бадалъ, Калляр, Карали, Савунпази. Муса-базари, как правило, живя бок о бок с горными таджиками, общаются с ними, вступают с ними в браки и преимущественно двуязычны.

Нам еще остается рассмотреть мугулов (самоназвание — мугол, муғул). Как отмечалось, они не входили в группу тюрк. В 1924/25 г. они проживали на правом берегу Пянджа у Чубека, а также на возвышенностях между Чубеком и долиной р. Джилга ⁴⁸, у устья которой расположен кишлак Багора, давший название известной в свое время переправе через Пяндж. В дореволюционное время редкие мугульские кишлаки были разбросаны по ряду районов южного Таджикистана и Гиссарской долины. Эта группа мугулов переселилась из северного Афганистана, где обитает основная их масса. Согласно преданиям, некоторые пришли оттуда всего два-три поколения назад, во второй половине XIX в.

С мугулами, жившими в большом числе в Хисаре, Хуттале, Кундузе и Бадахшане, мы встречаемся в мемуарах Бабур⁴⁹. В его время (XV—

⁴⁶ В прошлом узбекские племена были поделены между отдельными ишанскими родами. Представитель каждого племени считался прирожденным мюридом ишанов определенного рода. Поэтому ишаны при объезде своих мюридов и сборе полагающегося подаяния руководствовались письменными родословными племен. Старики, если сомневаются в принадлежности или близости того или иного рода к данному племени, обычно исходят из того, являлись ли в прошлом представители данного рода «пирдаш», т. е. мюридами, того же ишанского рода, к которому относилось данное племя.

⁴⁷ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 200.

⁴⁸ Там же, стр. 222.

⁴⁹ «Бабур-намэ, записки султана Бабера», изд. в подлинном тексте Н. И. Ильминского, Казань, 1857.

XVI вв.) мугулами называли не отдельное племя, а выходцев из Моголистана, независимо от их племенной принадлежности. Можно думать, что мугулы современного южного Таджикистана, как и мугулы Афганского Бадахшана, являются, как это предполагал еще И. П. Магидович (исходя из данных Аристов) ⁵⁰, потомками именно этих моголистанских выходцев, которые во время Тимура и тимуридов постоянно перекочевывали в Мавераннахр и далее на юг, на левобережье Аму-Дарьи вслед за своей феодально-племенной знатью, переходившей на службу то к одному, то к другому из тимуридов и их эмиров.

В 1924/25 г. мугулы проживали в верховьях Кашка-Дарьи и кенте Джауз Китабского тумана в числе 155 чел. и в Бухарском оазисе на арыке Шафрикент — 45 чел. ⁵¹. Перепись 1920 г. зафиксировала мугулов в Джизакском уезде (в Санзарской и Кара-Ташской волостях) в числе около 400 и в Самаркандском уезде (в Янгиказан-арыкской волости) — 491 чел. ⁵² В Фергане переписями 1920-х годов мугулы не отмечены, но о проживании мугулов в Фергане в 80-х годах прошлого века говорит В. П. Наливкин ⁵³.

В настоящее время мугулы в значительном числе живут в районе Чубека (ныне Московский район Таджикской ССР). Они спустились с холмов в долину и занялись хлопководством. В остальных районах южного Таджикистана и Гиссарской долины мугулов почти не осталось ⁵⁴. Несколько десятков семей мугулов проживает на правом берегу Пянджа близ Кировабада (бывший Сарай-Камар).

Мугулы бассейнов Кашка-Дарьи и Зеравшана не изучены. По-видимому, они в значительной мере утратили племенное имя, а следы их былого расселения, как правило, сохранились в этих областях в топонимике. Согласно М. С. Андрееву и А. А. Половцеву, мугулы Афганского Бадахшана состоят из тридцати подразделений, из которых наиболее многочисленны Чиракчи-мугул, Али-мугул и Якка-мугул ⁵⁵. Большинство мугулов, живущих на правобережье Пянджа, относится к подразделениям Али-мугул и Якка-мугул, причем али-мугулы были в прошлом овцеводами, а якка-мугулы занимались преимущественно земледелием. Помимо этих двух подразделений, зарегистрированы нами еще следующие: Бозчи-мугул, Анар-мугул, Комур-хур, Чарчи-мугул, Отранчи ⁵⁶.

Рис. 2. Карлукская женщина. Кишлак Парчасай в Яванской долине (южный Таджикистан)

Фото П. Г. Чучева

⁵⁰ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 221.

⁵¹ Там же, стр. 222.

⁵² «Материалы Всероссийских переписей 1920 г.», ч. 1, вып. V, стр. 37, 42, табл. 32.

⁵³ В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1896, стр. 11, примеч. 1.

⁵⁴ Наиболее зажиточные мугулы-овцеводы в годы басмачества ушли в Афганистан, уводя с собой и часть зависевших от них бедняков-сородичей.

⁵⁵ М. С. Андреев и А. А. Половцев, Указ. раб., стр. 5.

⁵⁶ Не исключена возможность, что Отранчи является самостоятельным племенем.

Карлуки, тюрки, барласы, мугулы, калта-таи и муса-базари говорят на весьма близких друг другу говорах карлуко-чигиле-уйгурского наречия узбекского языка, тогда как узбеки дештикипчакского происхождения говорят на сходных говорах кипчакского наречия⁵⁷. По физическому типу все рассмотренные тюрки весьма близки к оседлым узбекам, не имевшим родоплеменного деления, и к таджикам, что является одним из доказательств их давнего проживания в Средней Азии (см. рис. 2—6).

Специальные антропологические исследования, проведенные В. Я. Зенковой и К. Наджимовым под руководством проф. Л. В. Ошанина, а

Рис. 3. Мужчина муса-базари. Кишлак Нондек в верховьях Ак-су (левый приток Кашка-Дарьи)

Фото автора

также исследования И. М. Золотаревой показали, что тюрки либо совсем потеряли свои бывшие монголоидные черты и по физическому типу ничем не отличаются от таджиков и от узбеков, не имевших родоплеменного деления (группа тюрк, карлуки), либо сохранили эти черты в весьма незначительной степени (барласы, мугулы). Что касается узбеков дештикипчакского происхождения, то они в значительной степени сохранили монголоидные черты (варьируя по племенам). В наибольшей степени сохранились эти черты у таких многочисленных и компактных узбекских групп, как кунград и локай⁵⁸.

⁵⁷ В. В. Решетов. Изучение узбекских народных говоров, Сборник «Ўзбек диалектологиясида материаллар», 1, проф. В. В. Решетов тахрири остида, Ташкент 1957, стр. 7 и сл.

⁵⁸ См.: Л. В. Ошанин. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен южного Таджикистана, Сталинабад, 1957, стр. 42—44, 47—49. К. Наджимов, Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области (В связи с некоторыми вопросами этногенеза), Ташкент, 1958; И. М. Золотарева. Соматологические исследования в Ферганской долине, «Труды Киргизской экспе

Специфическим для хозяйственной деятельности тюрок было овцеводство — разведение крупнейших в мире овец гиссарской породы. Чабанство было почетным, потомственным занятием. Табунное коневодство и особенно верблюдоводство составляли редкое исключение. Крупный рогатый скот турки разводили в незначительном количестве. Вплоть до коллективизации они, как правило, земледелием занимались мало, а садоводство и огородничество носили у них случайный характер.

У узбеков дештикипчакского происхождения основным исконным занятием также было скотоводство, однако в отличие от скотоводства тюрок оно не носило единого направления: у одних узбекских групп преобладало овцеводство, у других — табунное коневодство, у третьих — верблюдоводство наряду с овцеводством и т. д. Земледелие, в частности хлебопашество на богарных (неполивных) землях, издавна получило у узбеков значительное развитие, особенно же хлебопашество стало расширяться со второй половины XIX в. Садоводство и огородничество у них, как и у тюрок, обычно отсутствовали.

Турки в отличие от узбеков дештикипчакского происхождения не знали ни производства орнаментированных паласов и ворсовых ковров, ни выделки кошм с яркими красочными узорами, ни вышивания (если не считать случаев заимствования, в частности, турками Самаркандской области). Из шерсти ткали только мешковину и паласы в полоску. Что касается выделки хлопчатобумажных и шелковых тканей, а также гончарства, то они были характерны для искони оседлого населения Средней Азии — таджиков и узбеков, не имевших родоплеменного деления. Турки и узбеки дештикипчакского происхождения этих занятий не знали.

Основным видом жилища тюрок в дореволюционное время было переносное жилище, представлявшее собой деревянный каркас из жердей, крытый войлоком (лочиг, капа). Однако по своей конструкции жилище тюрок существенно отличалось от переносного жилища узбеков дештикипчакского происхождения: узбеки жили в обычной решетчатой юрте (уй, қора уй), столь характерной в прошлом для тюрко-монгольских кочевых народов (казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и др.)⁵⁹.

Полусферический каркас жилища тюрок (диаметр от 4—5 до 15 м) сооружался из перекрещивающихся деревянных дуг. Концы дуг втыкались в землю. Для получения дуги большого размера соединяли несколько слегка согнутых жердей. При разборке остов юрты распадался на множество согнутых жердей. Нижнюю часть каркаса покрывали камышовой циновкой, а верхнюю часть — кошмами (рис. 8 и 9)⁶⁰. Турки, карлуки, барласы стали строить глинобитные зимние жилища только в

Рис. 4. Барласская женщина.
Кишлак Ташкалак в районе
Китаба
Фото Г. А. Аргиропуло

диции», т. 1, М., 1956, стр. 73, 75; Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. III, «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», новая серия, вып. XCVIII, Исторические науки, кн. 18, Ереван, 1959, стр. 7—27.

⁵⁹ В ряде местностей турки восприняли у соседних узбеков решетчатую юрту. Однако они сами не изготовляли остова, а приобретали его у узбеков (М. Ф. Гаврилов, Указ. раб., стр. 12; полевые материалы автора).

⁶⁰ Подробное описание лочига см.: Б. Х. Кармышева, Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР», вып. 10—11, Сталинабад, 1956, стр. 13—23.

Рис. 5. Локайская женщина с внуком. Кишлак Казак
в Джарыпкульской долине (Куляб).
Фото П. Г. Чучева

Рис. 6. Чабан-карлук. Куляб
Фото В. А. Ранова

конце XIX — начале XX в., а карлуки южного Таджикистана — после коллективизации. Глинобитные, весьма убогие жилища на зимовках издавна существовали у муса-базари.

Если в настоящее время узбекская юрта (рис. 7) еще бытует в ряде районов Хорезма, а также в Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областях Узбекистана и в южном Таджикистане, то лочиг уже исчезает — его лишь изредка можно встретить в виде летней кухни, летнего жилища стариков или жилища новобрачных. Лочиг освещался огнем костра или светильником. Отапливалось жилище костром, разводимым

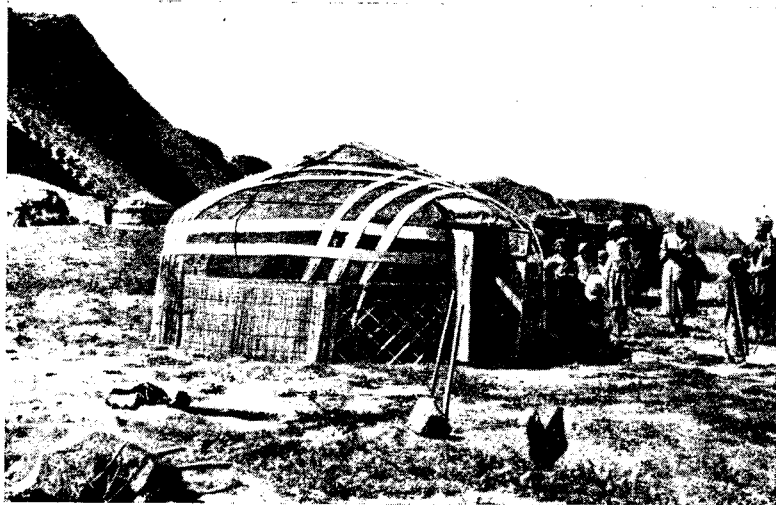

Рис. 7. Узбекская (кунгратская) юрта в юго-западной части Гиссарской долины

Фото Н. В. Темнова

в очаге, представляющем собой прямоугольную яму. В некоторых районах издавна был заимствован у оседлого населения сандали, в восточных же районах его стали употреблять только в советское время.

Домашняя утварь состояла из кошм, паласов и шкур (стеганные ватные одеяла были только у зажиточных людей), а также из посуды, типичной для кочевого быта, преимущественно кожаной и деревянной.

Основу питания составляли молочные продукты и хлеб. Мясо как повседневная пища было доступно далеко не всем. Хлеб в виде больших лепешек из кислого или пресного теста выпекали на плоском камне округлой формы, положенном на очаг, или в котле. В ряде местностей эти способы применяли только во время летних перекочевок, а в остальное время хлеб выпекали в тануре или высоком очаге, как у горных таджиков. Повседневную пищу составляли различные похлебки с тестом, ячменной и пшеничной крупой, непременно заправленные кислым молоком или разведенным сыром — курут. Жареную баранину и плов готовили только для гостей и во время семейных торжеств. Масло сбивали из заквашенного молока, а курут приготавливали из процеженной сколотины. Кумыс не употребляли. Мясо (только баранину и козлятину) хранили впрок в зажаренном виде в бурдюках и в бараньих желудках. Копчения не знали. Овощи и фрукты употребляли редко. Сухие фрукты приобретали только для гостей. Лук, стручковый перец и зелень для приправ употребляли, но не выращивали, а приобретали у таджиков. Употребляли в пищу различные дикорастущие растения и плоды: ревень, грибы, каперцы, барбарис, плоды боярышника и т. п.

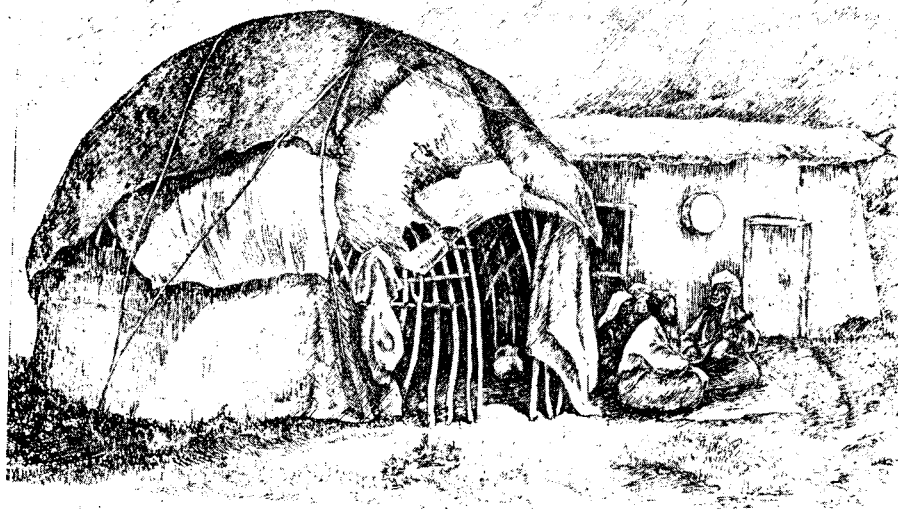

Рис. 8. Карлукское жилище (лочиг). Кишлак Дев-чашма в районе Дангары
(южный Таджикистан)

Рис. М. Р. Габе

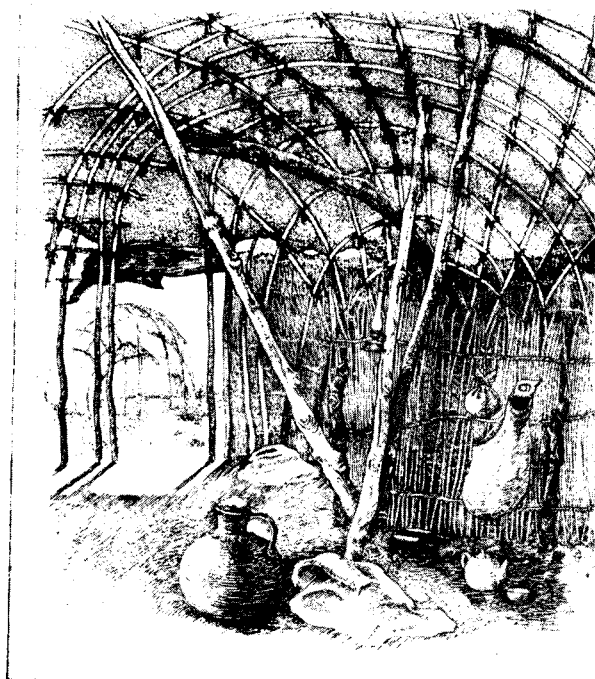

Рис. 9. Интерьер карлукского жилища (лочиг).
Кишлак Дев-чашма

Рис. М. Р. Габе

Традиционная одежда тюрков в основном сходна с одеждой всего сельского населения южных и западных районов Узбекистана и Таджикистана. Различия наблюдаются лишь в деталях. Например, женщины узбеков дештикипчакского происхождения носили (в некоторых местах носят до сих пор) высокий головной убор в виде тюрбана (рис. 10). Женщины тюрков ограничивались невысокой повязкой из одного-двух платков. Исключение составляют, пожалуй, только женщины кишлака Каллук Касанского района Кашка-Даринской области, которые носят довольно высокий головной убор своеобразной формы. Женщины не закрывали лица. Паранджа бытовала только у зажиточных слоев и служила покрывалом невесты во время переезда в дом жениха, а также выезда новобрачной за пределы селения. Носили ее без чачвана.

Семейные обряды и обычаи имели много общего с такими у оседлого узбекско-таджикского населения. В свадебных обрядах тюрков и узбеков дештикипчакского происхождения, наряду с множеством общих черт, имелись и существенные различия. Одним из принципиальных различий, например, было то, что у тюрков невесту увозили из родительского дома в дом жениха сразу после церемонии бракосочетания или спустя очень непродолжительное время, а у узбеков молодая после свадьбы еще довольно долго оставалась в доме своих родителей. Срок этот зависел от полной выплаты калыма, который у узбеков был значительно выше, чем у тюрков. Как у тюрков, так и у узбеков левират был строго обязателен, а сорорат — желателен.

По покойнику справляли многократные разорительные поминки. В день похорон устраивали оплакивание с громкими причитаниями и биением себя в грудь (садр теписи).

Как показывают наши материалы, в быту, нравах и обычаях поздних узбеков в ряде местностей (особенно в южных и западных областях Узбекистана и Таджикистана) в значительной мере сохранялись элементы дештикипчакской культуры, что сближало их с казахами; наоборот, в культуре и быте тюрков было значительно больше общности с издавна оседлым земледельческим населением Средней Азии — узбеками, не имевшими родоплеменного деления, и таджиками.

Заканчивая этот краткий обзор, следует еще раз подчеркнуть, что в наши дни идет интенсивный процесс исчезновения различий в культуре и быте отдельных этнографических групп узбекского народа. Описанная нами группа еще в начале 1930-х годов полностью перешла к оседлости, и ныне ее представители являются членами крупных многоотраслевых

Рис. 10. Кунгратская женщина. Район Шартуза (южный Таджикистан)

Фото Н. В. Темнова

колхозов, в состав которых, как правило, входят различные группы узбеков, а также таджики. В результате совместной жизни и совместного труда происходит интенсивный культурный взаимообмен, при этом каждая из групп берет у другой и творчески осваивает наиболее рациональные элементы культуры. Огромно влияние на сельское население передовой городской культуры, школы, сельской интеллигенции. В результате бурного развития узбекской общенациональной культуры ликвидируются остатки локальных и племенных различий внутри узбекской нации.

SUMMARY

In the late 19th and early 20th centuries two component parts could be clearly traced among the Uzbek population: 1) the traditionally settled rural and urban population with no tribal divisions in their midst (whom pre-revolutionary literature called Sart); 2) the semi-nomads who retained their tribal names. The semi-nomad population was not homogeneous, falling into two groups which markedly differed from one another: 1) the historical descendants of the Dashti-Kipchak Uzbek tribes which migrated to Maveran-nahr early in the 16th century, and 2) the historical descendants of the earlier Turko-Mongol migrants to Central Asia. In special literature, as well as among the local population, this latter group is given the name of Turks. The Turks have retained their tribal names of Karluk, Turk, Kalta-Tai, Musa-Bazari, Barlas. A kindred Turkic-speaking group was the Mugul, who retain their tribal name to this day.

In Soviet Central Asia and Afghan Badakshan the Turks live on the outskirts of the high-mountain zone with a solid Tajik population, and in certain areas they have intermingled with the latter to a considerable degree. From the point of view of their physical characteristics, customs and rites the Turks are close to the settled aboriginal population of Central Asia — the Uzbeks who lack tribal divisions, and to the Tajiks. In the early 1930's the Turks adopted a fully settled mode of life and are now incorporated in large-scale collective farms whose members belong to different nationalities. In our time an intensive process is taking place in the course of which the differences in the culture and mode of life of diverse ethnographical groups of the Uzbek people are fast disappearing. As a result of the sweeping development of a national Uzbek culture the survivals of local and tribal differences within the Uzbek nation are being done away with.

Ч. М. ТАКСАМИ

СОВРЕМЕННЫЕ НИВХСКИЕ СЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

В настоящей статье делается попытка осветить некоторые вопросы современной культуры нивхов низовьев Амура и западного побережья северной части о. Сахалина, в частности вопросы, связанные с развитием и изменением в советское время поселений и жилищ¹.

Победа Советской власти и практическое осуществление национальной политики Коммунистической партии на Севере и Дальнем Востоке СССР привели к коренным преобразованиям в политической, экономической и культурной жизни нивхского народа. В частности, неузнаваемо изменились нивхские поселения. Если обратиться к сравнительно недавнему прошлому, то старые нивхские селения и жилища могут служить особенно наглядным примером тяжелых бытовых условий жизни нивхов в дореволюционное время.

Нивхи издавна живут по нижнему течению Амура и на побережьях Амурского лимана. Самым верхним селением нивхов по Амуру в конце XIX — начале XX в., очевидно, являлось с. Гери. Отсюда нивхские селения по обоим берегам тянулись до самого устья. Самым северным населенным пунктом было с. Куль на реке того же названия. На юге нивхские селения тянулись до мыса Лазарева (Пила-кры). Исторические данные говорят о том, что в прошлом материковые нивхи расселялись на более обширной территории: на севере их селения доходили до устья р. Тугура, а на юге были известны за мысом Лазарева. В конце XIX — начале XX в. нивхи посещали эти места только во время промысла. Жили они частично и на территории расселения ульчей.

Основным занятием амурских нивхов было рыболовство, а лиманских и сахалинских — рыболовство и зверобойный промысел. В рыболовстве первостепенное значение имел промысел проходной лососевой рыбы — горбуши, летней и осенней кеты. Кроме того, нивхи занимались охотой на пушного зверя, собиранием ягод и съедобных дикорастущих растений.

Жили нивхи оседло. Продукты рыболовства и морского промысла служили основным средством к жизни, давали пищу и одежду. Поэтому нивхское население, естественно, располагалось в непосредственной близости к месту промыслов.

Нивхские селения обычно были небольшими; в них не было и десятка жилых домов. Лишь отдельные селения, расположенные в местах, обильных рыбой, имели до двадцати жилых домов и население до 200 человек. На материке нивхских селений к началу XX в. было более 60, а на западном побережье северной части Сахалина от бывшего порта Александровска до с. Ныврово — 25².

¹ В основу статьи положены материалы автора, собранные на Амуре и Сахалине в 1956 и 1957 гг.

² См. Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933, стр. 384.

У нивхов было два вида жилищ: зимние и летние. В зависимости от промысловых и географических условий они находились либо в непосредственной близости, либо на значительном расстоянии друг от друга. На Амурском лимане и западном побережье северной части Сахалина летние жилища строили вблизи места промысла, а зимние — дальше от берега, в лесу. Соответственно возникли и два вида селений — зимние (тулв-во) и летних (толв-во).

Расположение летних селений в непосредственной близости к местам промысла лососевой рыбы и морского зверя имело большое хозяйственное значение: пойманную рыбу тут же обрабатывали на юколу и складывали в амбары. Зимой по мере надобности рыбу вывозили небольшими партиями на собачьих нартах в зимние селения. В летних селениях имелись, кроме летних жилищ (ке-рыф), помосты и амбары для хранения юколы и орудий лова, а также вешала для сушения рыбы. Как в зимнем, так и в летнем селении амбары и хозяйственные строения ставили компактно, около жилища, в известном порядке, но не огораживали.

В летние селения нивхи переселялись очень рано — в апреле, а в зимние возвращались только поздней осенью. Раннее переселение вызывалось, в основном, не бытовыми условиями жизни в жилищах, как полагал Л. Шренк³, а экономической необходимостью. Ранней весной кончались запасы продуктов, и, чтобы добыть себе пищу, нивхи отправлялись в селения, расположенные вблизи места промысла морского зверя. Здесь, промысляя нерпу, лахтака и других животных, они жили до начала промысла рыбы.

На Амуре зимние и летние жилища находились чаще всего в одном населенном пункте. Нивхи жили здесь круглый год: зимой — в зимниках, а летом — в легких свайных летниках. Здесь же были расположены все хозяйственные и ритуальные строения. Комплекс построек, принадлежавших одному хозяйству, также не огораживался. Нивхи Амура отлучались из села только во время хода рыбы лососевых пород, когда жили на месте промысла в шалашах.

В большинстве нивхских селений обитали члены разных родов. Правда, были небольшие селения (1—3 дома), как, например, Дыльм, Гок, Каучпах, Вуарк, Мы и другие, где жили только члены одного рода.

В дореволюционное время в подавляющем большинстве селений обитали только нивхи, но в отдельных селениях встречались и представители других народностей — русские, китайцы, ульчи, негидальцы и др.

Санитарное состояние нивхских селений было крайне неудовлетворительным. Из-за отсутствия медицинской помощи население обращалось к шаманам и знахарям. Эпидемические заболевания — оспа и тиф — уничтожали многие нивхские семьи и целые селения. Ни в одном нивхском населенном пункте не было школы, и нивхи были поголовно неграмотными.

Население не обеспечивалось продовольствием (сахаром, мукой, крупой, чаем, солью) и промышленными товарами; приходилось покупать все у купцов и рыбопромышленников, которые, пользуясь монопольным положением, сбывали свои товары в 4—10 раз дороже обычной цены, да еще забирали у населения драгоценную пушнину почти даром, в большинстве случаев — за водку.

* * *

Основными видами жилища нивхов в дореволюционное время были полуземлянка (то-рыф) и наземное каркасное жилище (чад-рыф, или тонде-рыф — «простой дом»). Эти жилища, довольно большие по

³ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. II, СПб., 1899, стр. 46.

размерам, вмещали иногда по несколько десятков человек. Строили их коллективными усилиями всех работоспособных членов рода, проживавших в данном населенном пункте. В тех селениях, где жили только члены одного рода, в строительстве участвовало все население. Если там временно пребывали члены другого рода, то и они вносили свою долю труда. Помощь сородичей и гостей была безвозмездной. Жилище, построенное силами родового коллектива, находилось в пользовании членов домашней общины, но считалось собственностью рода. При отсутствии в данном месте членов этого рода жилые строения пустовали. Члены других родов не имели права входить в них, как не имели права и пользоваться оставшимися от прежних хозяев предметами домашнего обихода. Еще в 1956—1957 гг. автор наблюдал следующий факт: в с. Уарки (на Амурском лимане) пустовали два летника-амбара с полной обстановкой и хранящимися в них копьями, ножами и т. п. Хозяева этих летников умерли, а члены их рода не проживали в близлежащих селениях. Хотя в амбаре и оставалось много нужных нивхам промысловых орудий, но, соблюдая старинный принцип родовой собственности, никто к ним не прикасался.

Наиболее древним и примитивным видом зимнего жилища была полуземлянка (то-рыф), которая в 1920-х годах бытовала уже только у части нивхов на Сахалине. В наше время полуземлянка как на материке, так и на западном побережье Сахалина не встречается.

Полуземлянка снаружи имела полусферическую форму и была похожа на земляной бугор. Состояла она из жилого помещения и коридора, с выходом наружу. В плане полуземлянка была четырехугольной. Основание составляла яма со сторонами 7,5 и 8,5 м при глубине 90—110 см. На четырех опорных столбах, вкопанных в яму, несколько отступая от углов, укрепляли раму. К четырем сторонам ее наклонно представляли плотно пригнанные друг к другу круглые жерди; верхние концы их выступали над бревнами рамы, но не перекрещивались, а оставляли небольшой квадратный просвет — свето-дымовое отверстие. Таким образом, строение получало форму усеченной пирамиды. Жерди обкладывали снаружи сухой травой или камышом, затем — дерном и засыпали все землей. Дверь делали маленькую и узкую; окон не было. Спускались в жилое помещение по лестнице (н'ар)⁴, представлявшей собой бревно с зарубками, реже — по ступенькам из утрамбованной земли. В середине помещения под дымовым отверстием находился очаг (т'ут), представляющий собой четырехугольную дощатую раму, наполненную землею. Вдоль стен были устроены дощатые нары.

Бытовые условия в полуземлянке были очень тяжелыми. Осенью и зимой огонь в очаге поддерживали непрерывно; при сильных ветрах помещение наполнялось дымом и стены покрывались толстым слоем копоти. От едкого дыма люди страдали глазными болезнями, которые нередко приводили к слепоте.

Наземное каркасное однокамерное жилище (чад-рыф, или тонде-рыф) в дореволюционное время бытовало у нивхов повсеместно, как на материке, так и на западном побережье Сахалина. Чад-рыф имел низкие стены и массивную крышу с двумя слабо выраженными скатами. Это жилище в плане было прямоугольным, иногда почти квадратным, обычно 10×9 м. Стены возводили из тонких бревен, стесанные концы которых входили в тазы, вырубленные в столбах. Двускатная крыша из еловых жердей, покрытых камышом или травой, придавленная бревнами, покоилась на князевой балке и слегах. В доме была одна дверь, в поперечной (по отношению к балке) стене; окон, затянутых рыбьей шкурой, а изред-

⁴ В настоящей статье для передачи звуков нивхского языка приняты следующие знаки: п' — придыхательное п; т' — придыхательное т; г — увулярное г; к — увулярное к; н' — заднеязычный сонант (нэ).

ка — китайской бумагой, обычно было семь; нары, обогреваемые двумя очагами, устраивали вдоль всех стен жилища. В середине дома находилась дощатый четырехугольный помост (кан гыл), на котором зимой коптили собак.

В настоящее время каркасное жилище (как и полуземлянка) у нивхов не бытует. В прошлом такое жилище было широко распространено также у нанайцев, ульчей, негидальцев и отдельных групп эвенков и Охотском побережье.

Переход к наземному каркасному жилищу, появление дымохода обогреваемых нар, многооконность следует рассматривать как явления прогрессивные, повлекшие за собой относительное улучшение жилища.

Рис. 1. Срубный дом. Сел. Чингай

(Здесь и ниже фото автора)

условий нивхов; но сами жилища были еще далеко не усовершенствованы. Через неровные стены и большие щели в окнах свободно проникал зимой холодный воздух, через дверь, выходившую прямо на улицу, также врвался ледяной ветер со снегом.

С появлением русских в районах нижнего Амура стало распространяться срубное жилище. Русские бревенчатые срубные дома получили широкое признание у нивхского населения. Уже к периоду коллективизации этот тип жилища у нивхов стал преобладающим. Характерно, что под влиянием разложения патриархальной общины нивхи воздвигали не только большие срубные дома, предназначенные для нескольких семей одного рода, но наряду с этим и маленькие срубные дома для небольших семей (рис. 1). В срубных домах появились дощатый пол, потолок, застекленные окна, железные печи и т. д. Только отдельные семьи жили в полуземлянках с двускатной крышей (мивтьв). Это строение, видимо, ими было также заимствовано от русских.

Летнее легкое жилище нивхов (ке-рыф), построенное на сваях или прямо на земле, имело двускатную крышу, покрытую берестой. Входом в летнее жилище на сваях служила небольшая дверь с приставленной к ней лестницей в виде цельного бревна с зарубками. Внутри по стенам шли нары, в середине находился очаг. На промысле нивхи до настоящего времени строят временные укрытия — шалаши (п'ры), полусферические или двускатные. Для рожениц строили прежде специальные двускатные или конические шалаши.

Из хозяйственных строений в первую очередь следует отметить амбары на сваях и вешала для хранения продуктов и сушки рыбы, а в старину также домики для содержания выкармливаемых медведей и родовые ритуальные амбары. Укрытия для собак в виде шалашей и за-слонов и теперь входят в комплекс надворных хозяйственных построек нивхов.

Нивхские колхозные селения

Территория расселения нивхов на материке и на Сахалине в основном осталась той же, что и во второй половине XIX в. В настоящее время нивхи живут в пределах Тахтинского и Нижне-Амурского районов

Рис. 2. Улица в сел. Некрасовка (Сахалин)

Хабаровского края, а на западном побережье северной части Сахалина — в Охинском и Рыбновском районах Сахалинской области.

Основное нивхское население объединено в рыболовецкие колхозы и обитает в селениях, расположенных вперемежку с русскими. На материке насчитывается 15 нивхских колхозных селений: 6 — в Тахтинском районе, 9 — в Нижне-Амурском. На западном побережье северной части Сахалина имеется три таких селения. Часть нивхов живет в русских, негидальских и эвенкийских селениях, отдельные семьи — в городе Николаевске-на-Амуре (в основном это представители нивхской интеллигенции или рабочие судостроительного завода). Лишь незначительная часть нивхов осталась в старых селениях, из которых основная масса нивхов выехала в результате объединения колхозов. Число таких старых селений, как и живущих там семей, и на Амуре, и на Сахалине крайне незначительно.

Современные колхозные селения основаны на местах прежних нивхских населенных пунктов — по берегам рек, на протоках и на морском побережье. Такое расположение колхозных селений обусловлено огромным значением рыбного промысла и водного транспорта в экономике нивхов.

В большинстве селений жилые и хозяйственные строения расположены вдоль берега в два ряда (рис. 2). В отдельных селениях, например в Лимане и на Паде, все строения стоят в один ряд. Фасады домов обычно обращены к берегу. Такая линейная, или рядовая, планировка строений в нивхских селениях связана с местными географическими ус-

ловиями и промысловым хозяйством. Встречаются селения, где по линейному и рядовому плану расположены только строения вдоль берега, а ближе к лесу они стоят без определенного порядка.

Кроме жилых домов, в селениях имеются хозяйственные и бытовые постройки: склады, амбары, кузница, ремонтная мастерская, магазин, баня, пекарня, конюшня и др. Большинство этих строений находится у самого берега, что представляет несомненные практические удобства для колхозников, занятых в рыбном промысле. Благодаря этому орудия про-

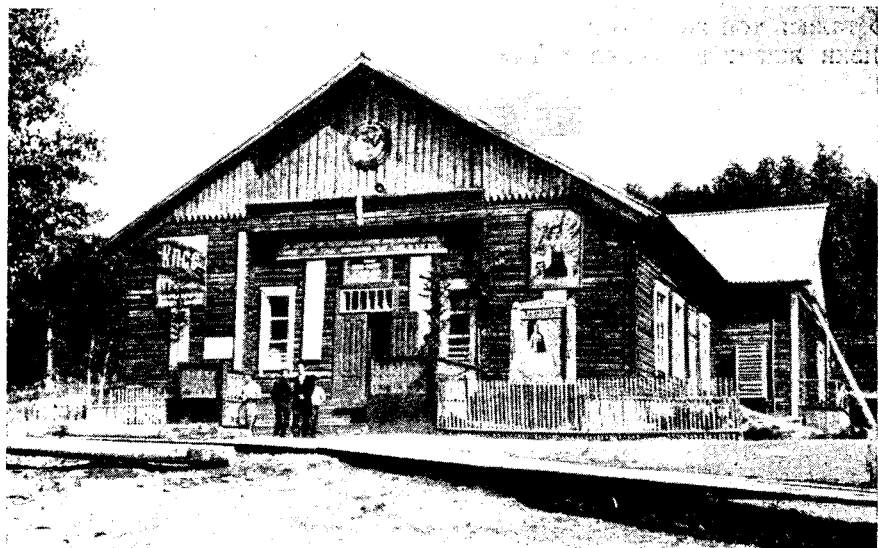

Рис. 3. Дом культуры. Сел. Тахта

мысла и груз, хранимые в складе, не нужно каждый раз переносить на далекое расстояние.

Колхозные селения являются и культурными центрами. В них обычно имеются школа, медицинский пункт, изба-читальня или клуб, библиотека, дом культуры (рис. 3). В селениях Тахта, Чардбах, Пуир, Луполово, Некрасовка, Ныврово имеются отделение связи, сберегательная касса, радиостанция, спортивная площадка (рис. 4). В нивских селениях построены электростанции. Колхозные поселки радиофицированы и связаны между собой телефонной линией.

Культурные учреждения обычно расположены в центре поселка или несколько в стороне, по направлению к лесу. Рядом с ними находятся здания правления колхоза и сельсовета. Место сосредоточения общественных и культурных зданий считается центром населенного пункта.

В большинстве селений всего по 20—40 дворов, жителей — 100—200 человек⁵. В национальном отношении эти селения — смешанные. Кроме нивхов, в них живут русские, а также отдельные семьи ульчей, негидальцев, нанайцев и других народов Севера. Но основу населения все же составляют нивхи.

Строительство нивских селений заметно оживилось в послевоенные годы, особенно после XX и XXI съездов КПСС. В результате расширения колхозного производства, объединения маломощных колхозов, их экономического развития, созданы вполне благоприятные условия для ведения плановых строительных работ. Ежегодно в колхозах организу-

⁵ В селениях, где, кроме колхозов, имеются государственные промысловые предприятия и другие организации (Тахта, Пуир, Чардбах), жителей значительно больше.

ются специальные бригады, которые в плановом порядке осуществляют строительство жилых домов и различных хозяйственных помещений. В селениях действуют постоянные санитарно-бытовые комиссии, которые совместно с общественными организациями проводят осмотр дворов и жилищ.

В социалистическом преобразовании нивхских селений активно участвуют сами колхозники. Показательно сел. Кальма. Здесь свыше сорока бревенчатых жилых домов с шиферными или дощатыми крышами и не-

Рис. 4. Спортивная площадка. Сел. Тахта

Рис. 5. Школа-интернат. Сел. Кальма

сколько общественных зданий, которые выделяются своими большими размерами и широкими окнами. В Кальме имеется двухэтажная восьмилетняя школа-интернат (рис. 5), клуб, фельдшерско-акушерский пункт, здание правления колхоза и сельсовета; в последние годы построены столовая для школы, баня, магазин, большой колхозный скотный двор, свиноферма, овощехранилище, склады и электростанция. Заканчивается строительство нового здания клуба на 150 человек. Продолжается строительство жилых домов.

Основное население трудится в рыболовецком колхозе «Красная звезда», организованном в 1932 г. На промысле используются новые орудия лова (большие закидные неводы и плавные капроновые сети), а также самоходный флот. Колхоз систематически выполняет государственный план по добыче рыбы. Средний доход колхозника от промысла рыбы только деньгами составляет около 10 тыс. руб. в год. Занимаются в колхозе также животноводством и огородничеством. Хороший урожай овощей выращивают нивхи и на своих приусадебных участках. Каждая нивхская семья имеет корову и несколько свиней. Из домашней птицы в основном разводят кур.

В Кальминской восьмилетней школе-интернате обучается около 150 чел. Это дети рыбаков и охотников разных национальностей: нивхи, русские, украинцы, негидальцы, эвенки. Все дети с. Кальма охвачены школьным обучением. Многие окончившие кальминскую школу работают в колхозе и на рыбозаводе, некоторые продолжают образование в Ленинграде, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Биробиджане. Из с. Кальма шесть нивхов получили высшее образование и восемь закончили средние специальные учебные заведения.

Медицинский пункт в Кальме обслуживают фельдшер и медицинская сестра. Тяжело больных направляют в районную больницу в с. Тахта.

Летом 1956 и 1957 гг. автору неоднократно довелось присутствовать на открытых партийных собраниях колхоза, где обсуждались вопросы проведения путины. На собраниях активно выступали не только члены правления колхоза, но и рядовые рыбаки и рыбачки. Мне не один раз приходилось беседовать в Кальме с отдельными представителями старшего поколения нивхов, испытывшими в прошлом тяжелые невзгоды. Приведу два примера, наглядно показывающих подъем культурного уровня нивхов. А. И. Гудан был активным участником установления Советской власти, а впоследствии — организации колхозов на Амуре. Более десяти лет он был бессменным председателем колхоза «Красная звезда». Ныне председатель этого колхоза — старший сын Гудана — Вычкан, депутат Тахтинского районного Совета. Другой его сын — Магун работает учителем в родном селении и является секретарем первичной партийной организации. В семье Костиных старший сын Тыхта учился в Институте народов Севера в Ленинграде, участвовал в Великой Отечественной войне, был награжден восемью орденами и четырьмя медалями Советского Союза. После войны окончил краевую партийную школу и в настоящее время является председателем колхоза «Память Ленина». Младший сын, Беник, — председатель сельского Совета в родном селении. Две дочери Костина получили медицинское образование и работают по своей специальности.

В осуществление семилетнего плана развития народного хозяйства вносят свою долю труда и нивхские колхозники. Большие задачи, стоящие перед сельским хозяйством, требуют дальнейшего развития всех отраслей сельскохозяйственного производства. Одним из условий дальнейшего развернутого коммунистического строительства в районах Нижнего Амура, в частности среди нивхского населения, является укрупнение экономически слабых и малочисленных колхозов, организация более крупных населенных пунктов. В первые годы после коллективизации малочисленность и разбросанность нивхских колхозов являлась серьезным препятствием для роста колхозного производства, развития новых отраслей хозяйства, сооружения зданий для культурно-просветительных, бытовых, медицинских учреждений. Поэтому по мере развития обобщественного хозяйства по инициативе самих колхозников началось объединение мелких колхозов, сопровождавшееся их организационным укреплением. В послевоенные годы на Амуре были объединены 16 рыболовецких колхозов. На западном побережье северной части Сахалина

в настоящее время имеются два объединенных рыболовецких нивхских колхоза.

Объединение колхозов сопровождалось укрупнением колхозных селений. Как правило, это были в первую очередь колхозные селения, наиболее удачно расположенные в производственном отношении, прежде всего для рыбного промысла. Укрупнение мелких населенных пунктов способствовало дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов. В настоящее время именно в крупных колхозных поселках ведется более интенсивный лов, шире применяется механизация на промысле; успешно развиваются и новые отрасли хозяйства — огородниче-

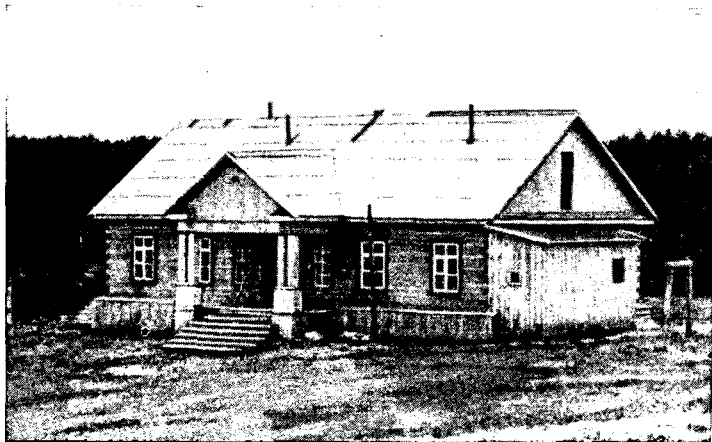

Рис. 6. Больница. Сел. Некрасовка

ство, пушное звероводство, животноводство. Поввысилась производительность труда, выросла экономика колхозов и увеличился заработок колхозников. Появилась возможность широко вести строительные работы. Организация укрупненных колхозных селений создала благоприятные условия для культурно-массовой и политико-просветительной работы. В этой работе большое участие принимает сельская интеллигенция нивхов.

В селениях Кальма, Тахта, Пуир и других имеются стационарные киноустановки. Все колхозы радиофицированы, во многих селениях горит электрический свет.

Интересно проследить рост экономического и культурного развития колхоза «Красный Маяк» (с. Макаровка), расположенного на левом берегу Амурского лимана. Он был организован в 1953 г. на базе двух колхозов — имени Беякова (с. Макаровка) и «Красный Маяк» (о-в Байдукова). Ныне колхоз «Красный Маяк» получает только от рыболовства 1 млн. руб. дохода. Колхоз имеет ферму черно-бурых лисиц и подсобное сельское хозяйство. Поввысилась стоимость трудодня, поднялся жизненный уровень колхозников и их семей. После объединения колхозов население, раньше жившее на о-ве Байдукова, переселилось в объединенный колхозный поселок — с. Макаровка. В селении имеются школа, клуб, медицинский пункт, баня, магазин, здание правления колхоза и хозяйственные строения колхоза и колхозников. Согласно перспективному плану колхоза, в ближайшие годы будет построен новый вместительный клуб, а все семьи колхозников будут обеспечены новыми благоустроенными домами. Больших успехов достигли также объединенные колхозы на северном Сахалине — «Свобода» и «Красная Заря».

На Амуре каждый колхозный двор имеет приусадебный участок площадью до 0,25 га. Дома и хозяйственные строения составляют открытый

двор, обнесенный изгородью. На Амурском лимане, как и на западном побережье Сахалина, огородничество и животноводство развиты значительно слабее, чем на Амуре. Поэтому в этих районах многие дворы не имеют ни строений для скота, ни заборов, представляя собою как бы переходный тип от старинного нивхского двора к колхозному.

Современное жилище нивхских колхозников

После организации колхозов началось планомерное строительство жилых домов для колхозного населения. Старые типы жилых строений сравнительно быстро отошли в прошлое. К моменту завершения коллек-

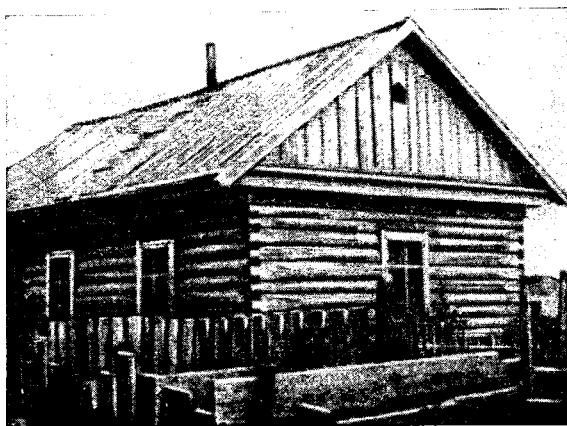

Рис. 7. Современный одноквартирный дом. Сел. Пуир

тивизации (1939 г.) их почти совсем не сохранилось. Нивхи интенсивно начали строить срубные бревенчатые дома русского типа, получившие название «юрг'у-рыф» (срубный дом), или «лоча-рыф» (русский дом), в большинстве случаев рассчитанные на одну семью. В настоящее время этот тип жилища, более благоустроенного, встречается у нивхского населения повсеместно (рис. 7). Строят эти дома сами колхозники, пользуясь предоставленными для этого денежными ссудами и получая специальные отпуска. Оказывают им помощь и ближайшие родственники. Иногда для строительства жилых домов колхоз выделяет бригаду в составе 2—5 человек.

Четырехугольный сруб устанавливают на невысоких деревянных стойках диаметром 26—30 см, изготовленных из наиболее смоляной комлевой части бревна. Расстояние между ними обычно не более 1,5 м. Нижние венцы сруба складывают из более толстых бревен. Число венцов зависит от толщины бревен и предполагаемой высоты здания; обычно их 17—19. Поверхность бревен внутри помещения гладко стесывают. Углы венцов обычно заделывают «в чашку» или «в лапу», чтобы венцы плотно примыкали, в бревнах выбирают пазы и прокладывают их мхом. После укладки двух венцов параллельно передней и задней сторонам сруба врубают в стены 3—4 толстые балки-переводины, служащие опорой для пола. Поперек переводин настилают пол из досок, скрепленных пригонкой «впритык». Выкапывают подполье для хранения картофеля и других овощей, обшивая яму досками или тонким накатником. Для утепления дома устраивают завалинку. Для этого на расстоянии 30—40 см от заборки вбивают колья, по которым идет обшивка из досок. Иногда вместо кольев вбивают маленькие столбики с пазами и промежутки между ними заполняют тонкими бревнами, концы которых, об-

Мебель главным образом покупная: столы, стулья, табуреты, металлические кровати, различные шкафы, комоды, зеркала, книжные полки, этажерки и проч. Отдельные предметы, в частности табуреты и столы нивхи иногда делают сами.

Нивхские женщины, стремясь сделать свой дом чистым, красивым, уютным, затрачивают на это много терпения и труда. На окнах висят тюлевые или полотняные шторы, стоят горшки с цветами. На стенах висят репродукции с картин, фотографии членов семьи и их родни. Почти в каждом доме имеются настенные часы, швейная машина, разнообразная покупная посуда. В особенном порядке содержится постель. Кровать обычно застелена белой простыней или пикейным покрывалом с кружевным подзором и отделена от комнаты пологом. Подушки лежат горкой по одной или двум сторонам кровати. Наволочки на подушках белые полотняные с вязаными кружевными прошивками или с цветной вышивкой.

Жилое помещение — однокамерное или разделенное поперечной перегородкой на две части. Перегородка получила особенное распространение в последние годы, но лишь в тех домах, где имеется печь с обогревателем. Дощатая перегородка доходит до потолка и закрепляется вверху на перекладине, поддерживаемой стойками. Пространство между печью и стеной с дверью занавешивают или частично отгораживают дверками. Таким образом получают небольшую кухню, в которой находят кухонный столик с посудным шкафчиком в углу, умывальник на стене и кухонная утварь. Остальная часть помещения перед перегородкой состоит из прихожей и столовой. У перегородки ставят обеденный стол. Иногда у левой стены стоит кровать или деревянные нары. На стене слева от входа — вешалка для верхней одежды.

В задней части комнаты вдоль правой продольной стены и перегородки стоят аккуратно убранные кровати. Над ними висят коврики или модельные панно из цветной ткани. У задней стены, напротив входа, письменный стол. В левом дальнем углу стоят чемоданы, сложенные один на другой; иногда — тумбочка или этажерка с книгами. В случае необходимости в левом углу ставят также кровати. В обеих частях комнаты — керосиновые или электрические лампы.

Если перегородки нет, то печь в большинстве случаев расположена направо от входа, в передней части комнаты, немного отступая от стены, причем устье всегда обращено к стене, где находится дверь. Угол между печью и стеной обычно занимает кухонный стол с небольшим шкафчиком. Над столом висит на гвоздях различная домашняя утварь. На передней стене, ближе к двери, умывальник. В дальних от входа правом и левом углах помещаются кровати. Между кроватями — письменный стол. На нем чернильный прибор, книги, часы и т. д. У левой продольной стены, в средней части, помещается обеденный стол. На нем на стене — радиоприемник, календарь и проч.

Новая обстановка жилища характерна сейчас не только для нивхского населения, но и для всех других народов Амура и Сахалина. Вместе с новым типом жилища и новой домашней обстановкой прочно вошли в их жизнь и новые бытовые и культурные навыки.

Старинная обстановка сохранилась лишь в отдельных домах нивхов, живущих в старых селениях. Там и сейчас встречаются дощатые нары, низкие столы, подвесные нивхские колыбели, продольные жерди над печью (тагвус), различные предметы прежней обстановки и домашней обихода. У старшего поколения нивхов сохранились и некоторые старые обычаи и привычки. Так, старики, особенно женщины, предпочитают есть, сидя на полу у печи и беседуют, поочередно куря одну и ту же трубку.

В современных жилых домах нивхи живут круглый год. Поэтому сей

час отпала необходимость сооружать летнее жилище, как это было раньше. В небольших по размеру новых домах обычно живет только одна супружеская пара со своими детьми; родители, как правило, живут отдельно и ведут особое хозяйство. В жилых комнатах все члены семьи спят на кроватях. Лишь старики предпочитают занимать место у печки, в передней части комнаты; некоторые из них по многолетней привычке все еще спят на полу, хотя в комнате имеется свободная кровать.

В новых культурно-бытовых условиях проходит также жизнь и работа колхозников, занятых на рыбном промысле. Во время путины они живут в построенных в большинстве нивхских колхозов рыбацких станах — таких же теплых бревенчатых срубных однокамерных домах, как

Рис. 8. Рыбацкий стан колхоза «Красный пограничник». Сел. Красовка

и в селении (рис. 8). Отапливают эти помещения железной печью, устанавливаемой на дощатой раме, наполненной землей. Такие рамы с землей (т'ут) в прошлом служили очагом в полуземлянке и свайном летнике. Спят рыбаки на дощатых нарах, топчанах или раскладных кроватях, подстилая медвежью, лосевую или собачьи шкуры.

Следует сказать, что под рыболовецким станом нивхи подразумевают не только специальный жилой дом на промысле, но и весь промысловый участок со всеми жилыми и хозяйственными строениями. Это своеобразное небольшое рыбацкое селение, живущее своей активной трудовой жизнью во время хода рыбы. Здесь проводится культурно-просветительная работа среди рыбаков, ставятся кинокартины, читаются лекции на политические, научные и производственные темы и пр. Отдельные рыболовецкие станы соединены с колхозным селением телефонной линией.

Бытовые условия рыбаков на промысле все же оставляют еще желать лучшего. Необходимо, в частности, усилить заботу о санитарном состоянии отдельных станов. Следует значительно улучшить доставку туда газет, журналов, брошюр, приобрести хорошие радиоприемники.

В связи с развитием колхозного производства нивхи, наряду с жилыми домами, построили много общественно-культурных и хозяйственных помещений. Появление в личном хозяйстве колхозников огородов и домашнего скота повлекло за собой сооружение новых видов строений — летней кухни, амбара-кладовой, коровника, свинарника и др.

В Тахтинском районе только за 1957 г. построено и сдано в эксплуатацию 3399 и отремонтировано 1468 кв. метров жилой площади. На строительство культурных объектов израсходовано 877 тыс. руб. Размах

строительных работ особенно увеличился в последние годы, после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

В отдельных нивхских колхозах на Амуре на строительные работы отпускаются довольно значительные средства. Так, колхоз «Красная звезда» в 1957—1958 гг. затратил на строительство жилых домов хозяйственных помещений 80 тыс. руб., колхоз «Память Ленина» — 175 тыс. руб. На средства государства ведется строительство школ, культурных, медицинских и бытовых учреждений. Советское государство уделяет огромное внимание улучшению быта и культуры коренного населения Севера, отпуская на это большие суммы. Строительная работа интенсивно ведется колхозами и государством и в нивхских селениях

Рис. 9. Строительство скотного двора (устройство крыши).
Сел. Кальма

Сахалине (рис. 9). По семилетнему плану жилищного строительства в нивхских колхозах Сахалина должно быть построено и капитально отремонтировано свыше ста тридцати жилых домов, а также три электростанции, два клуба, гараж и т. д.

Летом 1957 г. открыты две больницы — в сел. Некрасовка (рис. 6) и Луполово. По перспективному плану на Сахалине для коренного населения будут построены государством четыре школы, два интерната, четыре ясельных дома, три больницы, общежитие медицинского училища на сорок мест в г. Александровске-на-Сахалине, дом престарелых на сто человек в Кировском районе.

Однако, несмотря на то, что ежегодно число жилых домов и общественных зданий увеличивается, строительство в целом ведется еще медленно; во многих селениях есть семьи, не имеющие пока собственных жилых домов. Одной из причин отставания строительства от потребностей населения является недостаточная экономическая мощность отдельных колхозов, отсутствие в них кадров строителей.

Успех строительства в колхозах во многом зависит от наличия необходимого строительного материала. Вполне понятно, что решающую роль в снабжении колхозных строек должно сыграть производство местных строительных материалов, которое может быть организовано в каждом районе и колхозе. Следует, в частности, резко увеличить производство досок и кирпича; к сожалению, колхозы, имея средства, не могут приобрести оборудование, например пилорамы, на месте. Необходимо вместе с тем улучшить снабжение сельских строителей материалами, которые не могут быть изготовлены в районе, в частности стеклом, ши

фером, гвоздями. Планирующим органам следовало бы уделить этому вопросу больше внимания.

Приходится наблюдать и такое положение, когда отдельные нивхские дома собраны крайне упрощенно. Так, вместо красивых наличников на окнах кое-где прибиты простые доски; двери и сени сколочены небрежно из разных кусков досок, рамы кривые, карниз отсутствует и т. д. Архитекторы должны подумать о том, как лучше, красивее и дешевле строить жилые дома в условиях Севера, в частности в обследованных нами районах, с использованием богатого местного материала. В этом отношении большую помощь нивхским колхозникам оказали бы личные беседы архитекторов с колхозным населением, с бригадами строителей, а также организация лекций по вопросам строительной техники и т. д.

Великий семилетний план открывает в нашей стране новый этап жилищного строительства, в котором займет свое место и строительство в районах нижнего Амура и Сахалина.

SUMMARY

The Nivkhi (formerly called Gilyaks) are a small people inhabiting the basin of the Amur and the northern part of Sakhalin Island. The Nivkhi used to live in tiny settlements, mostly of two to five dwellings, clinging to the places where they fished or hunted marine animals. The seashore Nivkhi, as distinct from those of the Amur, in addition to winter settlements, had also their summer settlements. Every fishing or hunting group owned living premises and outbuildings (winter and summer dwellings, outhouses, barns, etc.); a Nivkhi clan generally shared common ritual buildings in a certain settlement. The Nivkhi dwellings fell into permanent and temporary, winter and summer shelters. The ancient form of a permanent winter dwelling — a semi-dugout building of a semi-spherical shape — gradually gave way, among a part of the people, to a surface frame structure. All dwellings, accommodating several families, generally of kinsmen, were ill suited for human habitation. Summer shelters were built on piles or on the ground. Huts made of boughs served as temporary shelters at the fishing or hunting sites.

The Soviet period initiated a radical transformation of the life of the Nivkhi. With the setting up of collective farms the Nivkhi moved to larger settlements, offering better planning, new houses, social, cultural, educational and medical buildings as well as large collective-farm outbuildings. These collective-farm centres also have electricity and broadcasting services. The collective farms were instrumental in bringing about a marked rise in the cultural and living standards of the Nivkhi. The people now live in log houses, warm and comfortable, and provided with furniture. The new houses, each meant for one family, are built by the collective farmers themselves, while the cultural and medical premises are built by the state.

The type and nature of the Nivkhi settlements, dwellings and outbuilding in the Soviet period have changed beyond recognition.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. Л. РИФТИН

СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Китайская фольклористика берет свое начало в глубокой древности. Как известно, первый памятник китайской поэзии, знаменитая «Книга песен» (Шицзин)¹ является в главной своей части собранием древнейших народных песен (XI—VII вв. до н. э.). Записи этих фольклорных произведений, по преданию, делали специальные чиновники; в их обязанность входило представлять ко двору донесения о состоянии нравов и обычаев, которые и проверялись по народным песням.

Деятельность этих чиновников была продолжена в эпоху Хань (206 до н. э.—220 н. э.), когда при дворе ханьского императора была создана Музыкальная палата (Юэфу), чиновники которой, — а их было свыше 800, — разъезжали по стране и записывали народные песни и музыку². Возглавляли эту деятельность известный поэт той эпохи Сыма Сян-жу и актер Ли Янь-нянь. Цель собирания песен была, конечно, совершенно иной, чем в наши дни. Как считают современные китайские ученые, Юй Гуань-ин и др., песни собирались для наблюдения за нравами в различных частях страны, для увеселения двора и «управления народом». Благодаря трудам Музыкальной палаты до нас дошли записи народных песен эпохи Хань, а в силу установившейся традиции — и песни III—VI вв. Тематика песен, записанных чиновниками этой палаты, довольно разнообразна: тут и любовная лирика, и песни солдат, тоскующих по родному краю, и эпические, а также трудовые и обрядовые песни. Записи это довольно точны и, по-видимому, не подвергались специальной обработке; известны районы, в которых они были произведены. Песни, собранные Музыкальной палатой эпохи Хань и периода Шести династий (375—583 н. э.), оказали огромное влияние на развитие китайской классической поэзии последующих эпох.

Собирание образцов народного творчества более или менее активно шло в Китае на протяжении всей его многовековой истории. Достаточно напомнить о сохранившихся в пещерах Дуньхуана записях сказаний (бяньвэнь) и народных песен эпохи Тан (VII—X вв.), о записях рассказов сказителей в эпоху Сун, о народных песнях, сказаниях, сказках и драме в записях Юаньской, Минской и Цинской эпох. Нет такого времени в истории Китая, от которого не сохранились бы до наших дней хоть небольшие записи и сведения об устном народном творчестве.

Древнейшие памятники народной поэзии обросли многочисленными комментариями, часть которых помогает раскрытию смысла подлинника,

¹ Русский перевод А. А. Штукина см.: «Шицзин», Изд-во АН СССР, серия «Литературные памятники», М., 1957.

² Русский перевод избранных образцов этих песен см.: «Юэфу. Из древних китайских песен», Предисловие, переводы и примечания Б. Б. Вахтина, ГИХЛ, М.—Л., 1959.

другая же часть, наоборот, приписывает простым народным песням удобные конфуцианству идеи. Эти комментарии и были фактически зародышем фольклористики в Китае. Однако подлинное изучение и собирание устного народного творчества началось в Китае только в ходе «Движения 4-го мая» (1919).

Во время первой мировой войны возросла активность широких масс китайского народа. Особенно большое влияние на Китай оказала Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Прогрессивная китайская интеллигенция обращается к марксизму. Организуются всевозможные кружки и группы. Антиимпериалистическое, антифеодальное движение широких народных масс, пробудившихся к активной борьбе, повлияло определенным образом и на большую часть китайской интеллигенции, в том числе и на тех, кто представлял интересы крупной буржуазии. Частью начавшейся в ходе «Движения 4-го мая» культурной революции была реформа литературного языка, т. е. замена старого малопонятного народу литературного языка «вэньянь» литературным языком «байхуа», основанным на нормах, близких к современной разговорной речи. Именно в связи с этим возникло исследование живого современного языка и его основных диалектов.

Интерес к широким народным массам со стороны интеллигенции вылился в изучение быта и народного творчества. Научными центрами тогдашнего Китая были, как известно, университеты, где преподавали виднейшие ученые страны. Одним из наиболее крупных высших учебных заведений был Пекинский университет, где в то время работали первый китайский марксист проф. Ли Да-чжао, проф. Цай Юань-пэй и ряд других. Интерес к народу, к его творчеству, пробудившийся у представителей интеллигенции, привел к тому, что уже в самом начале культурной революции при Пекинском университете образовалось «Общество изучения народных песен» (Гэяо яньцзю хуэй). В это Общество вошли Лю Бань-нун, Гу Цзе-ган и другие.

Вначале во главе собирательской работы стоял Лю Бань-нун, и ежедневно в газете Пекинского университета «Бэйда жикань» публиковались две-три только что записанные народные песни. В 1922 г. Общество уже начало выпускать специальный еженедельник «Народные песни» (Гэяо чжоукань). На страницах этого издания печатались главным образом песни, записанные членами Общества. Помимо фольклорных материалов, большое место занимали и статьи на различные темы как по вопросам устного народного творчества, так и по диалектологии.

«Собирая народные песни, Общество преследовало двоякую цель,— указывалось в редакционной статье, открывающей первый номер,— дать материал, во-первых, для науки, а во-вторых, для литературы. Мы верим, что изучение фольклора в современном Китае имеет очень важное значение. Хотя ученые и не обращают внимания на фольклор, а несколько добровольцев не могут сделать что-либо значительное, мы не можем не приложить всех усилий, чтобы опубликовать некоторое количество материалов или просто привлечь внимание читателей. Песни — один из важных разделов народного творчества, мы будем собирать их и представлять для специального исследования; такова наша первая цель»³.

Интересно отметить, что молодая китайская фольклористика на первых порах была связана не столько с этнографией, сколько с диалектологией. Вместе с тем китайские ученые и собиратели сразу же обратили внимание на художественную ценность народной поэзии. Тут не мог не сказаться тот факт, что на протяжении многих веков китайский фольклор оказывал большое влияние на всю художественную литературу Китая.

³ «Гэяо чжоукань», т. I, № 1, стр. 1. Цит. по журн. «Миьцзянь юэкань» (Ежемесячник фольклора), т. II, Шаосин, 1933, № 5, стр. 3.

Этнографией же занималось специальное «Общество изучения обычаев» (Фэнсу дяоча хуэй).

Общество изучения народных песен при Пекинском университете существовало около трех лет. За это время было выпущено 96 номеров еженедельника «Народные песни»⁴, несколько небольших книг, собрано более двадцати тысяч народных песен и ряд произведений других жанров. Эти традиции продолжило Общество изучения фольклора при университете имени Сунь Ят-сена в Кантоне (Миньсу сюэхуэй), начавшее в марте 1928 г. выпускать еженедельник «Миньсу» (Фольклор). За два года Общество выпустило 110 номеров журнала и 23 книги по различным вопросам народного творчества. Позже это издание возобновлялось в различных городах Юга, но все эти журналы были недолговечны, так как не имели широкой общественной поддержки; их выпускали местные общества изучения фольклора в Ханчжоу, Фучжоу и других городах.

Прекращение деятельности Общества изучения народных песен при Пекинском университете не означало, однако, потери интереса интеллигенции к народному творчеству. В 1929 г. в Пекине на факультете китайской литературы университета Цинхуа китайский поэт Чжу Цзы-цин начинает читать специальный курс лекций по народной песне. Лекции эти, напечатанные в свое время на тектографе, были переизданы в 1957 г.⁵ Некоторую популярность в Китае до Освобождения получила также книга литературоведа Ху Хуай-шэня «Исследование китайских народных песен»⁶, написанная еще в 1925 г., но изданная впервые в 1933 г.

Большой интерес к народному творчеству проявлял и основоположник современной китайской литературы Лу Синь (1881—1936), который впервые стал рассматривать фольклор как источник всей богатейшей китайской литературы. Особое внимание писателя привлекают древние мифы и предания китайцев; этому вопросу он посвящает вторую главу «Краткой истории китайской прозы», в основу которой были положены лекции, читанные Лу Синем в Пекинском университете в 1920—1924 гг. В этой главе Лу Синь так говорит о происхождении мифов: «Когда-то первобытные люди, наблюдая явления природы, многое считали необычным. Эти явления выходили за пределы человеческих сил, и потому люди создавали различные объяснения их. Сейчас они называются мифами»⁷. Определение, данное Лу Синем, остается в силе в китайской фольклористике и по настоящее время. Вслед за Лу Синем к древней мифологии обращаются и другие виднейшие китайские писатели: Мао Дунь и Вэнь И-до. Если Лу Синь рассматривал мифологию как почву, на которой возникает и развивается китайская литература, то Мао Дунь и Вэнь И-до посвящают мифологии специальные работы⁸; в них китайская мифология рассматривается в сравнении с мифологией других народов (австралийских племен, коренного населения Индии, североамериканских индейцев, древних греков, народов Северной Европы). В работах Вэнь И-до используются материалы по мифологии народов юго-западного

⁴ Это издание было возобновлено в марте 1936 г.; вышло 40 выпусков второго тома, последний из них — 27 марта 1937 г.

⁵ Ч жу Ц з ы - ц и н, Чжунго гэяо (Китайская песня), изд-во «Цзоцзя чубаньшэ», Пекин, 1957.

⁶ Х у Х у а й - ш э н ь, Чжунго миньгэ яньцзю, изд-во «Шаньбу иньшугуань», Шанхай, 1933.

⁷ «Лу Синь цюаньцзи» (Полное собрание сочинений Лу Синя), т. 8, Пекин, 1957, стр. 11.

⁸ См. Сю а н ь Ч жу [Мао Дунь], Чжунго шэньхуа яньцзю АВС (Исследования по китайской мифологии), изд-во «Шицзе шуцзюй», Шанхай, 1927; Ма о Д у н ь, Шэньхуа цзалунь (Различные статьи по мифологии), то же изд-во, Шанхай, 1929; В э н ь И - д о, Шэньхуа юй ши (Мифология и поэзия), изд-во «Гуцзи чубаньшэ», Пекин, 1956.

Китай, что особенно интересно, так как позволяет дать толкование ряду затемненных в древнекитайских историях мифологических образов. Особо следует отметить исследование Вэнь И-до о мифическом императоре Фу Си, где подробно разбирается вопрос о тотемных предках китайцев и соседних народов, например гуннов. В качестве единого для всех них тотема, как убедительно доказывает автор, считался дракон. Это подтверждается и древним изобразительным искусством.

Лу Синь, уделявший большое внимание народной культуре, в 1934 г. в статье «Рассуждения неспециалиста о письменности», как и А. М. Горький, выдвигает трудовую теорию происхождения фольклора. Он так формулирует свою точку зрения: «По-моему, у людей было литературное творчество еще до того, как появилась письменность, но, к сожалению, памятники этого творчества никем не записывались, и поэтому от них ничего не осталось. Наши первобытные предки даже не умели говорить. Необходимость выразить свою мысль во время совместного труда вызвала появление членораздельной речи. Например, если людям приходилось нести дерево и все чувствовали усталость, но никто не знал, как выразить чувство усталости, то один из них кричал: «Ха-юй, ха-юй!». Это и было творчеством. Все восхищались и подражали этим звукам. Тогда это было похоже на то, что мы сейчас называем произведением»⁹.

Эта точка зрения очень близка к тому, как понимал народное творчество великий пролетарский писатель А. М. Горький, хотя возможно, что на взгляды Лу Синя определенное влияние оказала теория ритма Карла Бюхера.

Современная китайская критика высоко ценит трудовую теорию происхождения фольклора, сформулированную двумя великими писателями. Среди статей по устной народной поэзии, напечатанных за последние годы, нет ни одной, где бы фольклор не разбирался на основе высказываний А. М. Горького и Лу Синя. Ведущий современный китайский критик Чжоу Ян в предисловии к книге «Марксизм и литература» пишет по этому поводу: «Почему же считается, что литература создана народными массами? Марксисты дают такой ответ: вся человеческая культура, включая искусство и литературу,— все создано трудом народных масс... Лу Синь в статье „Рассуждения неспециалиста о письменности“ просто и научно разъяснил, что литература родилась в труде. Там же Лу Синь дает очень высокую оценку народному творчеству, говоря: „Хотя неграмотные писатели не так изящны и тонки, как настоящие писатели, но они сильны, и их произведения полны новизны“»¹⁰. Лу Синь особо подчеркивал классовую природу фольклора, причем делал это тонко, без нарочитой социологизации материала.

Лу Синь не был исследователем-фольклористом, но многие его высказывания сыграли немалую роль в становлении новой китайской фольклористики, так как он был подлинным руководителем всей прогрессивной интеллигенции 1920—1930-х годов в Китае. Специально изучением фольклора занялся крупнейший литературовед проф. Чжэн Чжэнь-до (1898—1958). В 1930-е годы, после пятнадцатилетней работы по собиранию материалов о народном творчестве, он пишет свои исследования о Шицине, о различных жанрах песенно-повествовательной литературы и ряд статей по другим, более частным вопросам. Чжэн Чжэнь-до изучал старинные книги, рукописи, издания, найденные в пещерах Дуньхуана, и различные сборники произведений народной литературы. Результатом его многолетних поисков и исследований является двухтомный труд «История китай-

⁹ «Лу Синь цюаньцзи», т. 6, стр. 75. Русский перевод этой статьи под названием: «Болтовня постороннего о литературе» см.: Лу Синь, Собр. соч., т. 2, ГИХЛ, М., 1955, стр. 321—341.

¹⁰ Чжоу Ян, Макэсычжуи юй вэньсюэ, Пекин, 1949, стр. 3.

ской простонародной литературы»¹¹, вышедший в 1936 г. и переизданный в Пекине в 1954 г. Эта работа представляет собой подробное исследование китайского фольклора начиная с древнейших песен и кончая началом XX в. К каждому историческому периоду автор относит один какой-нибудь жанр, получивший наибольшее распространение в это время. Так, он анализирует только народные песни периода Шести династий, оставляя в стороне другие жанры, в частности народную прозу этого периода. В своем труде Чжэн Чжэнь-до уделил наибольшее внимание народным песням. Он дал анализ различных жанров песен, привел богатейший иллюстративный и библиографический материал. Большинство текстов Чжэн Чжэнь-до впервые ввел в научный оборот, так как извлек их из рукописей, обнаруженных в Дуньхуане, а также из редких древних книг, блестящим знатоком и собирателем которых он был. К недостаткам этой работы следует отнести то, что автор, подробно проанализировав «вымершие» жанры фольклора, не уделил внимания таким и поныне живым жанрам, как пословицы или сказки. Несомненным же достоинством работы, наряду с историзмом в рассмотрении материала, является то, что Чжэн Чжэнь-до фактически одним из первых обратил внимание на теснейшую связь произведений большинства крупных китайских писателей и поэтов всех эпох с фольклором. Произведения, написанные литераторами на основе фольклорного материала, также нашли свое место в исследовании. Термин «простонародная литература» (сувэньсюэ) введен им впервые и, по объяснению автора, включает фольклор и близкие к фольклору произведения, которые были любимы массами, но презирались конфуцианскими литераторами феодального Китая. Чжэн Чжэнь-до указывает на главные особенности «простонародной литературы»: «Первой особенностью литературы является ее массовость. Она вышла из народа и существует в народе... Она соответствует вкусам и интересам широких народных масс... Второй ее особенностью является то, что все это — безымянные произведения. Третья ее особенность — устное распространение. Четвертая заключается в ее новизне и свежести. Пятая — в необычайной силе народного воображения. И, наконец, шестая — в смелом введении всего нового»¹².

Отмечая положительные стороны народной литературы, автор говорит также об определенной грубости и ограниченности ее, а иногда и явном влиянии на нее феодальной идеологии. Однако он не всегда последователен в проведении своей точки зрения. Так, выдвигая в качестве основного критерия «сувэньсюэ» безымянность произведений, Чжэн Чжэнь-до в тексте исследования относит к этому роду литературы крупнейшие китайские романы — такие, как «Троецарствие», «Речные заводи» (они хоть и были основаны на народных преданиях) и роман XVIII в. «Сон в красном тереме», весьма далекий от фольклора. В книге нередко к «простонародной» литературе относятся произведения совершенно не-народные; таковы некоторые оды, написанные одним из древних императоров. На концепцию Чжэн Чжэнь-до определенное влияние оказали взгляды реакционера Ху Ши, выдвигавшего в качестве критерия оценки литературных произведений лишь вопрос о языке произведения. Однако труд Чжэн Чжэнь-до сыграл большую роль в развитии китайской фольклористики. Он впервые рассматривал всю массу народной литературы с ее многочисленными жанрами наравне с литературой письменной, признавая за ней величайшее значение в развитии всей многовековой китайской литературы.

Чжэн Чжэнь-до подразделяет всю китайскую «простонародную литературу» на четыре больших раздела: 1) песни, 2) проза, 3) драма и 4) песенно-повествовательная литература. К последней он относит про-

¹¹ Чжэн Чжэнь-до, Чжунго сувэньсюэ ши, изд-во «Цзоцзя чубаньшэ», Пекин, 1954.

¹² Там же, стр. 4—6.

изведения, в которых песенная поэзия перемежается обычным прозаическим текстом — это одна из наиболее распространенных форм народной поэзии китайцев. Подробному рассмотрению этих четырех видов народной литературы в их историческом развитии и посвящена книга Чжэн Чжэнь-до.

Прогрессивная китайская фольклористика противостояла реакционной буржуазной науке о народном творчестве. Буржуазные китайские фольклористы переносили на китайскую почву методы и идеи современной западноевропейской науки. Ими были изданы сборники сказок со специальным подбором так называемых международных сюжетов. Так, был издан сборник сказок на сюжет «Красной шапочки», где было помещено более пятнадцати китайских вариантов, а также переводы японского и европейских вариантов этого сюжета. Сторонники теории миграций считали, что ряд жанров народной поэзии китайцев целиком заимствован из Индии; отсюда они вели даже и происхождение «шошуды» — «рассказывания книги» народными сказителями — явления явно самобытного, не имевшего аналогии в Индии.

Наибольшее распространение в Китае получили взгляды и методы сторонников так называемой группы «критики древней истории» (гушибянь пай), близкой отчасти к нашей «исторической школе». Представители этого направления (Гу Цзе-ган, Цянь Сюань-тун и др.) занимались изучением эволюции преданий, записи и упоминания о которых имелись в древних книгах, на протяжении веков, от памятника к памятнику. При этом главнейшее внимание уделялось проблеме идентификации имен героев фольклора и древних исторических деятелей, упоминаемых в различных исторических сочинениях. Так построено, например, исследование Гу Цзе-гана сказания о Мэн Цзян-ньюй¹³ — женщине, покончившей с собой, чтобы не достаться императору Цинь Ши-хуанди, захотевшему взять ее в свой гарем, и оставшейся верной памяти мужа, погибшего на непосильных работах при постройке Великой стены. Автора не интересовала тогда социальная, идеологическая и художественная сторона произведений на этот сюжет. Но собранный им материал интересен и сейчас.

До Освобождения, в гоминьдановском Китае, получила хождение реакционная философия Ху Ши, выученика и последователя американских прагматистов. Работы, написанные Ху Ши по самым различным вопросам общественных наук, неоднократно переиздавались и всячески пропагандировались в гоминьдановском Китае; взгляды Ху Ши и его порочная методология оказали воздействие на многих китайских ученых тех лет. Коммунистическая партия Китая ведет поэтому борьбу против «теорий» Ху Ши (уехавшего из Китая в США). Борьба с реакционными взглядами Ху Ши и его последователей развернулась в КНР в конце 1954 — начале 1955 г. Взгляды Ху Ши на фольклор подверглись резкой критике в статье известного литературоведа Юй Гуань-ина¹⁴ и в работе молодого фольклориста Чжан Чжэнь-ли, опубликованной несколько позже¹⁵. Проблемы народности фольклора ничуть не волновали Ху Ши — этого выразителя взглядов крупной compradorской буржуазии. Еще в 1922 г. он опубликовал небольшую заметку «Пример сравнительного изучения народных песен», где всячески восхвалял и пропагандировал так называемый «сравнительный метод» исследования песен. Применение этого метода дает возможность, по Ху Ши, выявить три момента: во-первых, степень разработки мотива авторами в данной местности; во-вторых, особенности быта, одежды и языка данной местности и, в-третьих, литературный талант и мастерство исполнителя. В данной заметке, как и вообще

¹³ Гу Цзе-ган, Мэн Цзян-ньюй гуши яньцзю цзи (Сборник исследований сказания о Мэн Цзян-ньюй), вып. 1—3, Кантон, 1928.

¹⁴ См. журн. «Вэньбао» (Литература и искусство), 1955, № 17.

¹⁵ См. «Кайфэн шифань союэюань сюэбао» (Вестник Кайфэнского пединститута), 1957, № 2.

во всех работах Ху Ши, сказалось полное игнорирование идейного содержания как литературных, так и фольклорных произведений.

Под влиянием Ху Ши многие из китайских фольклористов заняли в те годы аналогичные позиции. Так, Сюй Чжу-чжэнь также пропагандировал сравнительный метод изучения песен¹⁶, оставляя в стороне основные проблемы фольклористики: народность, отражение дум и чаяний трудящихся масс, оценку ими исторических событий, деятелей и т. п.

С формалистических позиций подходил Ху Ши к вопросу о соотношении фольклора и литературы. Форма и стиль — вот чему призывал Ху Ши учиться у народных песен в своей заметке «Пекинская простонародная литература» (1922). Исходя только из языкового признака, Ху Ши вносил путаницу и в определение самого понятия — фольклор, так как неправомерно относил к народному творчеству («пинмин вэньсюэ» или «миньцзянь вэньсюэ») ряд произведений письменной литературы. Эти взгляды Ху Ши нашли отражение и в работах других литературоведов например Ван Чжэ-фу, который в своей «Истории нового литературного движения в Китае» причислял к фольклору все классические произведения (стихи, романы, драмы), написанные на языке, близком к разговорному, а само понятие «миньцзянь вэньсюэ» (фольклор) применял как синоним понятия «байхуа вэньсюэ», т. е. — «литература на байхуа»¹⁷.

Всячески замалчивая вопрос о том, интересы каких классов отражает то или иное произведение, Ху Ши говорил только о различиях между «гуйцзу вэньсюэ» — «аристократической литературой» и «миньцзянь вэньсюэ» — «народным творчеством», видя это различие отнюдь не в идеях и образах, а только в форме, главным образом в языке. Так, он относил к народному творчеству ряд произведений, созданных императорами или другими представителями господствующих классов и отнюдь не выражающих интересы народа.

Отрицая классовый характер литературы и фольклора, Ху Ши рассматривал преимущественно «безобидные» произведения, которые в меньшей степени содержали элементы социального протеста. Так, в статье «О Шичзине» Ху Ши говорит только о любовной лирике, умалчивая о том, что в этом прекрасном памятнике древней народной поэзии имеется немало песен, отражающих социальное неравенство и жизнь трудового народа в период Чжоу (например, известные песни «Седьмой месяц», «Большие крысы» и др.). Отрицание классового характера фольклора и литературы наложило особый отпечаток на собирательскую и исследовательскую работу в Китае в области народного творчества в 1920—1930-е годы. Собиратели игнорировали произведения, отображающие классовые противоречия в деревне. Публиковались произведения, посвященные главным образом семейным взаимоотношениям (сказки о глупом муже, о двух братьях — добром и злом и т. п.), особое внимание уделялось детскому фольклору, тогда как в народе были широко распространены произведения, выражающие протест угнетенных классов против эксплуататоров (достаточно указать на записанные и опубликованные только в последние годы серии батрацких песен и сказок). Единственно о чем говорили буржуазные китайские фольклористы, следовавшие за Ху Ши, было тяжелое положение женщины в семье в старом феодальном обществе. Был выпущен специальный сборник народных песен с характерным названием «Жизнь и женщина»¹⁸.

* *

*

Принципиально новый этап в развитии китайской фольклористики начался с 1942 г., когда в столице освобожденного района Шэньси —

¹⁶ См. «Гэяо чжоукань», № 42, от 20 января 1924 г., стр. 1—2.

¹⁷ Ван Чжэ-фу, «Чжунго синь вэньсюэ юньдун ши», Бэйпин, 1938, стр. 18—19.

¹⁸ «Шэньхо юй фуцуй», Шанхай, 1924.

Ганьсу — Нинся гор. Яньани выступил с речью перед работниками литературы и искусства тов. Мао Цзэ-дун, поставив перед ними в качестве одной из основных задач приближение литературы к широким народным массам. Тов. Мао Цзэ-дун подчеркнул, что литература и искусство должны служить рабочим, крестьянам и солдатам, которые, являясь подлинными героями жизни, должны стать и героями литературы. Тов. Мао Цзэ-дун, прекрасный знаток народного творчества, использующий в своих работах многие народные образы, меткие выражения, пословицы и поговорки, указывал в своем выступлении на необходимость для писателей изучать жизнь народа, которая является неистощимым источником литературы и искусства. «Наши мастера слова,— говорил Мао Цзэ-дун,— должны уделять внимание стенным газетам, которые выпускаются массами, и корреспонденциям из воинских частей, из деревни; наши мастера сцены — мелким труппам как в воинских частях, так и в деревнях; наши мастера музыки — песням, которые поют массы; наши мастера изобразительных искусств — тем формам изобразительного искусства, которые создают массы»¹⁹.

На этот призыв руководителя Коммунистической партии Китая откликнулись все писатели и деятели искусства Освобожденных районов. Они ездили по деревням и воинским частям и записывали фольклор. Об этом рассказал в 1949 г. известный современный поэт Ли Цзи, собравший около тысячи народных песен северо-западного Китая жанра «синьтянью»; по его словам, на эту работу его натолкнула речь Мао Цзэ-дуна в Яньани²⁰. Там же, в Освобожденном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся впервые начали собирать сказки с острым социальным содержанием, были выпущены специальные сборники сказок о помещиках и батраках. Результаты обращения писателей и деятелей искусства к народному творчеству не замедлили сказаться,— достаточно указать на появление таких замечательных произведений, как рассказы Чжао Шу-ли, поэмы Ли Цзи, стихи Ван Я-пина и многих других. Одновременно с использованием народной поэзии писателями-профессионалами, среди народных сказителей зародилось движение за создание произведений на новую, современную тематику. Одним из зачинателей этого движения был известный слепой рассказчик из Шэньси Хань Ци-сян. Партийные работники вели большую разъяснительную работу среди сказителей, помогая им понять и увидеть то новое, что появлялось в жизни народа, правильно истолковать его в своем творчестве. В 1940-е годы, в связи со все усиливающимся интересом к Советскому Союзу, его литературе, публикуются переводы работ советских фольклористов. Так, китайская общественность знакомится с книгой Н. К. Пиксанова «Горький и фольклор», статьей М. К. Азадовского «Пушкин и народные предания» и др.

Созданная в Яньани по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Академия искусств имени Лу Синя начала в те годы проводить планомерный сбор и изучение произведений народного творчества. Внимание работников Академии было обращено и на устное народное творчество, и на мелодии народных песен, на драматические представления, на народный лубок, на художественные вырезки из бумаги. Результатом этой работы явилось издание большого числа сборников, дающих яркое представление о богатейшем фольклоре китайского народа. Примером могут служить «Сборник народных песен северной Шэньси»²¹, сборник «Народные сказки»²², в предисловии к которому писатель Чжоу Ли-бо говорит: «Эти сказки собраны среди

¹⁹ Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 4, М., 1953, стр. 148.

²⁰ См. Ли Цзи, Как я учился у народной песни, «Миныйянь вэньсюэ синь лунь цзи» (Сборник новых статей по фольклору), изд. Пекинского пединститута, 1951, стр. 128.

²¹ «Шаньбэй миньгэ сюань», изд-во «Синьхуа шущэюй», 1949.

²² «Миныйянь гуши», Харбин, 1949.

крестьян бригадой работников Академии искусств имени Лу Синя. Эт сказки исключительны по своему своеобразию и глубине смысла, которые в них заключены, в них отражены противоречия между крестьянами помещиками, они обнажают лживость и корыстолюбие господствующего классов. И еще одна характерная черта этих сказок заключается в том, что они показывают народную мудрость»²³.

Обстоятельства антияпонской войны 1937—1945 гг., а позднее — народно-освободительной борьбы китайского народа определили тот факт, что к началу 1950-х годов лучше всего был изучен фольклор бывшего Пограничного района, т. е. провинций Ганьсу, Шэньси, Нинся.

В 1949 г. в Пекине была созвана Первая Всекитайская конференция деятелей литературы и искусства. И здесь как выражение политики Коммунистической партии Китая по отношению к народному творчеству прозвучал доклад известного критика-коммуниста Чжоу Яна — «Новая народная литература». Чжоу Ян отмечал, что важной особенностью художественных произведений в Освобожденных районах является их связь с народной традицией, с народной поэзией. В докладе говорилось о небывалом подъеме народного творчества в Освобожденных районах и в Народно-Освободительной армии. Чжоу Ян подчеркнул необходимость сбора и изучения фольклора как источника, питающего литературу и искусство.

Победа китайского народа, руководимого Коммунистической партией открыла дальнейшие перспективы развития творчества народных масс и организации планомерного изучения сокровищницы китайского фольклора.

В 1949 г. в газете «Гуанмин жибао» появляются статьи по различным вопросам народного творчества. Особый интерес представляют такие публикации, как статья Цю Чжао-шу «Брак в старом обществе по материалам народных песен», Тянь Яня «О батрацких песнях», Ли Юэ-нан: «Народные песни и их классовая природа». Во всех этих статьях подчеркивается классовая природа фольклора, большое место уделяется новому народному творчеству.

В 1950 г. в Пекине образовалось Общество изучения китайского фольклора (Чжунго миньцзянь вэньи яньцзюхуэй). На учредительном собрании этого общества 29 марта Президент Академии наук Китайской Народной Республики Го Мо-жо выдвинул в своей речи пять основных задач, стоящих перед Обществом: 1) собирать, сохранять и пропагандировать ценные образцы народного творчества; 2) изучать достоинства фольклора и учиться на его лучших образцах; 3) изучать по произведениям фольклора отношение народа к действительности, его критику и самокритику; 4) использовать фольклор как ценный материал для историков, которые раньше при изучении истории общественного развития опирались лишь на официальные династийные истории, не обращая внимания на народную литературу; 5) способствовать развитию нового фольклора нашей эпохи²⁴.

В состав правления Общества вошли писатели (Мао Дунь, Чжао Шу-ли, Ван Я-пин, Тянь Цзянь и др.), литературоведы (Чжэн Чжэнь-до, А Ин, У Сяо-лин и др.), искусствоведы и деятели театра (Оуян Юй-цян, Чэнь Янь-цю, Ма Цзянь-лин), композиторы (Люй Цзи, Ма Кэ), лингвисты, народные сказители, фольклористы. Главой Общества был избран Го Мо-жо, а главным секретарем — фольклорист Цзя Чжи. Было создано пять секций (устного народного творчества, народной драмы, народной музыки, народного изобразительного искусства и народного танца). В уставе Общества в качестве основной задачи выдвигалось собирание и

²³ «Миньцзянь гуши», Предисловие, стр. 2.

²⁴ См. альманах «Миньцзянь вэньи цзикань» (Народное творчество), вып. 1, Пекин, 1951, стр. 8—9.

изучение фольклора Китая, издание сборников и исследований. Впоследствии Общество претерпело некоторые организационные изменения в связи с созданием отдельного «Общества изучения песенно-повествовательного искусства Китая» (Чжунго цюйи яньцзюхуэй), которое специально изучает творчество народных сказителей-профессионалов (шошуды), а также формы местного театрального искусства. С 1957 г. Общество издает специальный журнал «Цюйи» (Песенно-повествовательное творчество). За последние годы Обществом издан и ряд сборников произведений различных песенно-повествовательных жанров («куайшу» провинции Шаньдун, «цингынцюй» провинции Сычуань, сборники традиционных и новых сказов «пиншу» и др.).

Общество изучения фольклора стало получать от своих корреспондентов многочисленные произведения народного творчества как рукописные, так и в старопечатных изданиях. В 1951 г. Общество приступило к выпуску интересного альманаха «Миныйцзянь вэньи цзикань» (Народное творчество), в котором освещались вопросы фольклорного наследия, публиковались образцы традиционного и нового устного поэтического творчества. Особое место на страницах альманаха заняли вопросы фольклора национальных меньшинств (статьи Ань Бо «О монгольской народной песне», Цзяо Гу «Музыкальная жизнь тибетцев Сикана», Бо Лана «Пляски и музыка мяо», публикация произведений тибетского и корейского фольклора). Новый фольклор был представлен статьей Цзя Чжи «Народные песни старых советских районов», публикациями сказов о Китайской Красной Армии, о товарищах Мао Цзэ-дуне и Чжу Дэ. Интересны публиковавшиеся впервые записи преданий о вожде крестьянской войны XVII в. Ли Цзы-чэне. Печатались в альманахе и переводы работ советских фольклористов (отрывки из учебника «Русская литература» А. Кайева, статья Н. Бродского «Пушкин и народное творчество»). Интерес представила и первая подборка высказываний Лу Синя о народном творчестве, составленная Чэнь Юй-пи и Цю Чжао-шу. К сожалению, издание альманаха скоро прекратилось (вышло только три книги).

В 1955 г. Общество приступило к изданию ежемесячного журнала «Миныйцзянь вэньсюэ» (Фольклор)²⁵. Во вступительной статье первого номера журнала дан подробный разбор взглядов, которыми руководствуются современные китайские фольклористы в своей работе. Начинается статья с положения о том, что Китай — многонациональное государство. В этом сразу видно то новое, чем обогатилась китайская наука о народном поэтическом творчестве, — принципами интернационализма и дружбы народов. «Великая победа новодемократического революционного движения, руководимого Коммунистической партией Китая, — говорится в статье, — принесла с собой весну для всех народов страны. После Освобождения вслед за политическими преобразованиями и улучшением экономической жизни непрерывно поднимается и культурный уровень всех народов. Устное народное творчество, находясь в исключительно благоприятных условиях, вступило в период своего расцвета. Это новая победа и новый успех нашей прогрессивной народной культуры»²⁶.

В редакционной статье говорится и о той роли, какую играет устное народное творчество в национальной литературе и культуре. Отмечается не только воспитательная роль фольклора, но и его большое познавательное значение, так как в фольклоре отражена вся социальная история народа, он является самым правдивым и богатым источником познания, который создал сам народ. Особую ценность приобретают в этой связи мифы и эпос многих братских народов Китая, в особенности юго-запада

²⁵ С 1957 г. в Шанхае выходит специальный «Фольклорный альманах» («Миныйцзянь вэньсюэ цзикань»), по типу довольно близкий к журналу, но с периодичностью 2—3 выпуска в год.

²⁶ Журн. «Миныйцзянь вэньсюэ», 1955, апрель, стр. 4.

страны. Фольклорные произведения дают возможность изучить отношение народа к своим национальным героям, выявить, на чьей стороне симпатии. В новых условиях, после победы революции, эта роль устного народного творчества еще усилилась. Знание народного поэтического творчества обязательно не только для писателей, отмечается в статье и для теоретиков литературы и критиков; без знания его не могли быть созданы ни законченная теория, ни полноценная литературная критика. Кроме того, устное народное творчество играет видную роль в объединении народов всей страны и развитии культурных связей с другими народами, в упрочении мира и прогресса во всем мире.

Журнал ставит своей задачей пропагандировать фольклор и дает толчок собиранию произведений устного народного творчества, способствует их всестороннему изучению, оказывать помощь творчеству народных масс и способствовать созданию литературных произведений, опирающихся на фольклор.

Кроме произведений народной поэзии, журнал публикует отдельные статьи по конкретным вопросам фольклора, а также знакомит китайских читателей с работами советских фольклористов (В. Я. Проппа, В. И. Чарчурова, Э. В. Померанцевой, В. М. Сидельникова, В. Ю. Крупянского и др.). Печатаются и переводы статей из Большой советской энциклопедии, касающихся отдельных жанров устного народного творчества.

За пять лет своего существования журнал «Миньцзянь вэньсюэ» проделал большую работу по сплочению еще весьма немногочисленных кадров китайских фольклористов.

После Освобождения китайские фольклористы, как и этнографы, лингвисты и просто любители народной словесности, большое внимание обратили на собирание фольклора и особенно эпоса национальных меньшинств страны. В гоминьдановском Китае книги, посвященные фольклору национальных меньшинств, были величайшей редкостью. Крупнейшие эпические сказания национальных меньшинств оставались не известными науке и широкой общественности. Иное положение сейчас. По всей республике стал популярен, например, цикл песен аси (группа ицзу, провинция Юньнань) о начале мира²⁷, вызвавший интерес и в СССР²⁸. Древние представления о начале мира, о великом потопе, распространенные в ряде национальных меньшинств юго-запада Китая, рассматриваются в книге Хэ Юэ «Национальные меньшинства юго-запада и их мифы». Опубликовано в 1954 г. в № 5 журнала «Жэньминь вэньсюэ» (Народная литература) сводного варианта эпического сказания сани (группа ицзу) «Ашма», составленного работниками отдела культуры провинции Юньнань, было воспринято как событие общественного значения²⁹. Газеты и журналы отмечали высокие поэтические достоинства этого памятника народной поэзии, дающего картину жизни сани; по мотивам этого эпоса была написана опера «Ашма». Вслед за опубликованием сводного текста начали появляться и различные новые материалы к этому сюжету³¹. В Тибете и во Внутренней Монголии были записаны

²⁷ См. Гуан Вэй-жань, Аси жэньды гэ (Песни народа аси), изд-во «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ», Пекин, 1954.

²⁸ См. русский перевод Р. Ф. Итса и Б. Б. Вахтина в кн.: «Эпические сказания народов южного Китая», Изд-во АН СССР, серия «Литературные памятники», М., Л., 1956.

²⁹ Хэ Юэ, Синань шаошу миньцзу цзи цзи шэньхуа, изд-во «Синь шицзе чубаньшэ», Шанхай, 1951.

³⁰ См. русский перевод в кн.: «Эпические сказания народов южного Китая».

³¹ См., например, статью Гун Лю «Новые материалы, касающиеся «Ашмы» («Миньцзянь вэньсюэ», май 1955 г.) или научную публикацию китайского перевода этого эпического сказания в сборнике «Юньнань миньцзу вэньсюэ цзыляо» (Материалы по литературе народностей Юньнани), вып. III, Изд-во «Юньнань жэньминь чубаньшэ», Куньмин, 1957.

многочисленные варианты эпоса «Гэсэр». Опубликованы эпические сказания народов мяо, чжуан, монголов, уйгуров, посвященные их национально-освободительной борьбе в недавнем прошлом. Все эти фольклорные записи бесспорно представляют интерес для изучения истории и этнографии данных народов. Здесь особо можно отметить сказание чжуан «С тайпинской армией», посвященное крестьянской войне середины XIX в.

Особое значение имеет изучение фольклора национальных меньшинств в Юньнани, население которой отличается очень сложным этническим составом (более 20 основных народов, многие из которых имеют свыше 10 подразделений).

Вопросы собирания и изучения фольклора были подняты на специальном совещании в Куньмине в 1956 г.³² Куньмин — главный город провинции Юньнань, населенной различными национальными меньшинствами, история, быт и фольклор которых до сих пор мало изучались. Сейчас местные провинциальные организации (в том числе местное отделение Союза китайских писателей) проводят планомерную работу по обследованию и собиранию фольклорных богатств своего края. Как сообщается в журнале, посланные из Куньмина в прошлом году специальные экспедиции собрали богатейший фольклорный материал в районах проживания национальных меньшинств: группа, работавшая среди народа тай, записала около ста легенд, эпических и лирических песен; группа, обследовавшая район народа хани, изучала сказания о сотворении мира, а также сказания и песни о крестьянском движении 1917 г., распространенные среди многих национальных меньшинств Юньнани; группа, обследовавшая район обитания народности бай, привезла более десяти больших сказаний и около полутора тысяч песен. Собираение фольклора национальных меньшинств ведется неослабевающими темпами, в особенности в связи с проводимой во всех национальных районах подготовкой к написанию истории литератур национальных меньшинств.

Развернувшаяся в Китае большая собирательская работа поставила перед фольклористами ряд проблем, самой острой из которых является проблема обработки (чжэнли) фольклорных произведений. Если в отношении песен вопрос об обработке обычно не ставится, то принципы публикации сказок и эпоса все время находятся в центре внимания фольклористов. Китайская фольклористика не имеет сколько-нибудь значительных традиций в этой области. Это сказалось в известной мере на интересной «Серии материалов по фольклору» («Миныйцзянь вэньсюэ цанькао цзыляо»), издававшейся в Шанхае в 1955 г. В вышедших томах этой серии, посвященных таким известным сюжетам, как сказания о Мэн Цзян-нуй (составитель Лу Гун), о Лянь Шань-бо и Чжу Ин-тай (он же), о Белой змейке (Фу си-хуа) и др., явно недостаточен научный аппарат, некоторые тексты даны в сокращении.

Как уже говорилось выше, более или менее планомерное собирание фольклора в Китае началось только после «Движения 4-го мая» 1919 г. Но и тогда тексты сказок появлялись в фольклорных журналах не в оригинальной записи, а в пересказе их корреспондентов, которые излагали сюжет привычным для них литературным языком, зачастую весьма далеким от живой разговорной речи. Сказкам нередко предпосылалась краткая справка, где сообщалось, что этот сюжет автор слышал еще в детстве от своей матери или кормилицы и т. п. Подобные записи фактически давали читателю только более или менее подробный сюжет, а не полноценное художественное произведение. В тогдашней фольклористике ничего не говорилось о мастерстве отдельных сказителей (фамилия сказителя вообще не указывалась), об особенностях язы-

³² Отчет об этом совещании опубликован в журн. «Миныйцзянь вэньсюэ», 1957, № 2.

ка фольклора, о художественной стороне произведения. В этом отношении китайскую фольклористику тех лет можно сопоставить с та называемой «финской школой» в Европе, представителей которой так же интересовали только сюжеты, а не живая художественная ткань произведения.

Пренебрежение к личности сказителя мы находим и в сборниках сказок отдельных провинций, выпущенных в 1930-е годы; правда, язык там уже ярче, богаче, часто встречаются диалектизмы, но и эти записи не являются подлинно научными³³. Нам ничего не известно ни о той среде, где они бытовали, ни о мастерах сказки. Тем не менее эти материалы бесспорно были нужны в то время, большая часть их и поныне представляет интерес.

Совершенно иную картину мы находим сейчас в Китайской Народной Республике. Ежемесячно различными издательствами выпускаются сборники сказок самого различного содержания: тут и волшебные, и сатирические сказки, и топонимические легенды, и сказы мастеровых. Поэтому становится ясным, что принципиальные вопросы собирания изданий сказок встали теперь перед китайскими учеными во всей остроте.

Китайские фольклористы опираются в этом деле на советский опыт, в частности выдвигая в качестве образца, достойного подражания, работу А. Н. Толстого над русскими народными сказками. Его предисловие к сборнику русских сказок неоднократно печаталось в китайских журналах. В первом номере журнала «Миңцзянь вэньсюэ» за 1957 помещен новый перевод этого предисловия. Китайские товарищи обрабатывают свои сказки, стараясь следовать методу Алексея Толстого. Однако при этом, как нам кажется, не учитывается одно обстоятельство. В то время, когда Толстой начал свою работу над русскими сказками, у нас в стране уже существовали многочисленные научные академические документальные собрания русских сказок. Именно оттуда, из этих сборников (А. Афанасьева, И. Худякова, М. Азадовского, других) и брал писатель различные варианты одной и той же сказки, создавая свой сводный вариант, совмещающий все лучшее, что было в каждом из вариантов; к тому же он ставил перед собой специальную задачу обработать сказки главным образом для детей. В Китае же в настоящее время, к сожалению, еще почти не существует научных изданий подлинных записей сказок. Таким образом, обработчиками выступают, как правило, не крупные писатели, а сами собиратели, в распоряжении которых обычно находится не большое число вариантов одного того же сказочного сюжета, а один или два, известные им. При этих условиях нередки случаи привнесения определенного субъективного авторского начала, произвольной обработки, которую вообще даже трудно установить, так как в руках у читателя нет оригинального текста. Основные споры возникают именно по поводу давно известных сюжетов, где степень обработки легко увидеть. Так, на страницах журнала обсуждается вопрос об обработке сказания о Волопасе и ткачихе (статья Л. Шоу-хуа и ответ Ли Юэ-наня)³⁴; спор шел главным образом о психологических характеристиках героев сказки. Ли Юэ-нань, возражая Л. Шоу-хуа, отрицавшему наличие психологизма в сказках, стремился убедить читателей в обратном, приводя ряд примеров, преимущественно из числа древних образцов народной поэзии. Однако с ним трудно согласиться, так как в народном творчестве (и особенно в сказках), такие характеристики весьма примитивны. Это объясняется тем, что сказка создается на ранних ступенях развития общества, а психологические ха

³³ См., например: Лю Вань-чжан, Гуанчжоу миңцзянь гуши (Кантонские народные сказки), изд. Общества изучения фольклора при университете имени Сунь Ятсена, Кантон, 1929; Ван Тун-чжао, Шаньдун миңцзянь гуши (Шаньдунские народные сказки), Шанхай, 1937, и ряд других.

³⁴ «Миңцзянь вэньсюэ», 1957, № 1.

раактеристики выступают в фольклоре более поздних эпох, причем не в сказках, а в других жанрах (драма, песенно-повествовательные жанры).

Несомненный интерес в этом плане представляет краткий отчет о дискуссии по вопросу о подготовке к печати сказания о полководцах из семьи Ян (Янцзя-цзян). Сказание это повествует о борьбе китайцев с киданями в период Сун, т. е. более тысячи лет назад. Запись его, общим объемом в полтора миллиона иероглифов, была произведена от народного рассказчика Ма Лянь-дэна работниками Общества изучения песенно-повествовательного искусства. В ходе обсуждения высказывались различные мнения по вопросу о «редактировании» (чжэнли) сказания. Нам кажется, что наиболее правильна точка зрения Чэнь Эр-дуна, считающего, что если издавать это произведение для научных целей, то оно не требует никакой обработки, если же издавать для широких читательских кругов, то понадобится значительная обработка. После этого совещания Общество утвердило проект «редактирования» сказания, предложенный фольклористом Тао Дунем: опубликовать произведение в сокращенном почти наполовину виде, создав тем самым книгу для широкого читателя. Наиболее правильно, как нам представляется, было бы напечатать сказание в полном академическом издании, как материал для научных исследований, и одновременно выпустить книгу для широкого читателя, где сказание о генералах из семьи Ян могло бы быть дано в сильно сокращенном и обработанном виде.

Для фольклора национальных меньшинств нам представляется необходимым обязательное издание на двух языках — оригинала и в переводе на китайский. Пока нам известно лишь одно подобное издание — песен народа аси, выполненное лингвистом Юань Цзя-хуа. Запись же национального фольклора непосредственно на китайском языке, как это еще имеет место в Китае, представляется нам неприемлемой.

Вопрос об обработке фольклорных произведений поднимается и в небольшой заметке Чжан Вэня³⁵, который выступает против обработки, приводящей к исчезновению характерных, специфических особенностей данного произведения. В качестве примера он ссылается на лирическую песню провинции Хубэй о Лянь Шань-бо и Чжу Ин-тай, которую обработчик пытался подвести под сюжет шаосинского варианта одноименной драмы, совершенно отвлекаясь от специфики жанра и местных традиций.

Острота этого вопроса в современном Китае явствует и из того, как была встречена статья аспиранта кафедры фольклора Московского университета Лю Куй-ли, в которой автор выступил с требованием точной научной записи³⁶. Он подверг критике метод Дун Цзюнь-луня и Цзян Юань, выпустивших ряд сборников сказок, запись которых они производили не непосредственно слушая сказочника, а лишь по приходе домой. Критические замечания Лю Куй-ли вызвали весьма резкий отпор в печати со стороны упомянутых собирателей³⁷, а также ряда шанхайских фольклористов. Однако постепенно в китайской фольклористике все-таки наметился сдвиг в этом направлении. Многие записи 1958—1959 гг. уже имеют точную паспортизацию. Стремление к научной публикации сказок видно и на примере издания первого большого собрания сказок народов Китая, включающего произведения 30 народов страны³⁸. Эта книга — бесспорная удача китайских фольклористов, хотя как первый опыт подобного рода она и не лишена ряда недостатков: отобранные сказки иногда не характерны для данного народа, подчас не представляют собой наиболее распространенные у этого народа сюжеты и не всегда передают богатства его сказочного эпоса (так получилось, например, с

³⁵ «Миньцзянь вэньсюэ», 1957, № 3.

³⁶ Там же, № 6.

³⁷ Там же, № 8.

³⁸ «Чжунго миньцзянь гуши сюань» (Избранные сказки Китая), Институт литературы АН КНР, составители Цзя Чжи и Сунь Цзянь-бин, Пекин, 1958, 625 стр

казахской сказкой). В некоторых случаях фольклор целого народа представлен только одним произведением. Составители стремятся указывать место записи, фамилию сказителя или переводчика, но текстов без паспорта в сборнике еще много.

Непосредственно вслед за развернувшейся к 1954—1955 гг. критикой концепций Ху Ши внимание китайской общественности было обращено на разоблачение вредных взглядов Ху Фэна, в течение многих лет популяризировавшего на попрание теории литературы и критики.

Ху Фэн в специальном докладе, поданном в Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, утверждал, что так как Китай переживал длительный период феодализма, затянувшийся вплоть до 1919 г., то в стране не было материальной и политической базы для становления демократизма: поэтому-то, по мнению Ху Фэна, демократическая идеология и демократическое движение не могли развиваться и не нашли отражения в литературе. Так обстояло дело, по Ху Фэну, и с произведениями писателей-классиков, и с народным творчеством. Ху Фэн не хотел видеть классовых различий в литературе и фольклоре, отрицал наличие двух культур в старом феодальном Китае: культуры широких народных масс (устное поэтическое народное творчество и творчество лучших прогрессивных писателей) и помещичьей, аристократической, придворной культуры.

Не изучив народную поэзию, Ху Фэн причислял всю ее к феодальной литературе. В своих теоретизированиях он сводил влияние фольклора к литературе только к использованию языка, отрицая возможность какой бы то ни было идейного воздействия народной поэзии на современную литературу и использования культурного наследия прошлого, в том числе устнопозитического творчества. Эти взгляды Ху Фэна встретили надменный отпор со стороны фольклористов и всей научной общественности Китая.

Развернувшееся по всему Китаю в 1956—1957 гг. движение под лозунгом «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» затронуло и фольклористику. К сожалению, отсутствие в последние годы крупных исследований по народно-поэтическому творчеству в Китае давало возможности китайским фольклористам применить этот лозунг во всей его полноте. Поэтому и статьи, посвященные проведению его жизни, страдали некоторой декларативностью. Этот недостаток присущ и помещенным в № 5 журнала «Миньцзянь вэньсюэ» за 1957 г. интересным статьям Хуан Чжи-гана («Об изучении народного творчества и лозунге „Пусть соперничают все ученые“») и Цзы Чэня («В фольклористике тоже должна быть борьба мнений»).

Хуан Чжи-ган — известный театровед и автор книги «Божества воды в Китае»³⁹ — в своей статье говорит о необходимости изучения фольклора в связи с историей общества, языком, народными верованиями, обычаями. Автор призывает изучать отношение народа к историческим личностям, образы которых народ в своем творчестве часто интерпретирует совершенно иначе, чем официальные династийные историки. Хуан Чжи-ган подчеркивает практическое значение народного опыта, отраженного, в частности, в крестьянских пословицах, многие из которых дают ценные сведения о народной агротехнике, так высоко развитой в Китае. В статье говорится и о необходимости изучения связей литературы и фольклора, чему, как нам кажется, в Китае в последние годы уделялось крайне мало внимания. Далее Хуан Чжи-ган выступает против подхода к старым произведениям фольклора с мерками сегодняшнего дня, что, как правило, приводило в первые годы после образования КНР к запрещению местными административными органами отдель-

³⁹ Хуан Чжи-ган, Чжунгоды шуйшэнь, изд-во «Шэнхо шудянь», Шанхай, 1934.

ных произведений, а иногда и жанров (например, лирических песен «хуар» провинции Ганьсу, как «безыдейных», о чем сообщалось в № 2 журнала за 1957 г.). В статье критикуются фольклористы, стоящие далеко от народной жизни, приезжающие в деревню с заранее определенными схемами. Нередки случаи, пишет Хуан Чжи-ган, когда сельские кадровые работники говорят крестьянам: «Спойте им (фольклористам.— Б. Р.) песню. Только обратите внимание на идейную сторону, это очень важно». Автор справедливо отмечает, что собранный подобным образом материал трудно считать достоверным. Он призывает фольклористов глубже, без предвзятости входить в жизнь.

Автор второй статьи — Цзы Чэнь говорит о той пользе, которую должно принести науке движение «Пусть соперничают все ученые». Он пишет о необходимости развернуть дискуссию по вопросу о понятии сферы фольклора, сложному именно в условиях Китая, где многие жанры и произведения стоят на грани литературы и фольклора, где, кроме бытующих устно произведений народного творчества, существует богатейшее фольклорное наследие в записях литераторов различных эпох. При этом ряд жанров сейчас уже нельзя найти в устном бытовании, и это затрудняет выяснение их распространенности и особенностей исполнения.

Такая дискуссия и развернулась на страницах журнала «Миньцзянь вэньсюэ». Исходя из различных определений устного народного творчества, китайские фольклористы по-разному рассматривали сферу фольклора. Одни расширяли его границы, включая в фольклор и произведения, близкие к народному творчеству, но созданные отдельными авторами (чаще анонимными) на основе фольклорных форм и имевшие распространение среди народа. Другие, напротив, настаивали на сужении сферы фольклора, отрицая возможность отнесения к народнопоэтическому творчеству так называемой «простонародной литературы» (сувэньсюэ, нечто вроде лубочной литературы в Европе). Так, Чжу Цзэ-цзи в большой статье «Необходимо с принципиальных позиций очертить сферу фольклора»⁴⁰, разбирая все старые определения фольклора, показывает, что большинством исследователей этот вопрос рассматривался с формальных позиций, без учета народности содержания фольклорных произведений, и настаивает на необходимости марксистского подхода к этой проблеме. Автор подробно разбирает литературу городского населения, показывая ее неоднородность (наличие произведений, отражающих идеологию как эксплуататоров, так и эксплуатируемых). Другой выступивший в том же номере журнала автор — Си Цзинь выдвигает иное решение, предлагая под термином «устное народное творчество» (жэньминь коуту вэньсюэ) понимать действительно устную поэзию трудового народа, другой же термин «миньцзянь вэньсюэ» (буквально «литература [бытующая] среди народа»), которым обычно обозначают фольклор, применять в более широком смысле, для обозначения всей массы произведений, распространенных в народе. Неясно, однако, куда должно быть отнесено творчество шошуды, пересказывающих классические романы и многие другие произведения письменной литературы, и традиционная драма, часто стоящая на грани литературы и фольклора. Вопрос о сфере фольклора применительно к Китаю ждет еще окончательного разрешения на основе проведения ряда специальных исследований всей массы бытующих в народе произведений. Но уже наметилась тенденция включать в понятие «фольклор» применительно к Китаю устную поэзию крестьян, рабочих и солдат, творчество профессиональных рассказчиков и певцов и различные виды народной драмы⁴¹.

⁴⁰ «Миньцзянь вэньсюэ», 1957, № 7.

⁴¹ В связи с этой дискуссией китайские фольклористы обратились и к исследованиям советских ученых, в частности осуществлен перевод работы Ю. М. Соколова «Что такое фольклор?».

Как известно, в 1957 г. в Китае широко развернулась борьба с правыми элементами и «правой» идеологией во всех областях жизни страны. Фольклористы активно включились в эту борьбу. Состоялись специальные собрания, на которых была подвергнута резкой критике деятельность одного из руководителей Общества изучения фольклора проф. Чжун Цзин-вэня, мешавшего развертыванию борьбы мнений в области фольклористики, провозгласившего себя «единственным специалистом-фольклористом» и выступившего, как и большинство правых, с нападка на политику Коммунистической партии в области литературы и искусства и отрицанием необходимости партийного руководства этой областью. Критика взглядов Чжун Цзин-вэня развернулась на страницах журнала «Миньцзянь вэньсюэ» и в других изданиях. В статье Ло Юнь-линя «До конца выявить истинное лицо «специалиста» Чжун Цзин-вэня и его реакционные взгляды в исследовании фольклора», написанной в марте 1958 г.⁴², автор рассматривает взгляды и методику исследования Чжун Цзин-вэня с 1920-х до 1950-х годов. Ло Юнь-линь прослеживает связь концепции Чжун-Цзинь-вэня с реакционной буржуазной фольклористикой Запада, с работами Ш. Бурнэ, Э. Гроссе и др., которые были переведены на китайский язык и получили широкое распространение в гоминьдановском Китае. Заимствуя взгляды буржуазных ученых, стоявших на позициях позитивизма, Чжун Цзин-вэнь видел в фольклоре не искусство широких народных масс, а главным образом «рудимент древней культуры», «остатки первобытности». Чжун Цзин-вэнь не видел развития народного творчества, с пренебрежением относился к народным массам, творцам всех материальных и духовных ценностей человечества. Порочной была и методика Чжун Цзин-вэня: так, он проводил формалистический сравнительный метод в сказковедении, увлекался сюжетными схемами. Ло Юнь-линь показывает, как в работах последних лет Чжун Цзин-вэнь, прикрываясь марксистскими фразами, зачастую проводил свои прежние идеи.

В ходе борьбы с правыми был вскрыт и тот вред, который нанесли фольклористике литераторы Фэн Сюэ-фэн и Дин Лин. В письме группы фольклористов партийной организации Союза китайских писателей, опубликованном в № 9 журнала «Миньцзянь вэньсюэ» за 1957 г., рассказывалось, с каким презрением правые литераторы относились к работе Общества изучения фольклора, как препятствовали изданию книг, отказывали в средствах, чем ставили Общество в крайне затруднительное положение. Фэн Сюэ-фэн, например, прямо заявил о своем отрицательном отношении к самому факту образования Общества. Из упомянутого письма ясно видно, что правые, пренебрежительно относясь к народным массам, точно так же пренебрегали и устной народной поэзией, считая ее «низким творчеством».

Проведение в жизнь лозунга «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» и окончательное разоблачение правых элементов в фольклористике дали возможность развернуть широкую дискуссию о фольклоре и его сфере, о методах и принципах собирательской и исследовательской работы. Все это было подготовкой к созыву Первого съезда фольклористов Китая (июль 1958 г.). Дискуссии в кругах фольклористов усилили интерес к советской фольклорной науке, и к съезду был выпущен специальный том работ советских ученых, куда вошли статьи М. Горького, В. Бонч-Бруевича, Е. Макаровой, А. Кайева, З. Ахметова, Н. Бродского, М. Азадовского, И. Колесницкой, В. Гусева, В. Чичерова, Л. Пушкарева, Д. Нагишкина, Л. Земляновой. В послесловии к этому тому подчеркивается значение работ советских ученых для молодой китайской фольклористики, указывается на необходимость еще лучшего

⁴² «Миньцзянь вэньсюэ цзицань» (Фольклорный альманах), вып. 4, Шанхай, 1958, стр 1—17.

освоения передового советского опыта. Второй большой книгой, подготовленной к съезду, был сборник сказок Китая, о котором упоминалось выше.

В 1957—1958 гг. вышли в свет также исследования по различным жанрам фольклора. Среди них можно отметить книги Чэнь Жу-хэна «Лекции по истории сказительства»⁴³, Юань Кэ «Мифы древнего Китая»⁴⁴, два сборника статей Тянь Ина «О художественных приемах народной песни» и «Статьи о песнях древнего Китая»⁴⁵, книгу Ли Юэ-наня «Статьи о волшебной сказке, песне и драме»⁴⁶.

Незадолго до открытия съезда по всему Китаю развернулось движение за сбор народных песен и за создание новых. 9 марта 1958 г. Отдел агитации и пропаганды Юньнаньского провинциального Комитета КПК выступил с призывом обратить особое внимание на богатое народное творчество и особенно на народные песни. Этот призыв был подхвачен по всей стране. Центральная пресса стала активно поощрять инициаторов большого дела. Газета «Жэньминь жибао» 10 апреля выступила с передовой статьей «В больших масштабах собирать народные песни по всей стране», в которой отмечается, что после выступления юньнаньских товарищей по всему Китаю развернулось движение за сбор народных песен, что в некоторых уездах уже составлены такие сборники. «Видно, что эта работа уже привлекла повсеместное внимание соответствующих руководящих органов,— говорится в статье.— Это исключительно ценное дело, оно имеет огромное значение для развития литературы и искусства нашей страны (в первую очередь для развития поэзии и песенного творчества)». В статье отмечался тот подлинно социалистический дух, которым полны новые народные песни, органическое слияние романтизма и реализма в этих произведениях, воспевающих величие человека труда, перед которым склоняют головы даже горные вершины. Газета призывала собирать и старые, традиционные песни, и новые творения народа, причем, говорилось там, следует обратить особое внимание на замечательный фольклор национальных меньшинств.

14 апреля президент Академии наук КНР Го Мо-жо ответил на ряд вопросов работников Общества изучения фольклора в связи с движением за соби́рание народных песен. Го Мо-жо отметил важность соби́рания народных песен для развития как литературы, так и исторической науки, указал на необходимость точной научной записи фольклорных текстов, а также на целесообразность их обработки для литературных целей. Он особо сделал упор на соби́рание и изучение нового творчества нашей эпохи, на изучение формирования новых фольклорных традиций и подверг критике тех фольклористов, которые останавливались в нерешительности перед фактами нового народного массового искусства, не всегда находя в нем привычные критерии фольклора.

Развернувшееся по всей стране движение за соби́рание старых и новых народных песен дало огромные результаты: появились десятки сборников песен (городов Пекина, Шанхая, провинций Юньнань, Ганьсу и многих других, а также сборники песен отдельных уездов), развернулась и работа по изучению этого богатейшего фольклорного материала.

Съезд фольклористов Китая вылился в подлинную демонстрацию единения всех сил интеллигенции в разработке вопросов устного народного творчества. Основным на съезде был доклад одного из руководителей Общества изучения фольклора товарища Цзя Чжи о развертывании

⁴³ Чэнь Жу-хэн, Шошу шихуа, изд-во «Цзоцзя чубаньшэ», Пекин, 1958.

⁴⁴ Юань Кэ, Чжунго гудай шэньхуа, изд-во «Шанъу иньшугуань», Шанхай, 1957.

⁴⁵ Тянь Ин, Лунь гяэды шоуфа цзи ци тиле, изд-во «Шанхай вэньхуа чубаньшэ», 1957; его же, Чжунго гудай гяэо саньлунь, изд-во «Гудянь вэньсюэ чубаньшэ», Шанхай, 1957.

⁴⁶ Ли Юэ-нань, Шэньхуа гуши, гяэо, сицйю саньлунь, изд-во «Синь вэнь чубаньшэ», Шанхай, 1957.

в республике широкого движения за соби́рание, изучение и создание новых произведений фольклора. Говоря о древней традиции соби́рания народных песен в Китае, товарищ Цзя Чжи указал на небывалый размах этой работы в условиях Большого скачка, отметил поддержку партийных органов. Докладчик так сформулировал задачи, стоящие перед китайскими фольклористами. Во-первых, собирать и подготавливать к печати песни эпохи Большого скачка; при этом он особо подчеркнул необходимость преодоления старого положения в науке, когда все внимание отдавалось древности и почти не обращалось внимания на современный фольклор. Во-вторых, от сбора народных песен со временем перейти к записи всех видов устного народного творчества, как старых, традиционных форм, так и революционного фольклора; при этом указывалось на необходимость планомерного охвата всей территории страны и особенно на активизацию работы по соби́ранию эпического творчества национальных меньшинств Китая. В-третьих, добиваться точной научной записи фольклорных произведений. В-четвертых, всесторонне развивать исследовательскую работу в области фольклора, готовить новые кадры фольклористов, владеющих марксистской теорией и по-настоящему знающих свое дело, не замыкающихся в четырех стенах своего кабинета и идущих в самую гущу народной жизни; подготавливать научные издания материалов по фольклору. В-пятых, в области организации работы выдвигался принцип «делать много, быстро, хорошо и экономно», привлечь к соби́ранию фольклора самые широкие круги народа, выдвинуть коллективный труд и коммунистическое сотрудничество как важнейшие формы работы.

Цзя Чжи подробно остановился на борьбе двух идеологий в области фольклористики, указал на необходимость до конца последовательно вести борьбу с проявлениями буржуазной идеологии.

На съезде фольклористов был рассмотрен проект плана работы на 1958—1962 гг. Проект предусматривал следующие темы: изучение современных крестьянских, рабочих и солдатских песен и преданий; работа над эпосом национальных меньшинств; исследование сочетания романтизма и реализма в устном народном творчестве; связь фольклора и литературы; роль фольклора в новой социалистической литературе; творчество народных сказителей и певцов; публикация высказываний Мао Цзэ-дуна, Лу Синя, Цюй Цю-бо о фольклоре; руководство фольклорной работой со стороны партии; фольклорное движение в Советских районах и в опорных базах по отпору врагу во время антияпонской войны 1937—1945 гг.; критика буржуазной фольклористической теории; взгляды на фольклор в древнем Китае; общие вопросы фольклора; история фольклора; фольклор отдельных районов или национальных меньшинств; жанры, форма, язык и стиль фольклора; изучение опыта советской фольклористики. По плану намечено начать изучение фольклора других стран. В первую очередь социалистических, предполагается создать в каждом центре, провинции, уезде специальные комитеты или группы, занимающиеся фольклором и руководимые непосредственно партийными органами. В течение первых двух лет пятилетия намечалось в каждом уезде подготовить 5—10 работников, способных заниматься фольклором, по истечении 3—5 лет иметь в каждой провинции 10—20 членов Общества изучения фольклора, обладающих глубокими знаниями и соответствующим теоретическим уровнем.

В выступлениях отдельных делегатов съезда вырисовалась развернутая картина соби́рания и изучения фольклора во всем Китае. Особенно много внимания съезд уделил фольклору национальных меньшинств. Об этом говорили делегаты из Юньнани, Синьцзяна, Тибета, Внутренней Монголии; специальные выступления были посвящены фольклору народов чжуан и тун, живущих на юге Китая (провинции Гуанси и Гуйчжоу). Прошедший в обстановке подлинного подъема во всех странах

съезд привлек к изучению народного творчества многочисленные ряды интеллигенции, наметил новые задачи в этой области и позволил поделовому приступить к работе.

Результаты не замедлили сказаться. В обстановке перестройки идеологической работы и преподавания в высших учебных заведениях Китая развернулось широкое студенческое движение за пересмотр старых программ, старых учебников, за создание коллективными усилиями в самые короткие сроки новых обобщающих работ на подлинно марксистской основе. Так, усилиями студентов филологического факультета Пекинского университета за один месяц была создана двухтомная, так называемая «красная» «История китайской литературы», вслед за ней появилась составленная впервые также двухтомная «История китайского фольклора»⁴⁷, написанная студентами Пекинского педагогического института примерно за такой же короткий срок. Обе эти книги представляют для нас бесспорный интерес как первые попытки дать новое, марксистское освещение многих вопросов литературы.

Обе книги полемически заострены против старой буржуазной науки, отрицавшей отражение борьбы классов в литературе и фольклоре Китая. В «Истории китайской литературы» фольклор занимает очень большое место, даже, как отмечает критика, может быть непропорционально большое место⁴⁸. Авторы считают фольклор, т. е. народное поэтическое творчество, основным направлением в развитии китайской литературы всех времен и эпох. С этим трудно согласиться, так как, например, народная поэзия эпохи Тан бесспорно уступает творчеству великих поэтов того времени, таких, как Бо Цзюй-и, Ли Бо, Ду Фу. Развернувшаяся в связи с этим дискуссия помогла авторам правильно разобраться в вопросах соотношения литературы и фольклора и исправить соответствующие места в вышедшем в конце 1959 г. втором, дополненном и переработанном четырехтомном издании.

«История китайского фольклора» представляет бесспорный интерес для всех, кто изучает устную народную поэзию китайцев. Это фактически первая история китайского фольклора (исследование Чжэн Чжэнь-до, о котором упомянуто выше, имело несколько иной объект изучения — не только фольклорные произведения, но и близкие к нему жанры и отдельные произведения, основанные на фольклоре). В «Истории китайского фольклора» много новых фактов; особенно это относится к изучению сказок различных эпох, к песням и преданиям о крестьянских восстаниях. Следует приветствовать четко выдерживаемый хронологический принцип расположения материала, хотя тут имеется один явный недостаток: авторы, беря записи фольклора, сделанные в какую-либо эпоху, автоматически считают все записанные произведения созданными именно в данную эпоху, а это далеко не всегда так. Из опыта фольклористики известно, что сплошь и рядом произведение, бытующее веками, может быть зафиксировано в письменном виде значительно позже. Кроме того, перечисляя жанры какого-нибудь периода, авторы не учитывают, что произведения далеко не всех жанров могли быть записаны, а записи не обязательно сохранились; так, едва ли весь первобытный фольклор китайцев исчерпывался песнями и мифами, думается, что были и сказки (жанр, как известно, возникающий на очень ранних ступенях развития общества), предания о предках и т. п. Вообще для этой работы совершенно не характерен обычный прием фольклористики: приурочение того или иного фольклорного произведения, записанного в позднее время, к какому-то более раннему периоду. Рассматривая большинство произве-

⁴⁷ «Чжунго вэньсюэ ши», тт. I и II, 1100 стр.; «Чжунго миньцзянь вэньсюэ ши», тт. I и II, 868 стр. Обе книги выпущены изд-вом «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ», Пекин, 1958.

⁴⁸ См., например, статью Цяо Сян-чжуна «Является ли фольклор основным направлением в истории нашей литературы?», газ. «Гуанмин жибао» от 5 апреля 1959 г.

дений китайского фольклора с точки зрения борьбы классов, авторы явно увлекаются и проводят этот анализ чересчур прямолинейно, всегда учитывая художественную специфику искусства и явно социализируя его. Авторы «Истории китайского фольклора» в полемическом задоре слишком увлекаются, критикуя «Историю китайской народной литературы» проф. Чжэн Чжэнь-до без учета того, что этот труд был написан в середине 1930-х годов и что он сыграл бесспорно большую роль в привлечении внимания общественности к народной литературе (на это авторам «Истории» уже указывала китайская критика). Удивление вызывает и включение в историю фольклора известного классического романа «Речные заводы». Если это произведение включено сюда по той причине, что оно основано на народных легендах, то почему же отсутствуют другие аналогичные романы, например «Троецарствие» или «Путешествие на Запад»? Все эти недостатки вполне естественны для первого опыта создания марксистского «Истории китайского фольклора» тем более что авторы именуют свою книгу первым вариантом и, по-видимому, она будет еще неоднократно перерабатываться⁴⁹. Можно надеяться, что при этой доработке будет расширен и раздел о фольклоре национальных меньшинств, крайне небольшой в первом издании и явно не отражающий богатства их устного творчества.

Китайская фольклористика в силу определенных национальных традиций близко примыкает к литературоведению и весьма мало связана с этнографией. Этот разрыв фольклористики и этнографии сказался и на «Истории китайского фольклора». Думается, что обращение авторов к материалам этнографии сделало бы книгу еще более интересной.

Жизнь в Народном Китае идет вперед стремительными темпами. Весь народ славными успехами отметил десятую годовщину создания республики, готовились к этому и китайские фольклористы. В связи с десятилетием готовится антология избранных песен Китая в пяти томах (около 55 тысяч строк), куда входят песни с древнейших времен до наших дней, а также сборники песен промышленных рабочих и горняков, солдатских песен, детских песен и сборник преданий о восстании ихэтуаней (1898—1900); издается и большой сборник песен национальных меньшинств. В каждой провинции и национальном районе к годовщине готовилось по одному сборнику песен и по сборнику сказок данной провинции; таким образом, будут созданы две специальные библиотеки-серии. Издаются и эпические произведения народов страны. Отдельные города и учреждения готовили свои подарки к этому празднику; так, студенческое общество изучения фольклора Ланьчжоуского университета (Ганьсу) подготовило два больших сборника китайских пословиц (один — для широкого читателя, а другой — как материал для исследовательской работы).

Работа эта, начатая в связи с десятилетием КНР, еще не завершена, но уже выпущено три тома «Материалов по китайской народной песне», том «Избранные детские песни» и том «Песни красного знамени»⁵⁰, куда вошли лучшие образцы современного народного творчества.

Можно с уверенностью сказать, что широкая собирательская работа, развернувшаяся сейчас в Китае, явится толчком к исследовательской деятельности, и в ближайшем будущем китайские фольклористы дадут народу глубокие, подлинно марксистские исследования народного поэтического творчества.

⁴⁹ По имеющимся у нас сведениям, в настоящее время ведется переработка книги для второго издания.

⁵⁰ «Чжунго гэю цзыляо», т. I—III, изд. «Цзоцзя чубаньшэ», Пекин, 1959; «Чжунго эргэ сюань (цзыляобэнь)», изд-во «Чжунго шаонян эртун чубаньшэ», Пекин, 1959; «Хунци гэю», сост. Чжоу Ян и Го Мо-жо, изд-во «Хунци цзачжи шэ», Пекин, 1959.

SUMMARY

The collection of folklore in China began a long time before our era. Thus, the first work of Chinese poetry, Shiking (11th-7th centuries B. C.), is partially a collection of specimens of folklore. The study of folklore, however, began in China only with the cultural revolution, with the movement of May 4, 1919. A Society for the study of folk songs was founded at the Peking University, and special folklore publications began to appear. The rising Chinese study of folklore in the 1920's and 1930's was greatly influenced by West-European studies. The great Chinese writer Lu Hsün nevertheless expressed different and progressive views on people's art and its origin in labour processes. In the third decade of our century the first great study of folklore appeared — the «History of Chinese Folk Literature» by Professor Cheng Chen-to.

A new stage in the study of Chinese folklore began in 1942, after the well-known meeting of workers of art and literature in the capital of the liberated regions, Yen-an. The work of collecting folklore in China is mainly characterized by concentration on the folklore of the national minorities of the country, formerly quite neglected.

The folklorists of the Chinese People's Republic are united in the Society for the Study of China's Folklore. They take an active part in the country's social life, carry on an intensive struggle against bourgeois ideology, participate in all discussions taking place in the country (e. g. criticizing the pragmatism of Hu Shih, the opinions of Hu Feng, and of Professor Chung Ching-wen).

In 1958 a plan of further work was drawn up at the First Congress of Chinese Folklorists in Peking. The folklorists of China have prepared on the occasion of the tenth anniversary of the Republic two series of folk songs and folk tales. At the end of 1958 a «History of Chinese Folklore» in two volumes was published by the Peking Pedagogical Institute. In spite of some serious drawbacks this is the first attempt at creating a Marxist history of China's folklore. There is no doubt that during the period of the «Great Leap» the scholars of the Chinese People's Republic will produce interesting and profound works in the study of folklore and will overcome all the drawbacks in this field, primarily the gap between ethnography and the study of folklore.

С. А. АРУТЮНОВ

К ОЦЕНКЕ РОЛИ МИГРАЦИЙ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ

Вопрос о времени первоначального заселения Японии не может считаться решенным. Ни один из так называемых палеолитических памятников, открытых на ее территории, нельзя с полной достоверностью отнести к палеолиту. То же можно сказать и о недавно открытой стоянке Ивадзюку; хотя многие ученые и склонны считать ее палеолитическими условиями залегания позволяют предполагать, что обнаруженные здесь орудия переотложены из слоев с неолитической керамикой¹.

Все достоверные доисторические памятники на территории Японии относятся ко времени не ранее неолита. Неолитические культуры в Японии классифицируются в основном по типологии керамики. Однако керамика, относящаяся к различным культурам, имеет некоторые общие черты, позволяющие объединить все эти культуры под общим наименованием «дзёмон». Можно считать почти несомненным, что все этапы дзёмона дают картину непрерывного развития; основные черты каждого этапа существовали в зачатке на предыдущих стадиях². Начиная с самых ранних этапов дзёмона, можно проследить постепенное развитие элементов культуры, присущих в видоизмененной форме айнам уже в историческое время.

Еще ранним неолитом, до стадии Мороисо, датируется найденная раковинной куче в Накаи часть глиняной статуэтки. На стадии Мороисо и позднее такие статуэтки получают широкое распространение; появляются каменные изображения фаллоса и рыб. Эти предметы могут быть сопоставлены с айскими инау, фаллическими надгробиями, деревянными рыбами; датируемый неолитом сосуд в виде свернувшейся змеи (рис. 1,а) находит себе полную параллель в айских сделанных из соломы изображениях свернувшихся в кольцо змей (рис. 1,б). Известно, что в конце I тысячелетия н. э. наблюдается упадок айской керамики и перенесение ее художественных традиций на дерево и другие растительные материалы³. Работы Бельца⁴ и Коганэи⁵ убедительно показали отражение в поздненеолитической керамике, в частности в статуэтках, айского физического типа, прически, орнамента.

¹ I. E. K i d d e r, Reconsideration of the pre-pottery culture of Japan, «Artibus Asiae» Ascona, 1954, стр. 135.

² М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. XXXVI, М., 1958, стр. 271.

³ G. M o n t a n d o n, La civilisation ainou et les cultures arctiques, Paris, 1937, стр. 38.

⁴ E. B a e l z, Zur Vor- und Urgeschichte Japans, «Zeitschrift für Ethnologie», № 39, Berlin, 1907.

⁵ Y. K o g a n e i, Über die Urbewohner von Japan, «Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ost-Asiens», Bd. 9, fasc. 3, Tokyo — Yokohama, 1903.

В целом имеющийся археологический материал четко выявляет непосредственные связи между населением неолитической Японии и современными айнами и не дает оснований говорить о появлении в ту эпоху на Японских островах иных, этнически отличных компонентов. Как правильно указывает М. В. Воробьев, даже при допущении возможности занесения какой-нибудь культуры (например, культуры Мороисо) с новой миграционной волной, все же приходится признать, что «переселенцы, если они и появились в это именно время, не особенно отличались от уже натурализовавшихся в Японии переселенцев ни по физическому строению костяков, ни по культуре»⁶.

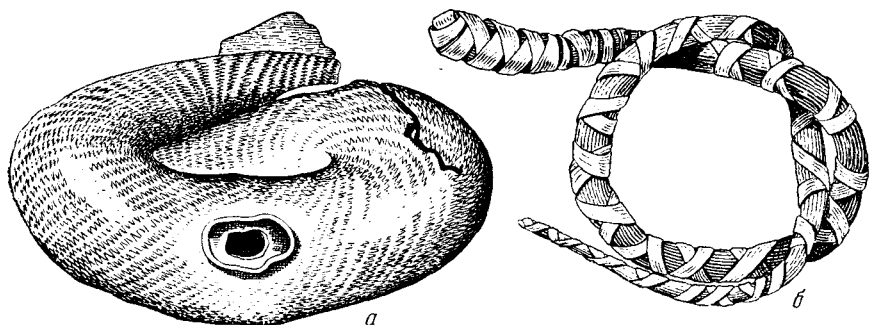

Рис. 1: а — сосуд в виде свернувшейся змеи (Япония, неолит); б — айнский фетиш солнечного змея

Это не означает, однако, что все переселявшиеся в Японию на протяжении неолитической эпохи этнические группы принадлежали к айнам. Палеоантропологические материалы указывают на возможность того, что среди этих переселенцев были группы южномонголоидного антропологического типа. Дело в том, что если соматически, например по развитию третичного волосяного покрова, айны резко выделяются среди остального населения Восточной Азии, то по краниологическим признакам дифференциация их от южных монголоидов весьма затруднительна, а именно сюда, к Юго-Восточной Азии — ареалу расселения южных монголоидов, и ведут намечающиеся пока связи различных культур Японии.

Нет никаких оснований говорить о генетических связях неолитического населения Японии с древним населением Сибири и Дальнего Востока⁷. Накопившийся в науке материал свидетельствует в пользу взгляда, высказанного еще Л. Я. Штернбергом, о происхождении айнов из Юго-Восточной Азии, откуда они были вытеснены (вместе с рядом других австралоидных народов) миграциями иных, прежде всего индонезийских (малайско-полинезийских), этнических групп. Вместе с тем гипотеза Штернберга нуждается в некоторых уточнениях. Как уже указывалось автором настоящей статьи⁸, многие черты в материальной культуре современных айнов, связанные с Индонезией, не могут быть объяснены предположением, что айны непосредственно принесли их из этой области. Таковы айнские приемы кораблестроения и ткачества, например снабжение долбленых лодок-однодеревек наставными фальшбортами из тесаных досок, натяжение основы ткани между рамой, прикрепляемой к поясу ткача, и колышком, вбитым в землю, и некоторые другие элементы

⁶ М. В. Воробьев, Каменный век стран Японского моря, Л., 1953, стр. 285 (рукопись кандид. диссертация, архив Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР).

⁷ М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 265.

⁸ С. А. Арутюнов, Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры, «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 14.

культуры, обнаруживающие разительное сходство с индонезийскими. С не могли быть известны людям на ранней неолитической ступени развития, когда началось заселение Японского архипелага. Подобные параллели скорее могут быть объяснены контактами айских и индонезийских племен уже на территории Японии в сравнительно позднюю эпоху. Поток этих древних индонезийцев можно видеть в племенах хаято и куми упоминаемых японскими хрониками и уже неоднократно сопоставлявшихся в литературе по этому вопросу с индонезийскими народами⁹.

Разграничение айских и индонезийских насельников как во времени так и территориально, на основании известных до сих пор памятников не представляется возможным. В этой связи нельзя не пожалеть, что археологические исследования велись в Японии в основном на главном острове — Хонсю, который в рассматриваемую эпоху находился в удалении от центра важнейших исторических процессов, протекавших на о. Кюсю, где в основном шло формирование японской народности вплоть до начала становления государства. Впрочем, отсутствие резких различий в неолитических культурах Японии легко объяснимо, так как индонезийцы скорее всего продвигались на север вслед за айнскими, в постоянном контакте с ними на протяжении всего их долгого пути, и первоначальные различия в их культуре, как бы велики они ни были, со временем должны были сглаживаться.

Если в развитии неолитических культур Японии мы прослеживаем преемственность на протяжении весьма длительного времени, то иная картина вырисовывается, когда мы переходим к рассмотрению культур относящихся в основном к энеолиту и известных под собирательным названием яёи. Отличия инвентаря яёи от инвентаря дзёмон настолько велики, что японские археологи первоначально пытались противопоставить эти две культуры как территориально разграниченные и искони принадлежавшие различным народам: яёи — предкам японцев на юге, дзёмон — предкам айнов на севере. Вскоре, однако, стало ясно, что эти культуры различаются не столько территориально, сколько хронологически.

Сейчас, пожалуй, никто уже не отрицает, что появление культуры яёи в какой-то мере связано с новыми переселениями на территорию Японии. Различия во взглядах исследователей относятся к оценке роли этих переселений в формировании и распространении этой новой культуры. Сторонники крайних миграционистских воззрений отрицали вообще какое бы то ни было участие коренного неолитического населения в создании энеолитической японской культуры, приписывая ее исключительно переселенцам. Эта концепция, правда, не является господствующей, и большинство японских ученых признает важную роль местных неолитических элементов в создании новой энеолитической культуры.

Однако многие ученые впадают в противоположную крайность, вообще отрицая значимость переселений на этом этапе истории Японии. Такому недооценку можно отметить, например, в трудах японского историка С. Тома, который трактует распространение энеолитической культуры лишь как результат некоторого оживления имевших якобы место и ранее постоянных миграций с материка¹⁰.

По Тома, орнамент на сосудах раннего яёи (керамики Татэясики и Карако) сходен с орнаментом, характерным для позднейших этапов культуры дзёмон (Охоро-А). Упрощение позднеэнеолитической керамики в западной Японии, по его мнению, знаменует начало традиции скупых и строгих линий энеолитической керамики. Захоронение в урнах — один

⁹ «Кокуси дзитэн» (Словарь отечественной истории), Токио, 1937, статья «Ку-масо».

¹⁰ С. Тома, Михон миндзоку-но кэйсэй (Формирование японской нации), Токио, 1935.

из самых характерных признаков культуры Суку (поздний яёи) — было известно и в позднем неолите, но ограничивалось детскими погребениями (памятники Цукумо, Ясаки, Инарияма). Тома предполагает, что неолитическая техника еще не позволяла делать урны для взрослых.

«Подытоживая эти моменты сходства и преемственности,— пишет Тома,— мы видим, что связь культуры дзёмон с культурой яёи очень тесна. Несомненно, творцы этих культур были людьми одного и того же народа»¹¹. Хотя и имелись внешние культурные влияния, но целостность населения Японии того времени, по мысли Тома, нисколько не была нарушена.

Другой японский историк, Э. Фудзимори, также выступает за непрерывность перехода от неолита к энеолиту в Японии, объясняя новые явления переселениями, а влияниями¹².

Сходные взгляды высказывались и советскими исследователями. А. П. Окладников, справедливо признавая определяющую роль, которая на решающем этапе этногенеза японцев принадлежала связям островного мира с материком, придает все же слишком большое значение наличию промежуточных между дзёмоном и яёи форм; в них, писал он, «можно даже проследить постепенный переход от неолита к яёи-культуре. Уже на ступени Кацусака появляются типы сосудов, позднее приобретающие доминирующее значение в керамике яёи-культуры, например, чаши на высокой ножке. В орнаменте на ступени Омори впервые проявляются с большой силой тенденции к схематизму и прямолинейности, которые находят свое выражение в яёи-орнаментике»¹³.

Еще в большей степени склонность к поискам непосредственной генетической связи между культурами дзёмон и яёи присуща работам М. В. Воробьева, в первую очередь цитировавшейся выше диссертации, на что уже указывал М. Г. Левин¹⁴. Новая работа М. В. Воробьева также не свободна от этой тенденции. Так, он пишет: «...японские археологи... не обратили внимания на то обстоятельство, что размеры и местонахождение стоянок, состав инвентаря, форма жилищ типичных памятников культуры яёи — все это говорит в пользу последовательного развития неолитической культуры от дзёмона к яёи. Разумеется, возможно и даже вероятно проникновение в это время на архипелаг новых этнических групп, связанных некоторыми элементами своей культуры с культурой яёи, но их проникновение имело место и раньше и не определяло хода развития культуры Японии, хотя и оказало на него некоторое влияние»¹⁵.

В действительности эта мысль, как мы видели цитируя С. Тома, не чужда японским исследователям. Однако вряд ли она достаточно обоснована фактическим материалом. Нельзя, конечно, отрицать большого значения неолитических традиций во всей дальнейшей истории японской культуры, взаимопроникновение неолитической и энеолитической культур было очень сложным процессом, но все же вряд ли можно говорить о простом вырастании одной культуры из другой.

Большинство находок энеолитической культуры яёи в чистом виде, без примеси свойственных дзёмону черт, сосредоточено, как известно, на Кюсю. Очевидно, именно здесь впервые и появилась эта культура на архипелаге.

Лишь два пути допускают переселение сюда крупных этнических групп вместе со скотом (а лошади появляются в Японии только с культурой яёи). Это либо путь по островной цепи Рюкю, либо путь из Кореи

¹¹ Там же, стр. 38.

¹² Сб. «Нихон рэкиси кодза» (Очерки по истории Японии), Токио, 1955, стр. 97.

¹³ А. П. Окладников, О древнейшем населении Японских островов и его культуре, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 26—27.

¹⁴ М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 273.

¹⁵ М. В. Воробьев, Древняя Япония, М., 1958, стр. 40.

через острова Цусима и Ики. Но ни о-в Тайвань, ни Рюкю не дают ничего похожего на культуру яёи¹⁶. Напротив, древняя культура южной Кореи указывает на то, что именно отсюда совершилось переселение носителей культуры яёи на Японские острова. «Памятники яёи — керамика, включая глиняную скульптуру, каменные топоры, ножи, стрелы, мечи и пр., сильно походят на соответствующие предметы, найденные в Корее»¹⁷. «В Корее обнаружена керамика, близкая к Татэясики»¹⁸ (одно из ранних типов керамики яёи).

Эта миграция с материка племен, стоявших на энеолитической ступени развития, была подготовлена процессами, которые происходили несколько раньше на территории Кореи. В период позднего неолита здесь появляются ножи полукруглой формы, употреблявшиеся в качестве серпа, что указывает на развитие земледелия. В конце неолита становится известной и лошадь; получает развитие керамика типа яёи, существовавшая в Корее и раньше, тогда как другие типы керамики исчезают.

Несомненно, что энеолитическая культура яёи на территории Японии продолжает в первую очередь именно эти традиции корейского неолита, а не традиции японского неолита — культуры дзёмон. Среди памятников энеолитической культуры в Японии всюду имеются свидетельства земледелия — специальные сосуды для варки риса с отпечатками его зерен, даже сохранившимися зёрнами, мотыги, серпы; энеолитические поселения были сосредоточены в местах, удобных для орошаемых полей²⁰.

Отдельные следы земледелия отмечаются, правда, и в неолитических культурах Японии (известны отпечатки зерен риса на сосудах облика позднего дзёмона). Однако это не дает оснований считать, что земледелие зародилось в позднем дзёмоне. Дело в том, что в отсталых горных и северных областях Японии неолитические культуры продолжали существовать и тогда, когда на равнинах Юга не только существовала культура эпохи бронзы, но развилась и культура эпохи раннего железа (культуры курганов). Так, например, деревянные мечи из Корэкава, сопровождаемые типичным инвентарем позднейшего дзёмона, по форме эфеса напоминают железные мечи курганной эпохи и, вероятно, являются их имитацией (рис. 2). Для предшествующих стадий культуры дзёмон известны каменные имитации ритуального бронзового оружия. Поэтому такие позднееолитические культуры, как Ангё или Охоро, можно считать синхронными культурам раннего энеолита юга Японии, а связывающие их черты — объяснить влиянием принесенной извне более высокой энеолитической культуры на местное население более отсталых районов.

Древнейший ареал культуры риса, появившейся в это время в Японии, лежит, несомненно, в южном Китае. Но вряд ли правомерно, как это делает С. Тома, выводить традиции японского рисоводства непосредственно из южного и среднего Китая, связывая их с племенами нань-юэ. Наличие в стоянках яёи двусторонних пестов для обрушки риса, на которые ссылаются для аргументации такого взгляда, не может служить доказательством, так как аналогичные песты распространены и по сей день у корейцев. Вполне вероятно, что в Корею они действительно попали из южного Китая, но в Японию они перешли скорее всего уже из Кореи.

Столь же необоснованны доводы о проникновении культуры яёи на Кюсю из южных районов Азии, которые приводит С. Гото в цитиро-

¹⁶ R. K. Beardsley, Japan before the history, «Far Eastern Quarterly», т. 14, № 3, Lancaster, стр. 331.

¹⁷ G. B. Sanson, Japan, London, 1936, стр. 3.

¹⁸ С. Гото, Нихон-но бунка, рэймэйхэн (Заря японской культуры), Токио, 1942, стр. 26.

¹⁹ О неолите Кореи см.: М. В. Воробьев, Каменный век стран Японского моря, стр. 226.

²⁰ С. Гото, Указ. раб., стр. 62.

ванной работе. Наиболее ранние варианты энеолитической керамики представлены в культурах Онгагава и Татэясики, типичных для северной части Кюсю. В южных районах этого острова также обнаружена керамика Онгагава, но здесь она грубее, чем на севере. Нам представляется, что ее следует рассматривать не как примитивную форму энеолитической керамики, что утверждает Гото, а скорее как результат влияния новой энеолитической культуры на гончарное производство неолитического населения южного Кюсю.

Материалы из стоянки Ибусуки на крайнем юге Кюсю приводят обычно в качестве примера постепенного перехода от дзёмона к яёи. Переход этот действительно имеет место, но и здесь он может быть лучше всего объяснен все увеличивавшимся влиянием проникавшей сюда с севера новой культуры на местную. На севере Кюсю такие переходные формы отсутствуют, и это не случайно: их отсутствие говорит о единовременном быстром захвате этой территории носителями новой, уже сложившейся культуры. В соседних областях под ее влиянием возникают контактные формы, промежуточные между новыми (яёи) и старыми (дзёмон).

В энеолитической культуре имеется, правда, ряд элементов, происходящих из культуры дзёмон. Так, как указывается в цитированной выше работе А. П. Окладникова, распространенная в энеолите форма вазы на высокой ножке встречается еще на стадии Кацусака, т. е. в среднем неолите: для этого времени не может быть и речи о каком-либо энеолитическом влиянии. Это обычно трактуется как доказательство непосредственной преемственности культур яёи и дзёмон. Однако нам представляется более вероятным другое предположение: существовавшие в неолите формы керамики были заимствованы энеолитическими пришельцами у местного населения и развиты далее. Достаточно сравнить неолитическую и энеолитическую вазы и станет ясно, что при большом сходстве формы (сохраняются даже прорези в пьедестале вазы) различия в качестве теста, приемах формовки, линиях слишком велики, чтобы оба предмета приписывать одному и тому же народу (рис. 3).

Изучение истории жилища на территории южной Японии также подтверждает положение о том, что здесь в неолите шло постепенное развитие традиций древних айнов и близких к ним по культуре индонезийских племен и что в энеолите сюда проникают пришельцы с материка. Для неолита Японии в целом характерна землянка, первоначально круглая или эллиптическая, затем четырехугольная. В более позднее время она постепенно переходит в наземное жилище. На юге Кюсю землянки отсутствуют. Археолог К. Митомо отмечает²¹, что он часто встречал здесь на стоянках утрамбованную землю, следы очага, но ни одной землянки. Он делает отсюда вывод об отсутствии оседлости в этом районе, вывод,

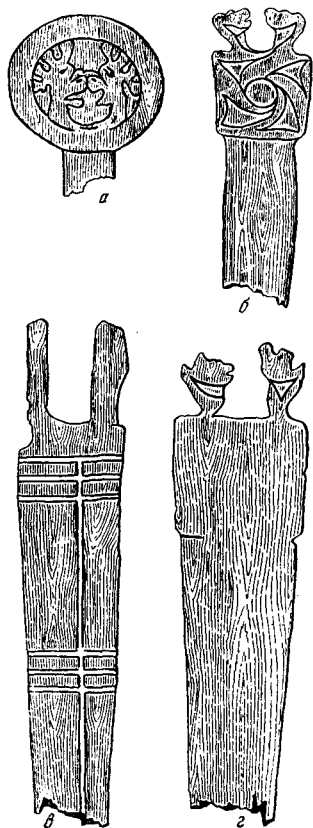

Рис. 2. Эфесы мечей: а — железного меча курганной эпохи; б, в, г — деревянных мечей из Корэкава

²¹ См. С. Тома, Указ. раб., стр. 113.

с которым никак нельзя согласиться. Этому противоречит хотя бы наличие здесь больших раковинных куч. Зато можно предположить, что на этой территории, в историческом ареале обитания кумасо, еще в неолите были распространены характерные для индонезийцев свайные жилища, которые и могли, при расположении очага вне дома, оставить найденные Митомо следы.

По С. Гото²², наземные жилища начинают преобладать в Японии конца среднего неолита. Отмечая, что позднее, в эпоху яёи, вновь шире распространяются землянки, Гото не находит этому объяснения. Между тем напрашивается следующее предположение: в южной Корее землянки засвидетельствованы как главный вид жилища и в эпоху, гора

Рис. 3. Вазы: а — неолитической культуры; б, в — позднелитической культуры

более позднюю, чем время появления носителей культуры яёи в Японии. Люди культуры яёи и принесли, по-видимому, сюда землянку, которую местного древнеайнского населения к этому времени уже сменила наземным жилищем. Отсюда можно заключить также, что эти пришельцы, в течение долгого времени сохранявшие свое традиционное жилище, даже менее совершенное, чем местное, не растворились в туземном населении, а, смешиваясь с ним, долго удерживали свои основные этнические особенности.

В целом история заселения доисторической Японии рисуется в следующем виде: древнейшее население представлено здесь предками айнов, которые, возможно, проникали сюда несколькими следующими одна за другой волнами; вслед за ними приходят народы малайско-полинезийской группы (возможные предки кумасо и хаято), по культуре близкие к древним айнам. Значительно позднее установились связи Японии с близлежащими областями азиатского материка, и происходит миграция сюда новых этнических групп, принеших с собой иную, более высокую культуру.

Указанные выводы, основанные на интерпретации археологического материала, находят свое подтверждение и в данных анализа японского языка. Как известно, по своей грамматической структуре, а именно — по синтаксису и строго суффиксальной агглютинативной морфологии японский язык схож с алтайскими, т. е. тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Как сообщает С. Оно, по мнению большинства современных японских лингвистов, «наиболее велика вероят-

²² С. Гото, Указ. раб., стр. 48.

²³ О древнем корейском жилище см.: Ли Ё Сон, Чосон мисульса гэё (Очерк истории корейского искусства), Пхеньян, 1956.

ность одинакового с японским происхождения корейского и вообще алтайских языков. Вместе с тем в лексике заметны включения из аустрических языков»²⁴.

Приведем некоторые материалы, свидетельствующие о сходстве отдельных слов в японском и корейском языках. Японо-корейские соответствия относятся преимущественно к названиям животных, частей тела и другим словам основного словарного фонда²⁵.

Японск.	Корейск.		Японск.	Корейск.	
камэ	кобук	(черепашка)	хара	пол	(степь)
сиси	сасым	(олень)	ми	мом	(тело)
цуру	турым	(журавль)	цумэ	тхоп	(коготь)
кума	ком	(медведь)	сима	сом	(остров)
хати ²⁶	пол	(пчела)	кото	кот	(вещь)
хэби	пем	(змея)	токи	чок	(время)
тити	чот	(молоко)	мото	мит	(низ)
цуба	чхим	(слюна)	уэ	у	(верх)

Отметим, что корейские корневые слова большей частью односложные, с конечным согласным, тогда как японские корневые слова чаще всего двухсложные. Возможно, что различия возникли в связи с тем, что слова древнейшего японского языка, отходя от своих общих с корейскими прототипов и подчиняясь ставшему обязательным в японском языке закону открытого слога, отягощались новым гласным, чаще всего *a*.

Японо-корейская общность в сфере грамматики проявляется в склонении существительного, в наличии тематического подлежащего, оформленного эмфатической частицей (*-нын* в корейском, *-ва* в японском), в сходстве суффиксов именительного падежа (в обоих языках *га*) и в ряде других фактов. Так, очевидным представляется сходство между суффиксами повелительного наклонения в японском *-ро* (например, *сэро!* — делай, *ямэро!* — прекрати) и в корейском *-ра* (*хара!* — делай, *пвеора!* — покажи).

Особо следует остановиться на сопоставлении суффиксов переходности-непереходности: в японском *э* (в древнеяпонском *э/у*), а в корейском *и* (суффикс *хи* является его вариантом с придыханием у предшествующего согласного). В корейском языке суффикс *и*, будучи присоединен к непереходному глаголу, дает значение переходности или побудительности, например:

чукта — умирать, чугида — убивать;

нокта — таять, нокхида — растапливать.

Будучи присоединен к первично-переходному глаголу, этот же суффикс, наоборот, придает ему значение непереходности, самопроизвольно возникающего действия:

макта — закупоривать, макхида — быть закупоренным;

чапта — ловить, чапхида — ловиться.

²⁴ С. Оно, Нихонго-но кэйторон-ва доноёни сусумэрарэтэ кита ка? (Как развивалось учение о происхождении японского языка?), журн. «Кокугогаку», Токио, 1952, № 10.

²⁵ Примеры взяты в основном из работ: W. A. Aston, A comparative Study of Japanese and Korean, «Journal of Royal Anthropological Society of Great Britain and Ireland», New series, т. XI, London, 1879; Канадзава, Нитикан рёкокуго докэйрон (Об общности происхождения японского и корейского языков), «Тоё кёкай тэсабу гакудзину хококу» (Доклады Общества по изучению Востока), Токио, 1910. Можно было бы добавить ряд других примеров, в основном из глагольной лексики, но это потребовало бы слишком подробного фонетического обоснования.

²⁶ Следует иметь в виду, что японский *х* соответствует древнеяпонскому *п*, а корейский финальный *л* употребляется для передачи древнекитайской финали, в японском передаваемой через *т*, что дает нам право сопоставлять эти пары звуков.

Те же функции выполняет суффикс *э* в японском языке. От переходных глаголов он образует непереходные, например:

кудаку — разбивать, кудакэру — разбиваться;
току — распускать, токэру — распускаться.

От непереходных глаголов этот же суффикс образует переходные:

цуку — прикрепиться, цукэру — прикрепить;
аку — открыться, акэру — открыть;
яму — прекратиться, ямэру — прекратить;
ясуму — отдыхать, ясумэру — дать отдохнуть.

Обращает на себя внимание, что суффикс *э* употребляется только после звуков *к* и *м*. Глаголы с другим исходом основы образуют свои парными способами.

Если мы рассмотрим, какие исходы основы требуют в корейском языке суффиксы *и/хи*, сопоставимого с японским *э*, то увидим, что почти все они, т. е. *к*, *кк*, *пх*, *лпх*, *лп*, *лк*, принадлежат либо к группе задненёбных, либо к группе губных. Исключение составляют три исхода из десяти, *х*, *лх*, *нх*. Среди девяти исходов, требующих иных суффиксов, только два губных (*м* и *лм*) и нет ни одного задненёбного.

Таким образом, рассматриваемые суффиксы не только имеют сходное звучание, но и обнаруживают следы общности законов употребления.

В обоих языках у глагола отсутствуют лицо и число; развита категория залога; разнообразны конвербиальные формы со специфическими приставками, выполняющие функции синтаксического сочинения и подчинения («деепричастия», как их обычно называют). В современном японском языке разница между определительной и заключительной формами глагола стерлась, но для древнеяпонского она была характерна, как для современного корейского. Во всех этих языках глагольные формы являются стержнем синтаксиса, и их синтаксическая позиция и определяемый ею строй предложения совершенно тождественны.

В обоих языках категории глагола и прилагательного близки друг другу. При этом в японском языке расхождение между глаголом и прилагательным зашло гораздо дальше, нежели в корейском, где «спрягаемое прилагательное не имеет ни одной специфической грамматической категории, качественно отличающей его от глагола»²⁷.

Интересно отметить, что дифференциация прилагательного и глагола в обоих языках происходит по сходному пути. В корейском определительная форма прилагательного, которая «указывает на атрибутивный характер отношения прилагательного к имени и не обозначает времени»²⁸, с определительной формой глагола (причастием) полностью совпадает. То же происхождение — от форм прошедшего времени глагола — имеют в старояпонском языке предикативная и атрибутивная формы прилагательного, с окончаниями *си* и *ки*²⁹. Более того, в новояпонском языке от глагола вторично отделилась небольшая группа прилагательных типа «икита» (живой) и др. При их образовании так использован глагольный суффикс прошедшего времени, на этот раз древнего, а современного языка.

В парадигме спряжения корейского глагола (а значит, и прилагательного) мы можем найти несколько морфем, которые кажутся близкими некоторым японским морфемам. К их числу, например, относится морфема деепричастия образа действия *-ке*; она соответствует японской морфеме *-ку*, образующей от прилагательного наречную форму. Не говоря уже о сопоставлении наречных форм корейского и японского прилагательных, наречность этой формы и у глагола видна из примера: *кы суре-н*

²⁷ А. Холодович, Очерк грамматики корейского языка, М., 1954, стр. 189.

²⁸ Там же, стр. 188.

²⁹ А. А. Холодович, К вопросу о происхождении японского прилагательного «Научный бюллетень ЛГУ», № 18, 1947, стр. 437.

зеном-и нокнокхи ккыл су итке койоун кос имнида (телега была так легка, что трое вполне могли ее сvezти)³⁰. Некоторый оттенок целенаправленности, дающий Рамстедту³¹ повод называть эту форму деепричастием будущего времени, имеется и у японской наречной формы. Корейскому кэ-рыл чукке ханда (убивает собаку) соответствуют по своей грамматической форме японские выражения: такаку суру (сделать так, чтобы это было высоким, т. е. повысить), боси-о атарасику кау (купить новую шляпу, т. е. купить шляпу так, чтобы она была новой).

Что касается фонетики, то хотя современные японский и корейский языки резко отличаются по своему звуковому составу, между строем гласных в корейском и древнеяпонском можно найти весьма существенные совпадения. Сейчас в японском языке только пять гласных звуков (тех же, заметим попутно, что и в полинезийских): *a, э, и, о, у*. В корейском их не менее восьми: *a, ö, o, э, e, y, ы, и*, а до недавнего времени было и *a* краткое. Однако в древнеяпонском языке, как показывают исследования С. Хасимото³², имелось также не менее восьми гласных звуков. Это можно проследить на примере древних текстов, где имена собственные, содержащие корни нарицательных слов, записаны при помощи китайских иероглифов, использованных фонетически. Замечено, что иероглифы, используемые для записи слогов с *o, э, и*, можно разбить на две группы. В ряде слов, содержащих, например, слог *ки*, для его передачи используются произвольно любые иероглифы из первой группы, но никогда не встречаются иероглифы из второй группы, которые служат для передачи слога *ки* в других словах. Анализ китайских чтений иероглифов показывает, что слоги одной группы обычно имеют 4-й тон, а слоги другой группы — 3-й. Звуковой состав этих китайских чтений позволяет думать, что гласные первой группы были закрытыми, а гласные второй группы — открытыми. Следовательно, древний японский язык обладал примерно тем же набором гласных, что и корейский. В корейском языке тенденция к упрощению состава гласных только намечается в виде отказа от краткого *a*, а в японском этот процесс прошел более тысячи лет назад.

В корейском языке существует явление гармонии, заключающееся в изменчивости огласовки суффиксов в зависимости от состава гласных корней. Раньше гармония была еще распространение, но с исчезновением *a* краткого исчезло и гармоническое чередование *a — ы* в соединительной морфеме, в суффиксах генетива, аккузатива, эмфазиса и др. Как литературный норматив, сохраняется чередование *ат — öт* в глагольном временном суффиксе, однако в разговорном языке «в результате интенсивно происходящего процесса унификации суффикс *-ат-* после закрытых слогов часто заменяется параллельным суффиксом *-öt-*»³³. Таким образом, и здесь отражается тенденция к стиранию гармонии. В современном японском языке гармония полностью отсутствует, но в древнем «имелись следы ее, выразившиеся в том, что в многосложном слове не могли сосуществовать гласные разных рядов — закрытого и открытого»³⁴.

Согласные в корейском языке не делятся на глухие и звонкие: те и другие считаются вариантами одной фонемы и на письме не отражаются. Озвончаются согласные в интервокальном положении. В японском языке деление на глухие и звонкие существует, но глухие обычно озвончаются в составных словах на стыке корней: например, *яма+кава* дает *ямага-ва*. В древних текстах звонкость в письме не выражается; это позволяет

³⁰ Пример взят из книги А. А. Холодовича «Очерк грамматики корейского языка», стр. 176.

³¹ Г. Рамстедт, Грамматика корейского языка, М., 1951, стр. 122.

³² «Нихон бунка си тайкэй» (Энциклопедическая история японской культуры), Токио, 1937, т. I, стр. 49—62.

³³ А. А. Холодович, Очерк грамматики корейского языка, стр. 32, 92.

³⁴ «Нихон бунка си тайкэй», стр. 62—66.

думать, что в ту эпоху звонкий и глухой согласные также могли возникать, как варианты одной фонемы³⁵.

Как можно видеть из сказанного, в корейском и японском языках существует ряд общих внутренних тенденций развития, которые находят свое выражение в процессах дивергенции прилагательного и глагола, стирании гармонии, упрощении состава гласных, делении согласных на звонкие и глухие. При этом в корейском языке процессы эти протекают медленно, а в японском они были ускорены и сейчас либо уже завершены, либо близки к завершению. Должен был иметься какой-то мощный фактор, начавший действовать после территориального отрыва японского языка от родственного ему корейского и ускоривший ход указанных процессов. Очевидно, этот же фактор повлиял и на пути отхода звучания японских слов от своих древних прототипов, о чем говорилось в соответствующем месте выше.

Представляется, что во всем этом можно видеть проявление процесса взаимодействия субстрата и суперстрата, которые должны были происходить на Японских островах при встрече переселенцев с Корейского полуострова с местным населением малайско-полинезийского происхождения³⁶. Это подтверждает выдвинутый Х. Идзуи тезис: «Японский язык вернее его основа, вряд ли сформировался на Японских островах. Сформировавшись в какой-то части материка, протояпонский язык, очевидно, пришел на острова, когда здесь наверное уже были в ходу, особенно западной их части, языки народов южного происхождения. При этом японский, заняв господствующее положение по отношению к этим языкам, ассимилировал их и сам при этом претерпел некоторые изменения».

Действительно, звуковой состав японского языка сближает его с малайско-полинезийскими и даже прежде всего с полинезийскими, т. е. не более окраинными языками этой семьи, где дальше всего зашли процессы обеднения согласными и стал обязательным открытый слог. Именно к этим языкам и тяготеет большинство малайско-полинезийских лексических включений в японском языке.

Японск.	Малайско-полинез.	Японск.	Малайско-полинез.
ика (рыба)	ика (рыба) (полинез.)	ити (рынок)	ити (поселок) (рапануй)
эи (скат)	фаи (скат) (полинез.)	ана (пещера)	ана (пещера) (рапануй)
каки (устрица)	нгакхи (устрица) (маори)	асо (имя вулкана)	асо (курить) (тагалог)
таираги (моллюск)	таираки (моллюск) (маори)	сава (болото)	саба (болото) (батакск)
комэ (рис)	комэ (пища) (маори)	нара (ровное место)	дангат (равнина) (индонез.)
арудзи (хозяин)	арики (вождь) (полинез.)		

Мы видим, что внутри приведенных пар расхождения меньше, чем обычно в родственных языках, и скорее говорят о заимствовании. Кроме того, почти все эти слова относятся к морской или береговой тер-

³⁵ «Нихон бунка си тайкэй», стр. 69.

³⁶ Мы не касаемся здесь вопроса об айских элементах в японском языке. Укажем лишь следующее: языковый анализ приводит к выводу о том, что в начальном периоде формирования японской народности и ее языка более важную роль играл контакт переселенцев из Кореи с индонезийскими (малайско-полинезийскими) группами, обитавшими на Кюсю, а айны — древнейшее население Японии — в этом процессе участвовали в меньшей степени. Об айском слое в японском языке см.: С. А. Арутюнов, Указ. раб.

³⁷ Х. Идзуи, Маматити-мамахаха, индонези-го то нихонго (Индонезийский и японский языки), журн. «Гэнго кэнкю», 1947, № 22/23.

³⁸ Приведенные примеры взяты из следующих трудов: Х. Идзуи, Указ. раб.; К. Цубои, Кокумин-тю-но тайэйё хомэн ёри идэтару бунси-ни цуйтэ (О тихоокеанских элементах среди японцев), «Кокогаку дзасси», т. 16, № 8, Токио, 1926; D. van Hinloopen Labberton, The oceanic languages and the Nipponese as Branches of the Nippon-Malay-Polynesian family of speech, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», Second series, т. II, Yokohama, 1925.

минологии. Вхождение из субстрата вместе с фонетикой именно этих слов показывает, что носителем языка субстрата был народ рыболовов и прибрежных собирателей, каким нам и представляется население юга Японии той эпохи по археологическим данным.

Приведенный нами весьма неполный обзор археологических, лингвистических и других данных показывает, что именно появление культуры яёи на Японских островах было вехой, отмечающей время важнейших перемен в этническом облике населения Японии. В это время изменяются границы этно-лингвистических областей, и вместо языковых связей с Юго-Восточной Азией на первый план выступают связи с географически более близкими народами, прежде всего с корейцами. Такая же перемена происходит и в области культурных связей. На антропологический облик населения эти миграции оказали, по-видимому, меньшее влияние, и это можно объяснить тем, что иммигранты вряд ли были первоначально многочисленны; кроме того, как это бывает обычно при более или менее дальних морских экспедициях, среди них скорее всего преобладали мужчины: недаром японская мифология изобилует сказаниями о переселении и путешествиях только мужчин и о находящихся на востоке (как и Кюсю от южной Кореи) островах женщины. Понятно, что после прибытия таких групп иммигрантов на новые территории сразу же должна была начаться их метисация с аборигенами, и большинство даже ранних памятников культуры яёи наверное принадлежит уже метисному населению. На более поздних этапах доля туземной крови, естественно, должна была возрастать, так как метисация продолжалась. Кроме того, принесенный иммигрантами новый язык мог стать языком межплеменного общения также у древних кумасо, хаято, айнов — там, где они жили чересполосно, и привиться у них через стадию двуязычия.

SUMMARY

From the early stages of the Jomon neolithic culture it is possible to trace the continuous and gradual evolution of the cultural traits characteristic of the Ainu. The neolithic population of Japan, rather homogeneous culturally and anthropologically, probably spoke Ainu and Malay-Polynesian languages. The aeneolithic Yayoi culture, on the other hand, is heterogeneous throughout Japan and is closest to South Korea. The features of continuity between the Jomon and Yayoi cultures are generally greatly exaggerated. Evidently, later Jomon culture was synchronous not only with the Yayoi but also with the culture of the early Iron Age, and the similarity is explained not by continuity but by interaction. A linguistic analysis reveals in both Japanese grammar and basic vocabulary identities with the Korean language; moreover, a definite stage in the divergence of the two languages can be historically observed through the evolution of Japanese phonetics. In the latter, as also in part of the Japanese vocabulary (especially terminological), a Malay-Polynesian substratum is clearly traceable. The Ainu substratum is expressed far less prominently.

Н. А. БУТИНОВ

КОРОТКОУХИЕ И ДЛИННОУХИЕ НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

(По материалам кохау ронго-ронго)

В предлагаемой статье сделана попытка решить одну из важнейших проблем ранней истории острова Пасхи при помощи материалов письменности кохау ронго-ронго. Не претендуя на исчерпание вопроса, мы надеемся, что выводы, изложенные в статье, привлекут внимание специалистов.

Деление жителей о-ва Пасхи на две группы: короткоухих (Ханау моко) и длинноухих (Ханау ээпе) прослеживается вплоть до сегодняшнего дня. Однако никто из местных жителей не знает, когда и почему появилось это деление. Ряд преданий сообщает о прибытии на остров первых переселенцев во главе с Хоту-Матуа; о том, как Хоту-Матуа, умирая, делит земли острова между своими сыновьями. В этих преданиях ни длинноухих, ни о короткоухих не упоминается. Местные жители в ответ на вопросы исследователей заявляют, что Хоту-Матуа и его спутники были короткоухими.

Много лет спустя после смерти Хоту-Матуа, говорится в единственном предании, где упоминаются короткоухие и длинноухие, остров был поделен поровну. В западной половине жили короткоухие, в восточной — длинноухие. «Между ними свирепствовала смертельная вражда, великие долгие и кровавые войны»¹. Длинноухие, отступая, окопались за ров Ико (этот ров пересекает п-ов Поике с севера на юг, от Махатуа до Тоигарики). Наполнив ров сухой травой, они решили затопить в него короткоухих и сжечь их там заживо. Но длинноухие сами попали в яму, которую приготовили для других. Короткоухие, узнав случайно об этом замысле, напали на длинноухих неожиданно, с тыла, загнали их в ров и сожгли. Только двоим длинноухим удалось выскочить из рва. Они бежали в Анакену, спрятались в пещере и кричали оттуда: «Оророине! Короткоухие убили одного из них, а другого пощадили. Таким образом из всех длинноухих в живых остался только один человек»².

Себастиан Энглерт выяснил значение слова «Оророине»: это — имя единственного оставшегося в живых длинноухого. Согласно генеалогии, записанной Энглертом, Оророине жил десять поколений назад, примерно в начале XVIII в. От него ведут свое происхождение некоторые современные островитяне, в том числе ныне здравствующий староста острова Педро Атан³.

В преданиях, посвященных позднему времени, о длинноухих не упоминается. На острове остаются только короткоухие (впрочем, термин

¹ W. Thomson, *Te Pito te Henua, or Easter Island*, Washington, 1891, стр. 528—529.

² A. Métraux, *Ethnology of Easter Island*, Honolulu, 1940, стр. 69, сл.

³ S. Engler, *La Tierra de Hotu Matu'a, Padre Las Casas* (Chile), 1948, стр. 127.

«короткоухие» отныне также отсутствует в легендах). Остров поделен на восточную и западную половины. Ведутся войны. Но теперь восточные племена называются Хоту-Ити, а западные — Ко-Туу.

Может быть, длинноухие это то же, что Хоту-Ити, а короткоухие — Ко-Туу? Но такому решению вопроса препятствует одно важное обстоятельство: племена Хоту-Ити, как и племена Ко-Туу, ведут происхождение от Хоту-Матуа, а Хоту-Матуа был короткоухим.

Местные жители, когда им задают вопросы о длинноухих, дают разные ответы. Раутледж была свидетелем спора о времени появления длинноухих на острове. Килимути, признанный знаток старины, утверждал, что длинноухие прибыли вместе с первым королем. Но три других старика считали, что это событие произошло при третьем короле. Спор принял бурный характер, и присутствовавшая при этом женщина сказала Раутледж: «Не верь им, ничего они об этом не знают»⁴.

Томсон полагает, что длинноухие не могли появиться на острове вместе с первым королем. С Хоту-Матуа прибыли люди одного племени. Предания различают длинноухих, с одной стороны, и потомков первого короля, — с другой⁵.

Но, возможно, длинноухие — это другой народ, прибывший на остров позднее. Именно это предположение господствует в настоящее время в науке. Энглерт считает, что длинноухие говорили на другом языке⁶. Раутледж полагает, что длинноухие принадлежали к другой расе⁷.

Предположение о двух народах, прибывших на остров в разное время, говоривших на разных языках и имевших разные культуры, отнюдь нельзя считать доказанным. Альфред Метро, например, полагает, что легенда о длинноухих и короткоухих не может служить доказательством существования на острове двух рас⁸. А других данных, говорящих в пользу этой гипотезы, нет.

Цель настоящей статьи — показать, что на о-ве Пасхи не было двух разных народов. Деление на длинноухих и короткоухих — деление внутри одного народа. Для доказательства этого положения решающее значение имеет новый источник — небольшой текст кохау ронго-ронго, который нам удалось прочесть. Этот текст начертан на малой чилийской дощечке⁹ и представляет собой генеалогию из шести имен. Тот факт, что это генеалогия, установлен три года назад¹⁰.

На о-ве Пасхи собран довольно большой генеалогический материал о королях, потомках Оророиине и современных жителях острова. Генеалогии королей записаны разными исследователями (Руссель, Жоссан, Томсон, Метро, Оливарес). Анализ этих генеалогий дан нами в другом месте¹¹. Здесь мы хотим лишь отметить, что они содержат много неточностей. В них, наряду с именами королей, приведены имена членов их семей (например, Вакаи, жена Хоту-Матуа, в генеалогии Русселя; Хата-Миру, младший сын Миру, не бывший королем, в генеалогии Жоссана) и даже названия племенных групп (Туу-ко-те-Мата-Нуи и Хоту-Ити-ко-те-Мата-Ити в генеалогии Метро и Оливареса). Но наряду с этим в генеалогиях имеются регулярно повторяющиеся группы имен, и это отно-

⁴ S. Routledge, The mystery of Easter Island, London, 1919, стр. 280.

⁵ W. Thomson, Указ. раб., стр. 532.

⁶ S. Engler, Указ. раб., стр. 121.

⁷ S. Routledge, Указ. раб., стр. 298.

⁸ A. Metraux, Указ. раб., стр. 74.

⁹ Как известно, письма кохау ронго-ронго начертаны на дощечках, в настоящее время хранящихся в различных музеях мира: в Чили, Ленинграде, Вашингтоне, Берлине и др.; см. Н. А. Бутинов и Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи, «Сов. этнография», 1956, № 4.

¹⁰ Там же, стр. 89.

¹¹ См. Н. А. Бутинов и Ю. В. Кнорозов, Новые материалы об острове Пасхи, «Сов. этнография», 1957, № 6.

сится в первую очередь к именам первых шести королей: 1) Хоту-Матуа, 2) Туу-Махеке, 3) Миру, 4) Атаранга, 5) Иху, 6) Туу.

Большой интерес представляет также генеалогия потомков Оророи, записанная Энглертом: 1) Оророине, 2) Уре-о-Пеа, 3) Пеа-Мотуха-Коро.

Все эти генеалогии нуждаются в уточнениях; к счастью, имеется критерий, позволяющий их сделать. Мы назовем его условно критерием отчества. Рапануйские имена строились по следующему принципу: «К имени сына добавлялось имя отца, а к последнему — имя деда и дяди прадеда. Это... дает возможность контролировать отцовство на протяжении трех-четырех поколений»¹². По Энглерту, Уре-о-Пеа является отцом, а Пеа-Мотуха-Коро — его сыном. В действительности дело обстоит как раз наоборот: Пеа-Мотуха-Коро — отец, а Уре-о-Пеа — его сын (к имени сына — Уре добавлено имя отца — Пеа). Таким образом, критерий отчества позволяет нам внести уточнение в генеалогию Оророи.

Возьмем первые шесть имен в генеалогии королей. Эта часть генеалогии регулярно повторяется почти во всех списках, но это еще не значит, что она точна, так как в ней не выдержан полностью критерий отчества. Имя Хоту-Матуа не связано отчеством с именем его сына, Туу-Махеке. То же относится к именам Иху-о-Атаранга и Туукунга-те-Мамару (в списке Оливареса два последних имени связаны, но это сделано искусственно, как и большинство других связей в этом списке).

Итак, первое и шестое имена — Хоту-Матуа и Туукунга-те-Мамару — не удовлетворяют критерию отчества. Остальные четыре имени — Туу-Махеке, Миру-а-Тумахеке, Атаранга-о-Миру, Иху-о-Атаранга — ему удовлетворяют. Значит, неточность не в этих четырех именах, а в первом и шестом: либо они звучат иначе, либо стоят не на своем месте.

На шестом месте, после Иху-о-Атаранга, согласно критерию отчества должно стоять имя не Туукунга-те-Мамару, а Туу-о-Иху. Что касается Хоту-Матуа, то здесь, на первый взгляд, вряд ли возможны какие-либо сомнения: в генеалогиях королей Хоту-Матуа всюду стоит на первом месте, и все предания единодушно изображают его первым королем о-ва Пасхи. Можно, однако, предположить, что Хоту-Матуа — не собственное имя первого короля, а его прозвище («матуа» — родитель), или что Туу-Махеке был не сыном Хоту-Матуа, а его внуком или правнуком.

По имени Туу-Махеке (точнее, Туу-ма-Хеке; «ма» — служебная частица) мы восстанавливаем подлинное имя его отца: Хеке («хеке» — оминог). Напомним о легенде Алаи, записанной Томсоном со слов У. Ваеико. Она относится к тому времени, когда остров впервые «стал известен нашим праотцам». В ней упоминается о строителе дорог, по имени Хеке. Таким образом, это имя действительно встречается в легендах; так называли человека, который жил в период заселения о-ва Пасхи¹³.

Обратимся к легенде о заселении острова. Древнейший вариант записан Томсоном. Там сообщается, что первым на остров прибыл Махаа, младший сын сильного вождя, вместе со своей невестой и шестью спутниками¹⁴. Это сообщение весьма правдоподобно: в Полинезии именно младшие сыновья вождей, не наследовавшие власти, обычно искали счастья в дальних плаваньях и открывали новые острова и архипелаги.

Итак, одна легенда называет нас имя Махаа, а другая — Хеке. Чем же верить?

Анализ имени Махаа приводит к выводу, что это может быть не имя, а отчество: ма-Хаа, где «ма» — служебная частица. В легендах о-ва Пасхи часто человека называют только по отчеству, например о-Као, т. е. «сын Као», или а-Уре, т. е. «сын Уре». Так может обстоять дело и в да-

¹² O. Wilhelm und L. Sandoval, Blutgruppen und Genealogie der Osterinsel-Bevölkerung, «Acta genetica et statistica medica», 1956—1957, № 3, стр. 466.

¹³ W. Thomson, Указ. раб., стр. 519.

¹⁴ Там же, стр. 529.

ном случае: ма-Хаа — «сын Хаа». Тогда между легендами нет противоречий: это может быть одно и то же лицо, по имени Хеке-ма-Хаа.

Легенда помогает нам внести дальнейшее уточнение в имя этого человека. Согласно легенде, Хеке-ма-Хаа был младшим сыном сильного вождя. Нам известно, что первых переселенцев на о-в Пасхи послал Хау-Мака. Очевидно, он и есть этот сильный вождь, отец Хеке (кто другой мог послать младшего сына сильного вождя в дальнее плавание?), и тогда полное имя Хеке будет не Хеке-ма-Хаа, а Хеке-ма-Хау («хау» — растение хибискус).

Имя Хеке-ма-Хау не сохранилось ни в генеалогиях королей, ни в легендах. Но оно имеется в несколько измененной форме среди имен духов (аку-аку) о-ва Пасхи: Хеке-ма-Кау, что означает «плавающий осьминог»¹⁵. Важно отметить, что имя Хеке вообще встречается только дважды: в предании, записанном Томсоном (Хеке), и среди имен духов (Хеке-ма-Кау). Больше это имя не встречается ни в преданиях, ни среди имен живых людей.

Имя Хау-Мака известно нам не только по о-ву Пасхи. На о-ве Раротонга записана легенда следующего содержания: первым прибыл на остров вождь Ту-те-Ранги-Марамы, но вскоре на время покинул его; в его отсутствие остров посетил Тангароа в сопровождении воина Ау-Маке; они прибыли сюда с о-ва Ива¹⁶. Нет никаких сомнений в том, что Ива — это о-в Хива (отсюда прибыли переселенцы и на о-в Пасхи), а Ау-Маке — это Хау-Мака (или Хау-Маке)¹⁷.

Что касается имен Ту-те-Ранги-Марамы и Тангароа, то они известны не только по раротонгским, но и по маорийским преданиям¹⁸. Это современники Тангииа, великого предка раротонгцев, который жил на Гавайях. Отсюда он предпринимал дальние морские путешествия, пока не поселился окончательно на о-ве Раротонга. Согласно преданию, он посетил на короткое время о-в Пасхи¹⁹.

Хау-Мака дает нам, таким образом, возможность связать генеалогии о-ва Пасхи с генеалогиями Раротонга и Новой Зеландии и определить приблизительную дату заселения о-ва Пасхи. Тангииа жил примерно в середине XIII в. н. э.²⁰ Именно в это время, или немного позднее, Хау-Мака послал своего сына, Хеке-ма-Хау, на о-в Пасхи.

Мы получаем следующую генеалогию: 1) Хау-Мака, 2) Хеке-ма-Хау, 3) Туу-ма-Хеке. Хау-Мака, живший примерно в середине XIII в., сам на о-ве Пасхи не был, но послал туда своего сына, Хеке, который, поселившись на острове, строил дороги, искусно вымощенные камнем; вдоль дорог по обеим их сторонам посадил деревья; Хеке сидел на почетном месте в самом центре²¹.

Посмотрим, что написано на малой чилийской дощечке. Расположим имена в генеалогии не от потомка к предку, как на дощечке, а от предка к потомку (см. рис., стр. 79). Имя предка (1) передано знаками «осьминог» и «рыба». Осьминог — «хеке»; рыба здесь может быть прочитана «кау» (плавать). В результате после добавления вспомогательной частицы «ма» получаем имя Хеке-ма-Кау. Разночтения: Хеке-ма-Хау и Хеке-ма-Кау — объясняются, вероятно, тем, что во втором имени начальный звук представляет собой не *x* или *k*, а звук гортанного затвора,

¹⁵ A. Metraux, Указ. раб., стр. 318.

¹⁶ См. «The Journal of the Polynesian Society», vol. 6, 1897, № 1, стр. 1.

¹⁷ В раротонгском языке звук *h* отсутствует.

¹⁸ L. G. Kelly, Cook Island origin of the Maori, «The Journal of the Polynesian Society», 1955, № 2, стр. 182.

¹⁹ S. P. Smith, History and traditions of Rarotonga, «The Journal of the Polynesian Society», 1920, № 2, стр. 192.

²⁰ L. G. Kelly, Указ. раб., стр. 181; Те Ранги Хироа (Питер Бак), Море-плаватели солнечного восхода, М., 1950, стр. 112.

²¹ W. Thomson, Указ. раб., стр. 519.

одинаково близкий к *х* и *к*. Оттмар Вильхельм, например, пишет не Хау-Мака, а Ау-Мака²², предпочитая (как это делал и Черчилль)²³ скор опустить этот звук, нежели передать его в виде *х* или *к*. Рапануйские писцы поступали иначе: они писали Хау или Кау.

Так, на жезле мы находим сложный знак (7): человек — хибискус-птица (тангата — хау-макохе). Этот знак передает имя Хау-Мака (зна человека — ключевой). Рядом стоит другой сложный знак: осьминог-хибискус (хеке-хау). Этот знак передает имя Хеке-ма-Хау. В другом месте на жезле сложный знак (8): осьминог — хибискус передает это же имя (знак осьминога дан в другом варианте). С другой стороны, устойчивое сочетание из пяти знаков (9) (встречается на семи дощечках) одержит знаки: рыба (плавать)²⁴ — птица (макохе) и передает имя Кау-Мака (первые два знака — ключевые, последний указывает на титул). На малой чилийской дощечке, как уже указывалось, первое имя читается Хеке-ма-Кау.

Перейдем ко второй группе имен и подставим значение знаков акула-осьминог: маго-хеке. А по генеалогии должно быть Туу-ма-Хеке. Здесь на помощь приходят параллельные тексты. Один и тот же текст (ав) имеется на большой ленинградской и большой чилийской дощечках. Возьмем часть текста большой ленинградской дощечки, где встречается интересующий нас знак; сопоставляя ее с большой чилийской, устанавливаем, что там этот знак заменен другим. Так как текст на обеих дощечках один и тот же, следовательно, перед нами не разные знаки, а два варианта одного и того же знака.

Что же изображает знак большой чилийской дощечки? Очевидно, не акулу, а что-то другое. В каталоге Меторо — Жоссана этого знака нет. Но зато он есть (10) среди наскальных рисунков о-ва Пасхи. Лавашери, изучавший наскальные рисунки, выяснил, что это рисунок лангуста²⁵ (по-рапануйски «туа»). Подставив значение знаков лангуст — осьминог: туа-хеке и добавив вспомогательную частицу «ма», которая в письме не передается, получаем имя Туа-ма-Хеке. Это имя второго короля острова Пасхи. (Мы вносим уточнение в это имя: и Туу-ма-Хеке, а Туа-ма-Хеке.)

На дощечке Аруку Куренга есть группа (11) из четырех знаков: один из которых — «туа», а другой, по каталогу Меторо — Жоссана, «тамахека» (два первых знака — ключевые). Слово «тамахека» отсутствует в языке о-ва Пасхи, но оно напоминает имя Туа-ма-Хеке. Два первых знака (тангата-арики) свидетельствуют о том, что за ними следует имя вождя. Последний знак в каталоге Меторо — Жоссана встречается еще раз в другом толковании — «хеке». Таким образом, есть все основания полагать, что это сочетание знаков передает имя Туа-ма-Хеке.

Перейдем к третьей группе имен и подставим значение знаков черпака — лангуст: хону-туа. Очевидно, это Хоту-ма-Туа²⁶. Наше предположение о том, что Хоту-Матуа не имя, а прозвище, оказалось ошибочным. Это — имя, но пишется оно не Хоту-Матуа, а Хоту-ма-Туа (Хоту сь Туа). Дощечка говорит, что это был третий король о-ва Пасхи, и вносит уточнение в его имя.

²² Ottmar E. Wilhelm y Andre Hulot, Pesca u peces de la Isla de Pascua «Boletín de la Sociedad de Biología de Concepcion (Chile)», т. 32, 1957, стр. 140.

²³ W. Churchill, Easter Island, Washington, 1912.

²⁴ Переселенец с о-ва Пасхи Меторо Танауре, информатор Жоссана, встретил это сочетание на дощечке Кенти, дал знаку рыбы толкование «каи» — пища (см. E. Barthel, Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift, Hamburg, 1958, стр. 199). Но правильное значение знака рыбы толковать «ика» — рыба, как обычно делают Меторо, или «кау» — плавать.

²⁵ H. Lavachery, Ile le Pâques, Paris, 1935, № 305.

²⁶ Звуки *h* и *t* в некоторых полинезийских языках иногда чередуются (например, в языке жителей Маркизских островов).

Здесь мы встречаемся с большой трудностью: генеалогии королей и легенды о-ва Пасхи изображают Хоту-ма-Туа отцом, а Туа-ма-Хеке его сыном. Дощечка же дает нам обратную последовательность: отец — Туа-ма-Хеке, а Хоту-ма-Туа его сын. Подобный случай, однако, уже был: в генеалогии Оророине нам уже пришлось переставить имена Уре-о-Пеа и Пеа-Мотуха-Коро. Думается, что тексту дощечки следует доверять больше, чем генеалогиям и легендам, так как последние содержат немало противоречий.

Присмотримся поближе к легенде о том, как ведет себя старый, слепой и тяжело больной Хоту-ма-Туа в предчувствии своей близкой кончины. Старшие сыновья пришли навестить его, но он желает видеть не их, а лишь самого младшего сына, Хоту-Ити, своего любимца. Старшие сыновья пытаются по очереди выдать себя за Хоту-Ити, но Хоту-ма-Туа не дает себя обмануть. Он узнает Хоту-Ити, пришедшего последним, по его тонким слабым ногам, и говорит ему: «Ты Хоту-Ити, твои племена Мата-Ити, и твои потомки будут преуспевать и переживут всех остальных». К остальным сыновьям он обращается с такими словами: «Вы Ко-Туу, ваши племена Мата-Нуи, и ваши потомки будут размножаться, как раковины в море, тростник в кратере вулкана, или галька на берегу, но они умрут, их не останется»²⁷. Хоту-ма-Туа явно отдает предпочтение Хоту-Ити.

Хоту-ма-Туа делит территорию острова между сыновьями. Получил свою часть и Туа-ма-Хеке. Мы вправе ожидать, что территория наследника королевской власти будет самой большой и лучшей. Но дело обстоит как раз наоборот. Туа-ма-Хеке получил крошечный участок (от бухты Анакена до горы Театеа). Этот участок слишком мал для короля. Оказывается, далее, что он вовсе и не предназначался для Туа-ма-Хеке. Этот участок, по свидетельству местных жителей, входил в территорию племени Туа-Хоту.

Р. Уильямсон составил по неопубликованным данным Раутледж карту расселения племен о-ва Пасхи. На ней указаны территории всех сыновей Хоту-ма-Туа: Марамы, Раа, Хамеа, Коро-Оронго, Нгауре и т. д., но нет территории Туа-ма-Хеке. «Я был не в состоянии, — пишет Уильямсон, — связать Туу-ма-Хеке с какой-либо территорией»²⁸.

Наконец, имеется легенда, согласно которой Туа-ма-Хеке после смерти Хоту-ма-Туа навсегда покинул о-в Пасхи и вернулся обратно на Хиву²⁹. Таким образом, легенды не дают ясных указаний на то, что Туа-ма-Хеке был сыном Хоту-Матуа, наследником его власти. Вопрос о том, почему Хоту-Матуа и Туа-ма-Хеке поменялись в генеалогии местами, мы разберем ниже.

Кто же был преемником Хоту-ма-Туа на посту короля? Туа-Хоту. Его имя встречается в генеалогии королей, записанной Томсоном (Нун Туа-Хоту), и в других списках (Туа-Арики; слово «арики» означает «человек высшего сословия» и явно заменяет отсутствующее здесь отчество). Тожество имен Туа-Хоту и Туа-Арики доказывается тем, что они стоят в списках Томсона и Метро на одном и том же месте, после имени Анакена. Племя Туа-Хоту было основным в группе племен Хоту-Ити (в эту группу входили племена Туа-Хоту, Коро-Оронго и Уре-о-Хеи), и было время, когда оно было единственным. Племена Коро-Оронго и Уре-о-Хеи выделились позднее; они не имели своих территорий: люди, входившие в эти племена, жили на территории, принадлежавшей племени Туа-Хоту.

В одной из легенд мы встречаем сочетание: «Хоту-Ити те Туа-Хоту».

²⁷ S. Routledge, Указ. раб., стр. 280.

²⁸ R. W. Williamson, The social and political systems of Central Polynesia, Cambridge, 1924, vol. 1, стр. 389.

²⁹ S. Engler, Указ. раб., стр. 73.

Перевод Метро: «племена Хоту-Ити и Туа-Хоту»³⁰, не может нас удивлять, так как племя Туа-Хоту — составная часть племен Хоту-Ити. Правильный перевод: «Племя Хоту-Ити или Туа-Хоту». Текст относится к тому времени, когда эти понятия совпадали.

Вернемся к малой чилийской дощечке и рассмотрим группу четвертую. Мы ожидаем найти здесь сочетание знаков: земляной рак — чепача (туа—хону). Знак земляного рака отсутствует в каталоге Меторо Жоссана. Но знак, стоящий в четвертой группе первым (после знака человека), вполне может быть истолкован как изображение земляного рака. Об этом говорит наличие клешни вместо левой ноги. К сожалению этот знак на дощечках о-ва Пасхи нигде больше не встречается. Но если наше толкование правильно, то мы получаем имя четвертого короля Туа-Хоту, сын Хоту-ма-Туа.

Затем генеалогия обрывается. Пятый король не был сыном четвертого. Мы знаем, однако, что должность короля была на о-ве Пасхи наследственной. Следовательно, в этот период произошли какие-то серьезные события, нарушившие обычный ход вещей.

Изучая пятую группу, выясняем при помощи каталога Меторо — Жоссана и параллельных текстов, что два последних знака изображают соответственно «киоре» (крыса) и «иноино» (блеск). Получается сочетание киоре-иноино, которое напоминает нам об имени Оророе. Как уже говорилось выше, война между короткоухими и длинноухими, согласно легенде, окончилась поражением последних и почти полным их истреблением. Остался только Оророе³¹.

В тексте малой чилийской дощечки в группе шестой мы ожидаем найти имя Пеа-Мотуха-Коро. Первый знак после знака человека изображает рыбу и может быть прочтен как «пеи» (рыба, похожая на тунца). Третий знак изображает крысу, «киоре», и может быть прочтен, как и в пятой группе, «оро». Знак, стоящий между ними, сохранился плохо, но очень напоминает знак «моа» (курица). Сочетание пеи — моа — оро передает, по всей вероятности, имя Пеа-Мотуха-Коро.

Итак, на малой чилийской дощечке записана следующая генеалогия: 1) Хеке, 2) Туа-ма-Хеке, 3) Хоту-ма-Туа, 4) Туа-Хоту, 5) Оророе, 6) Пеа-Мотуха-Коро. Она не совпадает с генеалогией королей, записанной со слов местных жителей, в которой после Туа-ма-Хеке идут имена: 3) Миру-а-Тумахеке, 4) Атаранга-о-Миру, 5) Иху-о-Атаранга, 6) Туко-Иху. Получаем две генеалогии, между которыми много различий:

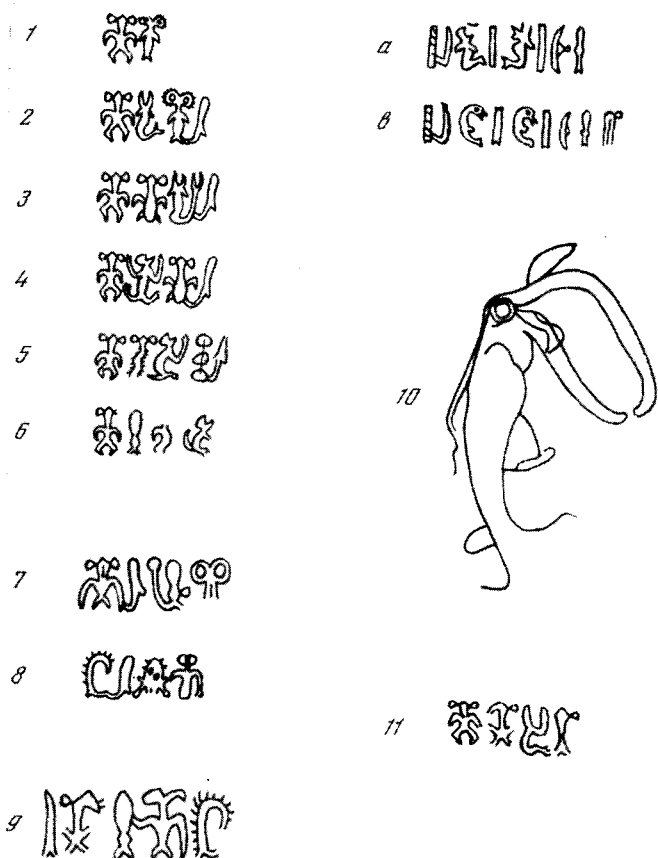
Хоту-Матуа	Хеке
Туу-Махеке	Туа-ма-Хеке
Миру-а-Тумахеке	Хоту-ма-Туа
Атаранга-о-Миру	Туа-Хоту
Иху-о-Атаранга	Оророе
Туу-ко-Иху	Пеа-Мотуха-Коро

Несовпадение генеалогий ставит под сомнение нашу интерпретацию текста дощечки. Но не будем торопиться с выводами. Вспомним спор Килимути с тремя другими стариками о времени прибытия длинноухих. Как уже упоминалось, Килимути утверждал, что длинноухие прибыли на о-в Пасхи с первым королем, а три других старика настаивали на том, что это событие произошло при третьем короле. Обратимся к генеалогиям. В одной из них Хоту-ма-Туа является первым королем, в другой — третьим. Теперь причина спора ясна. Длинноухие появились на остро-

³⁰ А. Метраух, Указ. раб., стр. 121.

³¹ S. Englert, Указ. раб., стр. 127. Свидетельство легенды о том, что истреблены были все длинноухие за исключением двух человек, не следует понимать буквально. По обычаю полинезийцев, среди имен убитых на войне упоминались только лица высшего сословия (арики); лиц низшего сословия обходили молчанием.

при Хоту-ма-Туа, который, по мнению Килимути, был первым королем, а по мнению трех других стариков, — третьим. Две генеалогии не совпадают потому, что они отражают разные точки зрения на раннюю историю о-ва Пасхи. Но в одном пункте генеалогии все же совпадают: Туа-ма-Хеке стоит и в той и в другой на втором месте.

1—6 — генеалогия на дощечке Сант-Яго (м); 7, 8 — имена Хау-Мака и Хеке-ма-Хау на жезле; 9 — имя Хау-Мака на девяти дощечках; а, b — параллельные тексты; 10 — наскальный рисунок лангуста (туа); 11 — имя Туа-ма-Хеке на дощечке Аруку-Куренга

Рассмотрим сначала верхнюю часть генеалогии. Туа-ма-Хеке не мог иметь двух отцов. Его отцом был либо Хоту-ма-Туа, либо Хеке. Критерий отчества совершенно определенно свидетельствует о том, что отцом Туа-ма-Хеке был Хеке. Об этом же говорит предание, записанное Томсоном; согласно этому преданию, первым прибыл на о-в Махаа (Хеке-ма-Хау), а не Хоту-ма-Туа. Любопытная деталь: Махаа обманул Орои, похитив у него невесту. Но Орои мстит почему-то не Махаа, а Хоту-ма-Туа (который в предании изображен как брат Махаа). Хоту-ма-Туа бежит от Орои и переселяется на о-в Пасхи (куда незадолго до этого прибыл Махаа). Орои следует за Хоту-ма-Туа. Здесь Орои мог бы направить свой гнев на Махаа, но он по-прежнему преследует только Хоту-ма-Туа.

В этом предании, как и в генеалогии, записанной со слов местных жителей, имя Хоту-ма-Туа всюду, где оно фигурирует, поставлено позднее. Раньше там стояло имя Махаа (Хеке-ма-Хау). Орой мстил не Хоту-Туа, а Хеке-ма-Хау. На о-в Пасхи переселился не Хоту-ма-Туа, а Хеке-ма-Хау. Прав А. Метро, когда он пишет: «Если бы записи Томсона были полностью верны, то у Хоту-Матуа не было бы никаких оснований жалеть с родного острова после того, как его брат, прогневавший Орой, покинул этот остров»³². Хоту-ма-Туа занимает и в предании, и в генеалогии место Хеке-ма-Хау.

Проанализируем нижнюю часть генеалогии. Туа-ма-Хеке не мог иметь двух отцов, но он мог иметь двух сыновей: Хоту-ма-Туа и Миру-а-Тумахеке. Критерий отчества полностью подтверждает это предположение (к имени Миру добавлено имя не только его отца, но и его деда). От двух сыновей ведут начало две линии: линия Хоту-ма-Туа и линия Миру.

Это обстоятельство разъясняет нам некоторые темные места в ранней истории о-ва Пасхи; так, становится ясным, почему Миру фигурирует как родоначальник генеалогии королей — он действительно положил начало новой линии королей; становится понятным, почему столь тщательно отделяли потомков первого короля (на самом деле — третьего, Хоту-ма-Туа) от остальных островитян, — их отделяли от потомков Миру.

Наконец, нижняя часть генеалогии дает нам возможность решить проблему длинноухих. Они появились на острове вместе с короткоухими, при третьем короле. Линия Хоту-ма-Туа — это линия длинноухих, линия Миру — короткоухих.

После Туа-ма-Хеке королем стал его старший сын, Хоту-ма-Туа. Это был сильный король, и, вероятно, не напрасно легенды связывают с его именем такие нововведения, как каменные статуи «моаи» и письмо коху-ронго-ронго. Его младший брат Миру был лишен возможности отправиться на поиски новых островов (на о-ве Пасхи нет материала для изготовления лодок) и при жизни Хоту-Матуа не имел достаточно сил для завоевания власти. Но после того как Хоту-Матуа умер и королем стал Туа-Хоту, сразу же началась борьба за власть. Население острова разделилось на два враждующих племени: Туа-Хоту и Миру. Наступил период двоевластия. В борьбе за единую власть Туа-Хоту и его сторонники потерпели поражение.

³² А. Metraux, Указ. раб., стр. 57.

На малой чилийской дощечке показана старая линия королей, линия длинноухих во главе с Тупа-Хоту. В генеалогии королей, записанной со слов местных жителей, мы имеем новую линию королей, линию короткоухих во главе с Миру. В обеих линиях встречается одно и то же имя: Туа-ма-Хеке. Что касается Хеке, который является общим предком обеих линий, то его имя в новой линии отсутствует, а на его месте прочно стоит Хоту-ма-Туа.

Необходимо выяснить, почему Хоту-ма-Туа из старой линии королей был переведен позднее в новую и почему он занял там место первого короля.

Период двоевластия длился недолго. Спустя некоторое время племя Миру отняло у племени Тупа-Хоту право иметь своего короля. С этого момента на острове правил один король, из племени Миру. Есть основания полагать, что это произошло в годы правления Туу-ко-Иху. Он является важной фигурой в древней истории о-ва Пасхи. Ему приписывается изобретение деревянных фигурок с ребрами (моаи кавакава) и многое другое. Метро пишет: «Хоту-Матуа и Туу-ко-Иху были, в известном смысле, культурными героями, и потому понятна тенденция приписывать им многие изобретения и священные ритуалы»³³.

Туу-ко-Иху и его преемники на посту короля постарались генеалогически обосновать законность своей династии. Сначала была создана версия о частых ссорах между Хоту-ма-Туа и Туа-ма-Хеке³⁴. Эта версия имела целью обосновать переход власти к Миру, младшему сыну Туа-ма-Хеке. Затем эта версия была усилена, и Хоту-ма-Туа был объявлен незаконным сыном³⁵. Мы полагаем, что это произошло до того, как он был поставлен на первое место в новой генеалогии королей, ибо для первого короля этот факт вряд ли мог иметь какое-нибудь значение. Однако Хоту-ма-Туа был слишком важной фигурой в истории острова, чтобы подобного рода версии могли иметь успех среди населения. Тогда Хоту-ма-Туа был изъят из старой линии королей и перенесен в новую.

Сохранилась весьма любопытная легенда о том, как Туу-ко-Иху украл череп Хоту-ма-Туа. Некто Уре Хону хранил череп в своей хижине. Придя к нему, Туу-ко-Иху незаметно взял череп и отнес к себе. Но Уре Хону узнал о краже, пришел к Туу-ко-Иху и отнял череп, сказав: «Это не твой череп, ты его украл, семья арики, к которой ты принадлежишь, другого рода»³⁶. Но то, что не удалось (если верить легенде) самому Туу-ко-Иху, удалось, по-видимому, одному из его преемников. Имя Хоту-ма-Туа оказалось в новой линии королей.

Он мог быть поставлен там лишь на первое место, так как к этому времени стал полулегендарной фигурой и на этом месте менее всего нарушал критерий отчества в генеалогии. Первый король острова, Хеке, не совершивший, в силу малочисленности своих подданных, больших и важных дел, был забыт. Хоту-ма-Туа стал первым королем, стал называться Хоту-Матуа, а Хеке оказался вытесненным в мир духов.

Переход предков в мир духов (аку-аку) — явление обычное для о-ва Пасхи. Согласно легенде, вместе с Хоту-ма-Туа на остров прибыло много его предков. Раутледж узнала от местных жителей одиннадцать имен этих предков, причем, пишет она, «четыре из них были независимо от этого приведены как имена аку-аку, связанные с Акаханга»³⁷.

Затем был изъят из линии Хоту-Ити и сын Хоту-ма-Туа, Тупа-Хоту. Позднее Тупа-Хоту был поставлен после Туу-ко-Иху:

³³ А. Метраух, Указ. раб., стр. 65.

³⁴ S. Routledge, Указ. раб., стр. 279.

³⁵ S. Engleert, Указ. раб., стр. 70.

³⁶ Там же, стр. 75.

³⁷ S. Routledge, Указ. раб., стр. 280. Дух Хеке-ма-Кау связан с территорией Ваиху, расположенной вблизи Акаханга.

Что осталось после этого от длинноухих? Их линия повисла в воздухе, они оказались лишенными предков. Последним королем был Оророине, его потомки уже не были королями. Таково подлинное значение селения легенды о том, что были «истреблены» все длинноухие, исключением одного человека — Оророине.

Подведем итоги. После смерти Хоту-Матуа население острова разделилось на две враждебные группировки. Во главе первой из них встал Тупа-Хоту, сын Хоту-Матуа, законный преемник на посту короля. Эта группировка, получившая название длинноухих, занимала восточную часть острова. Длинноухие — это племена Хоту-Ити. Во главе второй встал Миру-а-Тумахеке, младший брат Хоту-Матуа. Эта группировка, получившая название короткоухих, жила в западной части острова. Короткоухие — это племена Ко-Туу. На протяжении нескольких поколений существовало двоевластие — каждая группировка имела своего короля. Между ними велись непрерывные войны. В одной из них короткоухие разбили длинноухих и захватили власть над всем островом. Королем острова стал Туу-ко-Иху. После этого положение перевернулось: законная династия короткоухих. Чтобы обосновать это генеалогически, короткоухие впоследствии перенесли Хоту-Матуа в свою родословную корону (это событие отражено в мифе о том, как Туу-ко-Иху крадет череп Хоту-Матуа) и поставили его там на первое место. Так Хоту-Матуа стал первым королем короткоухих. То же было проделано позднее с Тупа-Хоту. Его имя при этом было изменено в Тупа-Арики (чтобы скрыть, что он сын Хоту-Матуа). После этого в родословной королей длинноухих остались только Оророине: бывшие до него превратились в «короткоухих», а после него не было королей.

М. ЧУРАКОВ

«НОВАЯ ИСТОРИЯ НЕДЖДА» АМИНА АР-РЕЙХАНИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРАВИИ¹

Этот труд заслуживает внимания этнографов не потому, что автора специально занимали вопросы этнографии, — он не намеревался искать у племен Аравии отличных от других арабов этнических черт, а рассматривал всех их как единую семью народов². Книга Рейхани посвящена политической и военной истории Неджда. Поэтому сведения, представляющие этнографический интерес, приводятся им лишь попутно, без деталей и обобщений. Но, во-первых, Неджд — наименее изученная область Аравии, и поэтому приводимые в книге Рейхани данные особенно ценны. Во-вторых, автор — классик новой арабской литературы, прогрессивный писатель, который путем личных наблюдений, изучения местных хроник, рукописей, опроса авторитетных лиц исследовал описываемые им события.

Необходимо особо отметить отношение Рейхани к религиозным вопросам, многократно затронутым в его труде. Своим первым арабским учителем он считал поэта-философа Абу-л-Аля ал-Маарри³, жившего тысячу лет назад. Выдающийся советский востоковед И. Ю. Крачковский, исследовавший и опубликовавший один из трудов ал-Маарри, впоследствии упоминает этот труд в своей работе, озаглавленной «Грамматический трактат или антирелигиозный памфлет?». Там же автор отмечал, что А. Рейхани «по характеру творчества несколько родствен Абу-л-Аля»⁴. На советское издание Абу-л-Аля А. Рейхани откликнулся проникновенным письмом от «друга ал-Маарри во Фрейке» к «другу ал-Маарри в Ленинграде»⁵.

Характеризуя деятельность А. Рейхани, И. Ю. Крачковский отмечает его выступление «с проповедью свободного развития ...без оков религий...». Он же сообщает о Рейхани: «Маронит (последователь вероучения, близкого к католицизму. — М. Ч.) с Ливана, он рано порвал со своей конфессиональной принадлежностью, чего никогда не могли ему простить клерикальные и консервативные круги на родине»⁶. С другой стороны, А. Рейхани наталкивался на ограничения (в частности, при

¹ Амин ар-Рейхāни, Та'рих Неджд ал-Хадис вamuлхакāтихи, Бейрут, 1928. В 1960 г. исполняется 20 лет со дня смерти Рейхани (род. в 1879, умер в 1940 г.).

² См. предисловие Амина ар-Рейхани к его работе о путешествии по Аравии («Мулюк ал-араб»), опубликованное в хрестоматии «Образцы новоарабской литературы», составленной К. В. Оде-Васильевой, Л., 1928, I, стр. 135.

³ Там же, стр. 127.

⁴ И. Ю. Крачковский, Над арабскими рукописями, М.—Л., 1945, стр. 19—22; см. также, стр. 114.

⁵ И. Ю. Крачковский, Ал-Маарри, ар-Рейхани и Ленинград, Избр. соч., т. III, М.—Л., 1956, стр. 262.

⁶ И. Ю. Крачковский, Арабская литература в XX веке, Избр. соч., т. III, стр. 92, 93; см. также т. I, стр. 46—49 (с портретом А. Рейхани).

поездке по Аравии)⁷, вызванные тем, что он не был мусульман. Все сказанное позволило А. Рейхани объективно описать соответствующие факты, и это облегчает оценку их исторического значения. Очевидно, следует учитывать, что А. Рейхани не был марксистом: в своем историческом исследовании основное внимание уделил не народным массам, а эмиратскому дому Неджда.

В работе Рейхани содержится краткий географический очерк Неджа (стр. 12—22), который, вместе с некоторыми замечаниями в последующем тексте, дает общую характеристику производительных сил оседлых областей страны. Границу ее на юге автор доводит до пустыни Руб-ал-Хали на севере до области Касым включительно, относя ее к «присоединенным областям» (см. стр. 12, прим. 1, и стр. 50). Неджд по-арабски — плоскогорье. Возвышенности его прорезаны ущельями, равнинами, широкими руслами рек, мелководных, разливающихся в половодье и затем исчезающих (вади); степи частью представляют собой, в определенных пределах, обширные пастбища (подобно песчаной пустыне Дахна), а местами лишены трав (как пустыня Саман, к востоку от Дахны); некоторые области обильны садами и источниками (как центр Неджда, со столицей Рийадом), приносят два урожая в год (например, область Вашим, к северо-востоку от Рийада). Цепь гор, начинающаяся на севере у Касыма и тянущаяся до области Афладж на южной границе страны, называлась в древности «ал-‘арид» — преграда, ибо она стоит как страж против пустыни, угрожающих оазисам, приютившимся на склонах гор и стекающих с них потоков. Ныне это название применяется к столбам ее области, а горы стали называться «тувейк» (ворот, ожерелье). Автор приводит стих, приравнивающий Тувейк к поднятым обнаженным скалам (стр. 13).

Характеризуя отдельные области, автор отмечает их основные производительные силы и центры оседлости. В столичной области, Ах-межрядях обширных пальмовых рощ разводят овощи, по соседству возделывают нивы (стр. 16). Расположенная южнее область Хардж наделена лесом в древности Йемама, как и весь Неджд, объединенный тогда под ее властью. Считают, что новое название характеризует хозяйственное значение области⁸. Здесь, сообщает автор, культивировали виноград, финики, инжир, а частью — хлопок и сеяные травы. Еще южнее, в Афладже, отмечается обилие водоемов, культура хлебов. Даже в юго-западной области, Вади Давасир, преимущественно скотоводческой бедуинской, имеется десяток центров оседлости (стр. 14).

Заслуживает внимания кажущееся необычным описание стихийных бедствий, от которых страдал Неджд. «Причина гибели вади, под названием Румма, называемого арабами «Высохшее», и гибели городов Йемама и Манфуха то в бездождье, продолжающемся несколько лет, то в наводнениях колодцев и источников, вызывающих выселение жителей в выпадении ливней, образующих потоки, затопляющие на своем пути все культурные очаги, оставляющие за собой пустыню, разрушающую (стр. 16).

Автор лишь в связи с возникшим между Хиджазом и Недждем спором затрагивает роль торговли, в частности между этими областями, и характеризует попутно место в ней спорного оазиса Хурма, одной из баз купцов Вашма и Касыма (стр. 225). Таким же образом говорится о касымских купцах, специализировавшихся на экспорте товаров в Сирию и Хиджаз (стр. 124 и прим. 1). Упоминается рийадский

⁷ См. «Образцы новоарабской литературы», I, стр. 132.

⁸ По одной версии, Хардж происходит от слова «махрадж», что значит скупка (экспорта хлеба в Мекку), по другой — от названий распространенных здесь в древние годы подземных каналов (ср. H. St.-J. B. Philby, *The Heart of Arabia*, I, 1922, т. II, стр. 21).

пец, специализировавшийся на торговле крупным рогатым скотом (стр. 110)⁹. Таким образом, мы лишь косвенно можем заключить и о развитии животноводства в Неджде.

Особый этнографический интерес представляет раздел книги, посвященный так называемому ваххабитскому религиозному движению и идеологии его Мухаммеду ибн Абд ал-Ваххабу. Ваххабиты считали, что до них арабы жили «погрязшими в культах, проникших к ним из Неджефа¹⁰, Ахваза или других городов Персии. Не перевелись еще остатки карматских¹¹ вольностей в Хасе. Гробницам приписывалось самое высшее покровительство, и оно занимало главное место в поклонении и молитвах людей... Люди не только обращались с молитвой к этим гробницам, но умножили число надгробных куполов [куббы] и стали выказывать камням великое почитание. Они поклонялись даже деревьям и вешали на их ветви лоскутки, давали перед ними обеты...» (стр. 25).

Известны другие факты, позволяющие считать, что и «карматские вольности», и поклонение могилам и деревьям были связаны с пережитками доисламских культов, особенно среди бедуинов¹². Но вместе с тем приводимые автором факты дают основание видеть здесь не возврат к доисламским верованиям, а переплетение последних с исламом: в почитавшихся в Неджде гробницах, по сообщению автора, были погребены сподвижники пророка Мухаммеда (ас-сахаба), почитаемые деревья тоже находились по соседству от таких гробниц. Таким образом, сущность нарушений предписаний ислама в Неджде сводилась к предпочтению местных святых общемусульманской, к известному противопоставлению деятелей раннего ислама позднейшим халифам и ортодоксальному духовенству (улемам) развитого феодального государства, в частности Османской империи.

Местный источник, цитируемый Рейхани, особенно ставит в вину недждцам доваххабитского периода именно пренебрежение к чтению корана, к хаджу и т. д., вплоть до того что «они даже не знали местоположения Каабы» (стр. 26). Забвение того, в какой стороне находится Кааба, предполагает неведение местонахождения «кыблы», к которой правоверные должны обращаться во время молитвы, а это значит, что они не принадлежат уже к «людям кыблы», как называют себя мусульмане.

Единственное духовенство, о котором мы узнаем от автора, это — мусульманские улемы оазисов, выполнявшие там и роль судей. В среде кочевых племен духовенство вовсе не встречалось. Упоминаемые улемы оазисов Неджда принадлежали к одному из ортодоксальных толков ислама — ханбализму¹³. Среди них выдающееся место занимали дед, отец и брат основателя ваххабизма (стр. 26, 32). Если учесть имеющиеся сведения о их зажиточности, то создается впечатление, что роль ханбалитских улемов была значительной. Тем не менее, как это видно из

⁹ Вовсе не упоминается о связях Неджда с Ираком, где бедуины севера в обмен на продукты животноводства (редко на деньги) приобретали оружие, упряжь, зерно, европейскую мануфактуру (ср. О. П. Щербатова, *Верхом на родине бедуинов*, СПб., 1903, стр. 40, а также Ch. Huber, *Journal d'un voyage en Arabie*, 1883—1884, Paris, 1891, стр. 685 сл.).

¹⁰ Центр шиизма в Ираке.

¹¹ Много мусульман секты карматов вело в X—XI вв. жестокую борьбу против усилившейся в халифате феодальной эксплуатации.

¹² Помимо многократного утверждения А. Рейхани, и европейские арабисты отмечают безразличие бедуинов к религии (ср. Ch. Huber, *Указ. раб.*, стр. 197). Сообщается также о примитивных немусульманских свадебных обрядах в конце XIX в. у недждского племени мурра, упоминаемого Рейхани (ср. H. St.-J. B. Philby, *Указ. раб.*, т. II, стр. 220). Известно поклонение арабов дереву (богине ал-Узза), могилам предков и т. д. до ислама (ср. Maçoudi, *Les prairies d'or* (арабский текст и французский перевод), Paris, 1861—1877, т. I, стр. 131; т. III, стр. 14, 256).

¹³ На стр. 32 Рейхани, говоря о противниках ваххабитов, упоминает улемов суннитов и шиитов; последние, очевидно, играли ведущую роль в Хасе.

сообщений Рейхани, даже в оазисах улемы не рисковали ринуться в против упомянутых религиозных «искривлений».

В противоположность другим ханбалитам ваххабиты поставили дом с основателем толка Ахмедом ибн Ханбалом наиболее воинственно интерпретатора последнего, ибн Теймийю, и признали его своим прешественником. Последнего особенно отличали резкие суждения по религиозным и политическим вопросам, стоившие ему при жизни многократных преследований со стороны благочестивых коллег и султанов, к которым он адресовал свои послания. Только после его смерти в тюрьме в условиях строгого заточения (1328 г.), ибн Теймийю перестали считать как еретика¹⁴. Среди многочисленных высказываний Теймийи и суждений о нем автор приводит следующую оценку основателя ваххабизма: «Я не знал никого, кто мог бы, после Ахмеда Ханбалы, соперничать с ибн Теймийей в науке о преданиях и толкованиях» (стр. 38).

Не случайно ваххабизм вошел в историю как особое религиозное движение. В отличие от своих предшественников ибн Абд ал-Ваххаб обращался к широким массам, не только проповедуя, но и организуя их на борьбу за свое учение. Стремясь подчеркнуть свою ортодоксальность, его последователи называли себя «людьми тавхида» (единобожия). И наоборот, их противники названием «ваххабиты» подкивали отход последних от ортодоксального ислама.

Вначале Мухаммед ибн Абд ал-Ваххаб учился у своего отца, ханлитского улема селения Хуреймилы, расположенного неподалеку Рийада. Затем он долго путешествовал по соседним мусульманским странам, совершенствуясь в теологии. В Басре он получил первый удар от местных властей, преследовавших его за непримиримость, после чего вернулся в Хуреймилу. Здесь он выступил против «группы развратных многочисленных пороков беспутства», к которым его отец, очевидно, носился примиренчески. Сущность этих «пороков» А. Рейхани не раскрывает. Но видно, что борьба со «сторонниками пороков» была нелегкой и не без основания отец Мухаммеда избегал конфликта, — проповедни пришлось вскоре бежать из Хуреймилы.

Тем не менее первые выступления Мухаммеда не остались безрезультатными. Под их влиянием в соседнем селении Уйайне, где он поселился после бегства, вокруг него собралось уже немало приверженцев, оказывавших влияние на всю область Арид. Мухаммед получил здесь широкую известность, и сам эмир Уйайны Осман ибн Муаммер стал его сподвижником. Мухаммеда ибн Абд ал-Ваххаба именовали теперь не иначе, как шейхом.

С помощью Османа шейх перешел к активной борьбе. О первом ходе его против «суеверий» автор рассказывает: «Эмир и шейх с толпой соратников двинулись в Джубейлу (около 25 миль к северо-западу от Рийада. — М. Ч.) и разорили куббы гробниц местных святых. Затем шейх, вооружившись топором, обрушил удары его на дерево, которое было прославлено в вади Ханифа своими чудесами. Это дерево, „заступником“ девушки, добывающейся любви, вдовы, сердце которой было разбито, беременной жены, помогающей [рождению] возлюбленного сына. Застонало дивное дерево и упало на землю страшный удар [от падения его] отозвался эхом в ущельях вади, в горах Судейр» (стр. 28). Иного резонанса и тем более какого-либо сопротивления эти действия не вызвали, и примеру Уйайны вскоре последовали приверженцы шейха в других местах.

¹⁴ Считают, что ибн Теймийа написал до 500 трудов, среди них есть переведенные на европейские языки (см., в частности, «Le traité du droit public d'Ibn Taimiyah» в переводе Н. Laoust, Beyrouth, 1948).

Следующий поход шейха был направлен уже непосредственно против самих «отступников». В книге описывается, как по приказу шейха была побита камнями женщина, обвиненная в прелюбодеянии: «Привели обвиняемую на площадь, привязали на ней одежду ее и забросали камнями; эмир первый кинул в нее камнем...» (стр. 29)¹⁵. Последствия этого похода были более эффективными: одних он подбодрил на поддержку ваххабитского религиозного движения — «тавхида», других восстановил против него. Последних было особенно много в Хасе, где, как считают, «карматские вольности» были особенно живучи. В то время правитель Хасы Сулейман, вождь племени бану халед¹⁶, считался верховным владыкой Уйайны. Он распорядился, чтобы эмир Осман, считавшийся его представителем («амилем»), добился от шейха отказа от своих заблуждений, «разбивающих сердца мусульман и разлагающих их веру». В случае неподчинения этому распоряжению вождя шейху угрожала смерть. В результате шейх еще раз вынужден был оставить насиженное место и переселился в соседний оазис Дарийа. Эмир этого города, чувствуя себя независимым и сильным и будучи достаточно честолюбивым, несмотря на опасность столкновения с грозным противником взял шейха под защиту.

Эмиром Дарийи был Мухаммед из рода ибн Сауд. Два брата его еще раньше стали приверженцами шейха. Эмир Мухаммед не захотел удовлетвориться пассивной ролью, подобной той, которую играл эмир Осман. В 1747 г. он заключил с шейхом союз, в котором объединилось влияние религиозного реформатора с властью эмира — «союз мазхаба (религиозного толка.— М. Ч.) и меча»: «ибн Сауд взял на себя распространение по Аравии единобожия, а ибн Абд ал-Ваххаб согласился пребывать учителем в Дарийе и не вступать в союз ни с каким другим арабским эмиром» (стр. 30)¹⁷. Оценивая далее реализацию союза, Рейхани пишет: «шейх Мухаммед не вмешивался в гражданские дела королевства, но эмир Мухаммед и его сын Абд ал-Азиз советовались с ним по вопросам шариата, за ним оставалось первое слово в утверждении духовного руководства» (стр. 32).

Наконец, Рейхани дает следующую оценку достоинств шейха как проповедника, которые заключались «в глубоком убеждении его, неприимости и нелицеприятии...» (стр. 38). Эти достоинства дали ему возможность остановить разложение ханбализма (стр. 39).

Для характеристики идеологии тавхида в книге приводятся многочисленные изречения, выдержки из трактатов, сборников посланий ибн Теймийи и шейха, сравнения их с сурами корана и т. д.¹⁸ Заключая рассмотрение высказываний по поводу почитания могил, автор разъясняет: «В ваххабитском, ханбалитском толке нет ни запрета мусульманину совершать хаджж к могиле пророка, ни обязанности разорить ее. Но ваххабиты, ханбалиты отличаются от других мусульман тем, что они посещают могилы [только] для приветствия...». И далее приводятся слова ибн Теймийи, направленные к объединению всех мусульман в общем их обращении с молитвой исключительно к кыбле: «Нет в ми-

¹⁵ В примечании Рейхани сообщает, что жертва была трижды предупреждена, кааясь, но продолжала грешить. Факт преступления был, дескать, установлен показаниями четырех очевидцев и подтвержден личным признанием виновной (стр. 29). Поскольку в языке сохранился специальный термин (раджама) для акта «побития камнями», который автор здесь и применяет в разных формах, допустимо считать, что в этом не было ничего необычного.

¹⁶ А. Рейхани дает ему два титула: «Эмир Сулейман әл Мухаммед, ра'ис [глава] бану халед».

¹⁷ Осман пытался потом вернуть шейха в Уйайну, но безуспешно.

¹⁸ Автор не останавливается особо на аскетических традициях ваххабизма (обязательная простота одевания и т. д.); они, очевидно, уже не играли в его время большой роли и в процессе развития феодального государства были выхолащены.

ре камня [минерала], достойного целования, кроме черного камня [Каабы]» (стр. 44, прим. 1).

Наряду с этим, выдвигаемым на первый план, отличием тавхида тор приводит и другие положения, свидетельствующие о не меньшей отличии тактики ваххабитов. В ряде вариантов повторяется изречение шейха: «все молитвы — к аллаху; кто тратит сколько-нибудь [из] на другого — неверный» (стр. 24, см. также стр. 39). На основании указанных положений «последователи ибн Абд ал-Ваххаба называли себя мусульманами, а противников своих — язычниками» (стр. 33). По видимости отвлеченное, положение служило фундаментом, обуславливающим специфику отношений ваххабитов к другим мусульманам, ложенную в «союзе меча и мазхаба», определившем воинственность действенности движения. Отношение тавхида к «язычнику» исключало примиренчество: «... пусть покается, или [будет] казнен» (стр. 41, 45 и др.).

В новой резиденции шейха, Дарийе, было широко организовано обучение тавхиду. Городская касса выдавала всем слушателям по натурой, а наиболее способным — награду деньгами и платьем (стр. 31). В ближние и дальние страны из этого центра рассылала проповедники, эмиссары, разносились обращения шейха к вождям эмирам. В Дарийю вызывались вожди и эмиры, чтобы убеждать их соединиться с тавхидом (стр. 30—31, 34).

Сообщения Рейханы о всех последующих событиях дают основание считать, что со времени заключения «союза меча и мазхаба» тавхид распространился весьма быстро среди масс, тяготевших к объединению под общим законом, общим знаменем, готовых бороться за это. Еще в жизни шейха тавхид распространился почти по всему Неджду. Но один эмир, вождь не подчинился добровольно руководству движения. Эмиры почти всех областей центральной Аравии характеризуются в том как активные противники шейха. Они угрожают ему, называют его хариджитом¹⁹, а себя ортодоксальными мусульманами (стр. 3).

Шейх умер в 1792 г., когда, обеспокоенный успехами тавхида, против него выступил глава священных мусульманских городов шериф Мекки²⁰. В это время обнаружилась непрочность успехов тавхида, достигнутых при помощи меча саудидов, — началась «ридда»²¹, повальное отступничество эмиров от тавхида.

Уже приведенные упоминания центров Неджда и связанных с ним исторических фактов создают определенное представление о дальнейшей ведущей роли оазисов в борьбе за переход от полупатриархальной страны Неджда к законченному феодальному государству. Особенно относится к области Арид. Среди центров его: Джубейла — родина «пророка» Мусейлимы, современника Мухаммеда; Абу Кебаш — колыбель рода Сауд; Уйайна — центр эмирата, границы которого со временем распада карматов и до проникновения турок доходили до Хиджаза (стр. 16, 20); Дарийя и Рийад, к которым мы еще вернемся. Такое

¹⁹ Хариджит — последователь воинственной мусульманской «ереси», возникшая в шестидесятых годах VII в. Термин «хариджит» употребляется как синоним «еретик», подчеркивая в то же время глубокую ненависть ортодоксальных мусульман к тавхиду. Последователей тавхида называли хариджитами и в официальной турецкой переписке в связи с острой борьбой Неджда против Османской империи (ср. «Revue des firmans imperiaux ottomans...», Caire, 1934, № 150, 152, 169 сл.).

²⁰ Шерифы Мекки, наряду с турецким султаном — халифом правоверных, считались наиболее авторитетными представителями ортодоксального ислама. Поскольку они принадлежали к числу наиболее опасных противников тавхида. Еще в последние годы движения ваххабитов (1748—1749) шерифы, в согласии с султаном, запрещали ваххабитам как «неверным» появляться в Мекке и Медине.

²¹ Так называют массовое отступничество от ислама (и отказ от взноса причитающегося с мусульман сбора — садака) племен Аравии после смерти пророка Мухаммеда в 632 г.

впечатление оставляют, например, приводимые автором даты основания некоторых центров оседлости в других областях. Это памятники средневекового процветания, побед над суровой природой, прогресса общества. Так, в области Судейр, севернее Арида, автор указывает три центра, заложенных в 1300—1418 гг. (стр. 17—18) ²².

Своеобразный пример развития политического и экономического центра дан в следующих описаниях, относящихся уже к периоду ваххабизма: «Дарийя была тогда маленьким поселением, с небольшими средствами существования и ресурсами. И когда возросла численность людей, прибывших к шейху, нехватка средств стала ощутимой и эти люди стали ночью заниматься ремеслами, а днем учиться». В результате Дарийя превратилась в «самый большой город Аравии, в котором жили арабы из Омана, Хиджаза, Ирака и Сирии» (стр. 31). Увидевший город во времена Сауда ибн Абд ал-Азиза ²³ летописец Неджда, ибн Бешр, был поражен: «Глядел я на его ярмарку, находясь на возвышенности, расположенной в районе, известном под названием ал-Батин, между западным кварталом его, принадлежавшим дому Сауд и называемым ат-Тариф, и восточным кварталом, известным как ал-Баджири, в которых размещались сыновья шейха. И увидел я с одной стороны мужской рынок, а с другой — женский ²⁴. И сколько в них золота, серебра, оружия, верблюдов, овец!.. Не слышно ничего, кроме голосов, подобных гудению пчел. А лавки с восточной и западной стороны — с платьем, тканями, разным оружием и одеждой, не поддающимися описанию!..» (стр. 31). Приведенные здесь детали говорят о классовом характере развития Дарийи. Этот город оставался столицей ваххабитов до начала XIX в., когда он был разрушен по приказу Порты армией египетского паши (стр. 32).

Таким образом, шейх, а после него саудиды лишь продолжали веками длившуюся борьбу за создание и развитие оседлых районов, за превращение их в политические центры всей страны, за подчинение соседних разрозненных феодальных эмиратов, за распространение своей власти на соседние племена. В ваххабизме, в тавхиде, эта назревшая тогда тенденция нашла свою идеологию, надстройку, призванную содействовать укреплению нового и ликвидации старого базиса. Рейхани так и характеризует войны Сауда: его «тавхид ²⁵ был единобожием и единением арабской власти» (стр. 55). С одной стороны, шейх рвал племенные связи, опираясь на стих корана о том, что «кто покорен пророку и единому аллаху не нуждается в родне, враждебной аллаху и его посланнику, будь она самой близкой...» (стр. 36); с другой — «он вдохнул в них [последователей] великий дух народности [национальности], тот дух народности, который сделал их действенными...» (стр. 39).

Следующий раздел книги посвящен борьбе саудилов до XX в. за осуществление политических планов тавхида ²⁶. Он начинается краткой характеристикой феодально-патриархальных распрей: «Эмиры, шейхи племен, каждый в своем районе, племени, правили независимо

²² См. подобные же данные в указ. работе Ch. Huber, стр. 164, о Бурейде, а также Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 71, 112, 366 и др., в частности о соперничестве между Рийадом и Манфухой, которая раньше господствовала в этом районе.

²³ Правил в 1788—1813 гг. См. таблицу эмиров-саудилов на стр. 48 и родословную их на стр. 91 книги Рейхани.

²⁴ В прим. 1 к стр. 31 автор сообщает, что в его время женщинам в Неджде отводились особые рынки. Из двух рынков в Рийаде сообщает также Philby (Указ. раб., т. I, стр. 72).

²⁵ Без прибавления слова «дин» (вера, религия) «тавхид» значит единение, объединение.

²⁶ В этом разделе на первый план выступает уже не шейх, а саудиды, хотя роль первого среди них еще значительна: «Он успокаивает при поражениях, воодушевляет на новые бои...» (стр. 53).

от других, чаще всего враждебные им...». Упомянув о частых войнах автор особо отмечает: «Убийство было, в основном, ближайшим и наименее опасным путем к власти и господству...» (стр. 50). Вместе с тем Рейни подчеркивает незначительность числа жертв в межплеменных столкновениях и даже в первых походах саудидов (стр. 50—53). Этот вывод иллюстрируется курьезной, но весьма характерной цитатой из «Истории» ибн Бешра: «Мусульмане и их эмир Абд ал-Азиз отправились в Рияд, и произошла великая битва с его населением; она называется сражением Умм ал-Асафир. Убито было в нем четверо из числа заблуждавшихся, а из мусульман был убит один человек» (стр. 53).

Конкретно картина этих распрей в центре возникновения ваххабизма представляется в следующем виде. Задолго до ваххабизма один эмиров рода Сауд основал Дарийю и в течение ряда лет распространил свою власть до побережья Персидского залива. Его потомок в том поколении, упомянутый выше Мухаммед, союзник шейха, господствовал уже только в Дарийе, хотя еще претендовал на какой-то сюзеренитет в отношении соседних оазисов Рийад и Уйайна (стр. 51). В то же время эмир последнего оазиса, как мы видели, считался представителем эмира Хасы. А эмиром Рийада был в это время Даввас, бывший слуга (придворный) прежнего эмира, в свою очередь узурпировавший власть и убившего своего предшественника. Причем «его [Давваса] правление длилось тридцать лет в условиях религиозных войн, потрясений» (стр. 33). Очевидно, для усиления распрей саудида Дарийи порой оказывали Даввасу поддержку. Так болезненно назревали политические предпосылки объединения Аравии.

Наряду с ведшейся шейхом пропагандой словом, эмир Мухаммед с первого же года их союза стал помогать ему мечом. Около четверти века шла война с Даввасом, который в 1773 г. вынужден был, наконец, оставить Рийад сыну Мухаммеда, эмиру Абд ал-Азизу I (стр. 33—34, 51). Эмир Хасы, Урейр, преемник упомянутого Сулеймана, противопоставил тавхиду военную технику: перевез через пустыню на верблюда пушки для осады Дарийи, пытался, но неудачно, на месте отлить большую пушку. Он даже построил для атак городских стен деревянные «черепашки», в которых помещались защищенные от пуль противники, десять-двенадцать воинов. Сын его, тоже снабженный пушками, пытался ударить на саудидов из Йемамы. Но они оба были разбиты и отступили, бросив свою технику (стр. 34—35).

Свыше полувека правили, не выпуская меча, Абд ал-Азиз I и его сын Сауд. О первом автор пишет: «Он носился из конца в конец страны..., подобный дождю для последователей тавхида и самуму — для противников... Возвращался с добычей в Дарийю и делил ее равномерно между своими людьми...» (стр. 55). Большую добычу саудида взяли при преследовании Урейра с сыном в Хасе, а особенно при нападении на богатейшие шиитские города Неджеф и Кербела в Иране (1800 г.).

При Сауде силы тавхида покорили Хиджаз. Оттуда были изгнаны все турки. Последние в ответ на это усилили атаки на Аравию при помощи армий своих пашей из Дамаска, Багдада (стр. 58—59) и, наконец, из Египта. В отличие от полупатриархальных методов неджидцев, вторгшиеся чужеземцы направляли войну на разорение культурных центров страны, на истощение ее жизненных сил. Изменилась военная тактика, обострилась борьба, людские жертвы уже насчитывались тысячами (стр. 60—63, 68—70, 73—76). Кроме того, вторгшиеся войска разожгли распри местных феодальных групп, подкупили, втянули в войну не только города, но и племена. Часть местной верхушки, жадная до власти и богатств, охотно стала агентурой турок, чтобы с их помощью раздавить своих соперников (стр. 77, 83), а заодно и подавить сопротивление масс. Саудида развязали братоубийственные войны за

власть между двумя ветвями правнуков Мухаммеда — сыновьями упомянутого Сауда, с одной стороны, и Фейсалом, родоначальником современной младшей линии саудидов, — с другой (стр. 78 и сл., 84, 86 и др.).

Стратегию и тактику этого времени иллюстрирует следующая любопытная оценка одного эпизода Абд ал-Азизом II: «По трем причинам не упрочилась власть Абдаллаха (претендент из соперничавших саудидов. — М. Ч.): 1) присутствие в Хардже сыновей брата его, поднявших племена против него; 2) поддержка им бывших эмиров Касыма... против правивших там в те годы эмиров из дома Маханна²⁷, что было ошибкой Абдаллаха, так как солидарность со свергнутой династией в момент слабости ее не является мудростью, а этим он подорвал свое значение в Касыме; 3) выступление Мухаммеда ибн Рашида, жаждавшего власти над Недждом...» (стр. 86). Род этого ибн Рашида (рашидиды), вовлеченный в усобицы саудидов одной из сторон, стал опаснейшим противником их всех, завоевал в 1882 г. Неджд и до начала XX в. устранил род Сауда с политической арены (стр. 80, 87—90).

Отмечая отрицательную роль феодальных распри, следует подчеркнуть одну сторону, выгодно отличавшую почти всех саудидов от рашидидов и других представителей местных верхов. Это — неизменное сопротивление поползновениям турок в Неджде. Ряд свидетельств Рейхани показывает, что часто именно на этой почве складывалось успешное объединение саудидов с племенами (стр. 133—134). Очевидно, этому способствовала политика экспроприации турками лучших земель, соседних с Недждом²⁸. Автор не останавливается ни на этом вопросе, ни вообще на земельной собственности и эволюции ее под влиянием турок. Лишь в иной связи он приводит соображения саудидов: «Бедуины потому бедуины, что они не являются собственниками какой-либо земли и не живут в постоянных жилищах. Стало быть, предоставим им землю, поможем построить дома, переведем их из пустыни в город, привяжем их к земле, закуем их цепью собственности и используем их. А согрешат — сможем покарать их» (стр. 234).

Косвенно подтверждается, что, как правило, оседлое население Неджда владело землей на правах частной собственности. Так, в книге встречаются упоминания о феодальном замлевлании в оазисах Хурма и Тураба (стр. 225), в городе Бурейда (стр. 86, 141)²⁹. Несколько иначе обстояло дело с землевланием у кочевников. Хорошо известно, что племена Неджда владели на правах коллективной собственности определенными пастбищами, водоемами. Эти владения образовывали «диру» племени. О них напоминают, например, долины, которым присвоены имена племен (вади Субай, вади Давасир), и другая топонимика. Об этом, не вдаваясь в детали, сообщает нам автор (стр. 201). Встречаются указания об обозначении границ диры племенным знаком — тамгой (васм)³⁰.

Приводимые автором данные не позволяют судить о складывавшихся и сложившихся формах эксплуатации. В упомянутых оазисах Хурма и

²⁷ Подробности этой борьбы двух знатных родов Касыма см. на стр. 86—87 книги Рейхани.

²⁸ См. Александр А да м о в, Ирак арабский, СПб., 1912, стр. 47; H. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 21.

²⁹ Некоторые упоминания о феодальном землевлании, главным образом в оазисах, имеются у Philby (Указ. раб., т. I, стр. 76, 114, 171; т. II, стр. 172).

³⁰ Ср. там же, т. II, стр. 105, 240—241, 281, 287—288, 349, 353, 367 и др.; Ch. Huebner, Указ. раб., стр. 714—727. А. Рейхани, к сожалению, не останавливается на известной в Неджде форме заповедных племенных пастбищ и водоемов «хима» и на эволюции ее. В доисламские времена хима находилась в особом распоряжении племенных родов. Со времен халифата часть земель Дарийи в качестве владений хима перешла в распоряжение халифа. У саудидов владение хима стало уже пастбищем, находившимся в пользовании эмира (см. «Encyclopédie de l'Islam», s. v. «Negd»; H. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 334; т. II, стр. 258, 292).

Тураба Рейхани насчитывает три группы населения: негры — ('убейд) и вольноотпущенники, составлявшие в Хурме две трети населения, осевшие здесь арабы кочевого племени субай и шерифская землевладельческая аристократия (стр. 225). Наличие значительного числа негров известно и в других оазисах; были среди них как местные уроженцы, так и лично плененные, вывезенные из Африки. Негры, в основном хотя их и называли рабами, — работали на условиях издольщины у собственников садов и полей, аристократии оседлых и кочевых племен³¹, позволяет говорить о господстве феодальных отношений, переплетающихся как с патриархальными, так и с рабовладельческими элементами. Автор сообщает пример уаилирования эксплуатации патриархальными режитками: «в некоторых районах Аравии, как, например, в Нед и Хиджазе, слуга (хадим) зовет своего господина дядей» (стр. прим. 1)³².

О налогах автор упоминает лишь как о военной контрибуции, вавшейся на ваххабитов их противниками при завоевании оазисов джда (стр. 106)³³.

В описании строя оседлых племен — кроме упомянутого наименования господина дядей — патриархальные черты не очень выступают. В них управляют наследственные эмиры. Подчиняющиеся им правители отдельных оазисов, районы тоже называются эмирами. Во вновь завоеванных районах эмир саудидов назначает своих сыновей или представителей местной знати, зачастую по несколько раз поднимающих мятеж против саудидов (стр. 52—53, 117, 143, 174). Родовитость эмиров и других представителей аристократии подтверждается указанием на происхождение от знатного родоначальника, что неизменно выражается термином «ал» с именем последнего, поставленным в конце имени родовитых эмиров. В этом отличие «ал» от термина «'аила», употребляемого в значении «семья» (стр. 86, 108, 205), и от термина «фахз» — обычный родовой клан. Например, саудида после перехода власти к эмиру Файса представителю их младшей ветви (правил до 1865 г.), стали именовать ал Файсал ал Сауд. Говоря о родословной рашидидов, автор рисует ее в следующем виде: династия называется «дом ар-Рашида из племени шаммар», «крупнейшего клана его абдих», знатного рода (и ветвей) «ал Джафар, ал Халил, ал Рашид» (стр. 267); таким образом, применительно к династии «ал» означает «ветвь»³⁴.

В оазисах, наряду с эмирами, фигурирует родовитая знать, имеющая «за'ймы» (вожди, предводители). Она то соперничает с эмирами, разжигает кровавые распри (стр. 86—87, 138—143, 149, 156—159, 163, 268—273), то составляет их основную опору (стр. 143). Наряду с постоянными упоминаниями о знати, раздирающей страну распрями, идет упоминание об одном знатном роде, много сделавшем для заселения и обработки принадлежащих ему земель (стр. 86).

Очевидно, и тогда, когда автор говорит просто о населении (ахд) участвующем в обсуждении дел, он имеет в виду верхушку, включающую знать и связанных с ней купцов, улемов³⁵. Однако, особенно в

³¹ Ср. Н. St.-J. V. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 98, 103, 189, 203, 344—345. В 1939 г. правительство Саудии опровергло сообщения о наличии в стране семидесяти тысяч рабов, но признало существование половины этого числа и утверждало, что численность рабов быстро падает (см. «Oriente Moderno», т. XIX, Roma, 1939, стр. 386).

³² Philby (Указ. раб., т. I, стр. 342—343) сообщает, что землевладелец не имел права подбирать колосья, упавшие на его поле во время жатвы; их собирали бедные женщины.

³³ Другие авторы упоминают о регулярных налогах в XIX в., а особенно во владениях Абд ал-Азиза II в начале XX в. (ср. Ch. Huber, Указ. раб., стр. 685; Н. St.-J. V. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 30 и 293).

³⁴ См. об этом: J. Lecerif, Note sur la famille dans le monde arabe et islamique, «Arabica», т. III, 1956, стр. 31 сл.

³⁵ На стр. 17, например, автор говорит о «знати людей Судейра» ('айн а-Судейра).

желые годы, за этим и другими терминами обнаруживается роль народа. Так, автор приводит выдержку из «Истории» упомянутого ибн Бешра о сопротивлении вторгшимся туркам: «Люди уходили из своих домов куда глаза глядят, в пустыни...» (стр. 77). Далее Рейхани сообщает, что в ответ на развязанные вторжением распри клик и голод народ восстает (стр. 81—82) и против рашидидов, захвативших господство над частью Неджда (стр. 89), и против саудидов: «В это время восстало население Рийада против него [Сауда] и изгнало его из города...» (стр. 85). А когда распри и голод вызвали угрозу распространения холеры, «надоело населению Неджда это положение... и оно возвысило свой голос, ропща и жалуюсь...» (стр. 128). Автор говорит здесь только о ропоте, но в другом месте он указывает, что саудидам приходилось считаться с голосом народа (стр. 202).

Термины, применяемые автором для обозначения строя племен, отражают разложение последнего. Очевидно, в связи с этим автор не пытается уточнить их. В значении «племя» иногда как синонимы употребляются два термина — *қабила* и *‘ашйра*. Порой эти термины употребляются во множественном числе в применении к племени, обозначенному одним именем: то ли речь идет о названии союза племен, то ли о племенах, считающихся связанными происхождением, или о группе их, на деле оторванных уже в основном от остальных родственных племен. При упоминании отдельных подразделений этих групп к ним применяется преимущественно термин «*‘ашйра* (см. стр. 143, 163, 256, 274—275)³⁶.

Вожди племен в книге именуются шейхами, иногда раисами (стр. 50, 82, 85). Часто о вождях племени говорится во множественном числе, например о «раисах аджман» (стр. 108), о «шейхе из шейхов харб» (стр. 71). Это, по-видимому, свидетельствует о том, что каждое подразделение имеет своего шейха. А дальше говорится в единственном числе: «раис племен харб» (стр. 143), из чего можно предположить, что, кроме особых шейхов подразделений, имеется и верховный вождь племени (союза) или части его³⁷.

Совет подразделения, племени, не упоминается. Его, очевидно, заменял совет шейхов подразделений или их частей³⁸. Возможно, однако, что лица, обозначенные терминами *‘айан*, *кибър* (большие люди), тоже входили в «совет»; так, при поражении вождя племени члены «совета» заключили мир с саудидами (стр. 144, 148, 152).

В первой части книги, где описывается внутреннее развитие племен до XX в., не упомянуто ни одного случая распри из-за интересов, касающихся племени в целом. В сообщаемых фактах столкновений групп знати при участии племен последние проявляли почти неизменное постоянство,

³⁶ Старший современник Рейхани, Зейдân пытался дать схему древней племенной структуры, иллюстрируя ее подразделениями и генеалогией курейшитов. Он начинает с низшего звена — патриархальной семьи, айла (или усра) и перечисляет последовательно следующие звенья: *фасила* («как, например, *ал Абү Тәлеб*, *ал ‘Аббас*») — *фахз* (например: *умейяды*, *хашимиды*) — *бати* (например, потомки *Алд Менафа*, *Махзума*) — *имъара* (например, *курейшиты*, *кинаниты*) — *кабила* (например, *рабииты*, *модариты*) — *ша‘аб* (*аднаниты*, *кахтаниты* (см. Дж. Зейдân, *Тарих ат-тамаддун ал-ислâми*, Каир 1905, ч. IV, стр. 11). У Рейхани было достаточно оснований не связывать себя этой схемой — она не только устарела, но и вообще пригнана к генеалогии определенного племени, как и схемы, построенные европейскими исследователями (см. А. И. Першиц, *Пережитки дуальной организации в родоплеменной структуре арабов*, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 86—87).

³⁷ Очевидно, иногда раис значит «глава» вообще. Рейхани сообщает, что, например, из семи подразделений мурра, имевших своих шейхов, один был верховным вождем, которого, впрочем, одно из этих подразделений не признавало (ср. Н. St.-J. B. Philby, *Указ. раб.*, т. II, стр. 217).

³⁸ Например, на юге Неджда независимое подразделение, населявшее оазис, делилось на две части, возглавляемые каждая своим шейхом (Н. St.-J. B. Philby, *Указ. раб.*, т. II, стр. 202).

в отличие от измен и коварства знати. Выделяется лишь один частый измены племенем субаи — в войне между братьями саудидов (стр. 84).

Вторжение армий турецкого султана обостряет с начала XIX положение. «После того как турки и египтяне истощили население своими многочисленными нападениями и расстроили ряды единства и национального и религиозного, вернулось старое состояние племенной розни, вскрылась язва старой вражды к роду Сауд. Поднялось [племя] хахтан, взбунтовалось аджман, восстало аназа, стало неустойчивым: тейр, заколебалось атейба, бушевало бану мурра, расสวิрепело бану: лед. Достаточно [упомануть] братьев и кузенов [по отцу] самого до [Сауд]: оспаривая власть, одни из них восстали против других и исповозвали в своих столкновениях готовность этих племен прибегнуть к нам в поисках средств существования. Поднялись племена, поддерживают одного эмира, сопротивляясь другому — брату того, двоюродному брату добиваясь выгод, утоляя жажду мести или стремясь к господству (стр. 83).

Приведенное утверждение не совсем подкрепляется фактами. Наоборот, автор показывает как типичное явление, что бедуины лишь тогда участвуют в набегах, когда это не мешает их основной заботе о своем стаде. В одном случае он сообщает о срыве похода саудидов в связи с сильным зноем и уходом бедуинов в поисках водоемов для своего стада (стр. 169). Другой срыв произошел в противоположной климатической обстановке: «был зимний сезон, и бедуины рассеялись в поисках пастбищ для своего скота. Не было у них иной привязанности к ибн Сауд, кроме любви к стяжательству...» (стр. 109).

Последний вывод Рейхани кажется противоречивым. Сопоставим его в частности, с утверждением самого автора о том, что частый голод и бескормица были толчками для организации набегов (стр. 139). Это противоречие, очевидно, объясняется прежде всего тем, что автор касается племен лишь в связи с событиями, главным центром которых были оседлые районы. Но вместе с тем, видимо, сказывается позиция информатора автора, интересовавшихся распространением единобожия как средства подчинения народа и судивших о бедуинах только как о предрасположенном к красному воинскому материалу, не пригодном, однако, для создания дисциплинированной феодальной армии. Эти заботы нашли выражение в частности, в следующем суждении Рейхани: «Бедуины с древних времен — войны, мятежные, гордые. Религиозное чувство их питается суевериями, а желания их ограничены одним почти пропитанием... Когда они и проявят преданность своей религии, то без постоянства, с поспешностью отступают от нее...» (стр. 232).

За иллюстрациями автор обращается к общей истории Неджда, начиная с возникновения ислама. «Воззвал к ним Мусейлима, и они откликнулись. Затем призвал их шейх Тахер ал-Кармати, и они воевали плечом к плечу с ним... Затем проникли к ним религиозные догмы из Басры и Неджефа... Затем пришел ибн Абд ал-Ваххаб, обучая их таухиду... Но на всех стадиях они остаются бедуинами — присоединяются, отделяются...» (стр. 232—233). И автор приводит любопытные возражения этих бедуинов против догм ислама: «Как совершим омовения, когда мы [с трудом] добываем воду для питья? К чему пост, раз у нас круглый год Рамадан? И к чему молитвы, когда у аллаха не хватит времени выслушать нас?» (стр. 233).

Эта слабая религиозность была сильнейшим препятствием в планах саудидов использовать бедуинов для своих военных целей. Автор сообщает: «Бедуин, имея он против себя целое племя, на смерть будет защищать себя и своего верблюда. Но что касается [использования] его в войске, то это оставалось наибольшей трудностью для Абд ал-Азиза» (стр. 234). Следует напомнить, что для оценки военных качеств бедуинов

нельзя ограничиться этим противопоставлением индивидуального бедуина организованному войску. В другом месте автор подчеркивает выдающуюся роль солидарности соплеменников (племени аджман), готовность их из этого чувства на самопожертвование (стр. 201—207).

Касаясь попыток саудидов разрешить указанную трудность, автор останавливается на военных племенных обычаях подробнее, чем на многих других³⁹. Из этих материалов особый интерес представляет рассказ о наборе людей для набега, которым Абд ал-Азиз II начал отвоевание Неджда у рашидидов. Ядро войска Абд ал-Азиза состояло из «сорока воинов, из семьи ал Сауд и оставшихся у них слуг», вооруженных при содействии шейха соседнего Кувейта. В племени аджман (Хаса), к которому обратился Абд ал-Азиз, вожди уклонились от участия в набеге. «Но многие из массы [народа, 'амма] присоединились к газве (походу.— М. Ч.) ибн Сауда. Подобным же образом [присоединились] мурра, субай, сухул. И окрепла рука Абд ал-Азиза, стало у него вместо сорока верховых верблюдов тысяча верблюдов и четыреста лошадей» (стр. 108). Вероятно, лошади, которые были обычно лишь на вооружении знати, принадлежали племенам, присоединившимся к Абд ал-Азизу вслед за аджманитами, очевидно уже вместе с вождями. Далее автор рассказывает, как это войско нападало на бедуинов же (кахтан и мутейр), подчинившихся рашидидам, и возвратилось с большой добычей в Хасу для снабжения и переформирования.

Как правило, набег племени всегда был рассчитан на внезапность и захват добычи, а не на победу в сражении и на разорение противника. Когда на войну уходило целое подразделение, оно возило с собой семьи и все свое богатство — скот, поклажу (стр. 131). Самому сражению предшествовали длительные церемонии. В одном месте автор сообщает об обычае племен при устройстве лагеря «ставить военные дома». В примечании он разъясняет, что это «дома из шерсти, которые племена строят для демонстрации своего достоинства и защиты их» (там же)⁴⁰. Враждебные стороны, превознося свои силы, громко выкрикивали название своего племени, области, имена прославленных предков и т. п., все это делалось для того, чтобы подбодрить воинов, внести смятение в лагерь противника. Ваххабиты же выкрикивали: «люди тавхида, люди тавхида»⁴¹, или одно из названий их центральной области, Арида. Здесь сказывалось уже преобладание у ваххабитов территориальной и идеологической общности. Кроме того, в рядах ваххабитов, очевидно с целью вызвать бесстрашие воинов перед лицом смерти, военным кличем звучало двустипное: «Благоговею перед шумом ветров в раю! Где ты, о стремящийся к нему!» (стр. 199; см. также прим. 2 и стр. 200).

В связи со сражением между саудидами и рашидидами в 1915 г. автор рассказывает, что шаммары прибегали к любопытному военному обычаю, запрещенному тавхидом. Каждое племя выбирало у себя красивую девушку, называвшуюся «иммари́йа». Она следовала к полю брани на верблюде, в паланкине, с открытым лицом и умашенными волосами,

³⁹ Автор не коснулся обычаев, значительно ограничивавших межплеменные и внутриплеменные столкновения, — таких, как обычай замены кровной мести выкупом (дийа), запрет нападения и преследования в определенных местах (харам) и в определенные периоды, гостеприимство, связанное с защитой преследуемого, обычай кровнительства как чужеземцам; различные союзы между племенами, практиковавшиеся в Неджде, и т. д.

⁴⁰ Автор не вдается в описание палаток. В одном месте он вскользь упоминает о небольшой одинокой шерстяной палатке и о церемонии приема путника (стр. 149). В другом месте говорится об особой большой палатке из ткани, устланной коврами и окуриваемой благовониями; ее установили для Абд ал-Азиза городские власти капитулировавшей перед ним Мекки (стр. 388).

⁴¹ Любопытно, что автором не упоминается общемусульманский боевой клич такбир (ср. Maçoudi, Указ. раб., т. IV, стр. 215, а также стр. 212, 213).

гордо предшествуя своему племени, воодушевляя и возбуждая своих родичей к бою. Бой начинался стычками смельчаков, то нападавших, отступавших для новой неожиданной атаки. Когда пули саудовских ездников ложились перед шаммаритками⁴², последние запевали собственную песню и усиленно призывали сородичей к бою: «Разгори бой, загудели ружья...» (стр. 199). Заклучая описание этого А. Рейхани передает разочарование саудидов своими союзниками-бедами: «...не было в нем победителей, кроме бедуинов обеих сторон: пали, захватили добычу, бежали...» (стр. 200)⁴³. А потери сторон в сражении выразились... в одном человеке — пуля настигла английского капитана Шекспира, сопровождавшего армию саудидов. Даже бескровный характер указанного боя был вызван некоторыми политическими соображениями, он все же отражал черты межплеменных столкновений.

В другом месте автор обобщает эти обычаи племенных войн: «Чаще война у арабов заключается в маневрировании, тактике обхода. Нередко спешат к схватке, в которой люди теряют голову. Наоборот, идут в бой своим путем, с хладнокровием нападают, превозносят свои победы, входя в соприкосновение с неприятелем...» (стр. 117—118). Даже Сауд часто держался в боях старой тактики устрашения противника, не открывая огня по живой силе. Автор описывает, как во время осады крепости в Хасе Сауд приказал каждому воину развести огонь и на утренней заре всем вместе начать пальбу из ружей: «Сотряслась земля, почернели небеса. У многих беременных женщин Хасы случился выкидыш. Это способ войны, способ устрашения — обычный у арабов, особенно у племен Неджда» (стр. 62).

Что касается приверженности и верности бедуинов, то они, как правило, помогали эмирам, с которыми были связаны территориально. Последние нередко привлекали в помощь себе племя, используя его союзничество, традиционную вражду с другим племенем, привлеченным противной стороной (стр. 126, 143, 152—153).

Озабоченный стремлением сломить старые обычаи бедуинов, Абд Азиз начал с того, что делал главную ставку на войско из оседлых. В них автор выделяет по боеспособности жителей столичного района Ар-Радва (стр. 126, 198), приравнивая их к регулярному войску. Число оседлых саудидов обычно вдвое превышало число их у рашидидов (стр. 198). Очевидно, чтобы воспрепятствовать бедуинам «отступать и возвращаться» по своему усмотрению, а также чтобы сберечь живую силу оседлых, Абд ал-Азиз стал располагать оседлых в тылу своих атакующих бедуинов (стр. 157).

Кроме приведенных обычаев, ряд других отношений сохранял близкие массам черты патриархальных пережитков, смягчавших феодальную сущность этих войн. Автор не пишет, как соблюдались известные строгие законы и любопытные интерпретации ибн Теймийи, касающиеся раздачи добычи. Но он приводит отдельные факты, характеризующие разделение добычи между сторонами этого дела. Так, при разгроме рашидидов и турок под Бейей саудидам досталось много продовольствия, скота и сундуки с золотом. Ибн Сауд «разделил [добычу] между своими воинами, не взяв для себя ничего... доля каждого только в золоте и верблюдах колебалась от 10 до 150 турецких лир и от 10 до 20 верблюдов» (стр. 131, см. также стр. 55). С другой стороны, из рассказа о первых набегах Абд ал-Азиза вытекает, что добыча была основой снабжения и формирования армии. По поводу отношения турок к газвам автор сообщает: «Часто ее [Османы]

⁴² Очевидно, каждое подразделение выделяло свою иммарию.

⁴³ Этот мотив, повторяющийся в книге на разные лады, подчеркивается все время. Вместе с тем всегда первой жертвой войны также становятся бедуины (стр. 126, 139, 143, 151, 157).

ской империи] правители в Хасе участвовали в дележе добычи с их [аджманитов] вождями» (стр. 201). Из этого следует, что львиная доля добычи попадала в руки верхов⁴⁴.

На войне ярче обнаруживалась личная роль вождя и связь его с населением (ср. стр. 109—112). Интересно следующее выступление Абд ал-Азиза в критический момент похода: «Я один из вас и такой же, как вы. Вы идете [пешком], и я иду. Вы — босые, и я, клянусь аллахом, не обут...». С этими словами он снял свою обувь, бросил поводья своего верблюда и пошел впереди войска, с энтузиазмом двинувшегося за ним (стр. 130)⁴⁵.

Война резко обнаружила обострение классовой сущности отношений. Об этом говорят, кроме обогащения и усиления власти верхов, растущая жестокость в обращении с побежденными врагами. Рашидиды убивают пленных, не только грабят, но и облагают покоренное население тяжкими поборами (стр. 106). Ибн Сауд предает публичной казни пленных мятежников (стр. 176). Даже участники разведки, широко поставленной у всех эмиров (стр. 116, 220—222), прибегают к убийству встречных, кажущихся подозрительными (стр. 152). Потери в войнах между рашидидами и саудидами достигают сотен и тысяч человек (стр. 126, 128).

Войны, распри становятся важнейшей причиной упадка, разорения, голода. Эти последствия часто упоминаются в книге. «...Кто не умер от меча, умер от голода. Люди поедали трупы ослов, обжигали шкуры верблюдов, мололи их, толкли также кости и питались этим порошком...» (стр. 85). Древняя столица Неджда Йемама ко времени посещения ее автором представляла собой четыре небольших селения с общим числом жителей, не превышавшим двух тысяч человек. То же наблюдалось в ряде других центров, где незадолго до того развернулся мятеж двух родственных саудидам клик, соперничавших с Абд ал-Азизом II (стр. 14, 174 сл.)⁴⁶. Очевидно, подобные распри приводили к запустению оазисов и поглощению их песками пустынь.

В 1912 г. Абд ал-Азиз перешел к систематическим мероприятиям, направленным на перевод бедуинов к оседлости с целью превращения их в регулярное войско. Для них организовывались особые сельскохозяйственные поселения — худжры⁴⁷. Хотя бедуины селились подразделениями, объединенными, по-видимому, племенной общностью, селения получали название по территориальному признаку (стр. 235)⁴⁸. Это были своеобразные станицы, и даже численность их населения определялась числом военнообязанных, колебавшимся от трехсот до двух тысяч человек (стр. 412—414). Военнообязанные должны были всегда быть наготове, вооруженными для войны; но «в мирное время они ничем, кроме молитвы, не занимались» (стр. 236). Очевидно, наиболее проверенные из них (в центре Неджда) получали каждые три месяца денежное вознаграждение. Военнообязанные составляли в станицах треть работоспособного мужского населения. Из остальных мужчин одна треть продолжала пасти оставшиеся у них стада, другая — занималась в станице земледелием, ремеслами, торговлей (стр. 412).

⁴⁴ Это подтверждается и другими источниками (ср. О. П. Щербатова, Указ. раб., стр. 122, 124).

⁴⁵ В Рийаде Абд ал-Азиз построил в дальнейшем новый дворец в двадцать раз больше прежнего, к нему же перешли лучшие финиковые рощи и нивы в окрестностях столицы.

⁴⁶ Ср. также Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 29, 76.

⁴⁷ По данным автора получается, что во время посещения им Аравии там было 84 худжры (стр. 212—214), а в 1938—1939 гг. их насчитывалось уже около 150 (см. «Oriente Moderno», т. XIX, стр. 386).

⁴⁸ Например, Артавийа, числящаяся у Рейхани заселенной племенем мутейр, по другим данным включала также часть племени атейба (см. Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. I, стр. 280).

Оседание, связанное с внеэкономическим принуждением (лишь племен их коллективных пастбищ, обязательная продажа значительной части стада, расчленение племени на три особые группы, подчинение специальным правительственным уполномоченным и т. д.), ускорило сближение среди бедуинов, форсировало вытеснение племенных общин. Все воины-станичники одинаково назывались ихванами (братьями). Все по племенному происхождению; все ихваны носили единый головной убор — белую повязку; бритье головы наголо сменило сохранившийся до XX в. особые прически разных племен⁴⁹.

Конечно, успешность этих мероприятий Абд ал-Азиза была обусловлена их соответствием поступательности исторического процесса разложения единой народности, зрелости этого процесса. Арабская пословица гласит о неизменном притяжении арабских племен Юга северной области великих рек: «Йемен — колыбель, а Ирак — могила арабов». На этом движении арабов с юга на север основанная магистраль Неджд. Генеалогии оседлых центров на этой магистрали отражают исторические наслоения — осколки, оставшихся от миграций племен, теснения одного племени другим. Под давлением стихийных бедствий или миграций племена уходили, угоняли свой скот. Но осевшая племена, лишенная средств передвижения и кочевого существования была вынуждена оставаться в оазисах. Новые племена, придя в соприкосновение с оазисами, также оставляли здесь при уходе осевшую своего племени, смешавшуюся с аборигенами через более или менее продолжительное время совместного существования.

Автор сообщает об эпизодах таких миграций племен аджман, с давабир и др. (стр. 201, 225—226). Ярким примером может служить племя аназа, от которого ведут свое происхождение саудиды. На плоскогорьях и долины Евфрата, от Афладжа до Касыма, рассеяны селения части селений, знатные роды, сохранившие память о происхождении от этого племени (стр. 14, 414)⁵⁰. Население оазисов, хотя оно сохраняло память об общих генеалогиях, в основном жило соседними общинами. Это было зафиксировано в топонимике⁵¹.

А. Рейхани отмечает и разрыв племенной общности некоторых племен сохранивших свою организацию. Так, он упоминает о «племенах 'уд' на северо-востоке Неджда и разъясняет: «Это название [имя] меняется к смешанному соединению из бедуинов, не связанных родом с каким-либо определенным племенем» (стр. 109, прим. и стр. Саудовская политика перевода племен к оседлости лишь ускоряла процесс, начавшийся за ряд веков до саудидов.

⁴⁹ Например, в конце XIX в. основное население Касыма брило голову, соседние бедуины носили взъерошенную шевелюру, а племена шаммар заплетали волосы в косы (ср. Ch. Huber, Указ. раб., стр. 707).

⁵⁰ Ср. также Н. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 77, 97, 217, 223, 249, 250. О. П. Щербатова, Указ. раб., стр. 34, 124, 127.

⁵¹ Из названных центров Дарийа значит, видимо, «защищенная», Рийад — «саудиды», Уйайна — «источник» и т. д.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

М. Г. ЖУРАВЛЕВА

КИТАЙЦЫ МАЛАЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Из 9—10 млн. китайцев¹, живущих в странах Юго-Восточной Азии, наиболее значительную часть — не только в количественном отношении, но и благодаря своему экономическому и культурному значению, — составляют китайцы Малайской федерации и Сингапура.

По сообщениям китайских династийных хроник, первые торговцы из Китая появились в Малайе еще в начале I тысячелетия н. э. Преследуя чисто торговые цели, китайцы приезжали сюда лишь на короткое время, очень незначительная часть их оседала в стране. Сравнительно большими группами китайцы (прежде всего торговцы и ремесленники) стали переселяться в Малайю, вероятно, с XIV в. Именно к этому времени относится описание первого постоянного китайского поселения Тумасика (на месте современного Сингапура). К моменту захвата голландцами о.р. Малакка в 1641 г. здесь жило около 400 китайцев². Значительно выросла численность этого народа в Малайе после захвата англичанами Пенанга (1786) и основания гор. Сингапура (1819). В этом городе китайцы постепенно основали особое поселение, более многочисленное, чем поселения других иммигрантов. Преобладание китайцев над другими национальностями в Сингапуре сохранилось до настоящего времени.

Массовое переселение китайцев в Малайю, как и в другие страны Юго-Восточной Азии, началось со второй половины XIX в. Вторжение в хозяйственную жизнь феодального Китая империалистических держав придало его экономике уродливый, полуфеодальный-полуколониальный характер и значительно усилило массовую эмиграцию.

С другой стороны, получение сырья из колоний становится крайне необходимым для промышленного развития метрополий. В связи с этим европейские колонизаторы ускоренными темпами внедряли плантационное хозяйство и «осваивали» природные богатства колоний. Этот процесс, в частности в Малайе, требовал большого числа дешевых рабочих рук. В этот период малайцы вели натуральное потребительское хозяйство и были крепко привязаны к земле. Поэтому колонизаторам выгоднее было использовать труд иммигрантов из Индии и Китая.

Широкое распространение, наряду со свободной иммиграцией, получила система вербовки рабочей силы в южных провинциях Китая (вплоть до ее запрещения в 1914 г.) — Гуанси и особенно Гуандун и Фуцзянь. Это объясняется как географической близостью данных провинций к

¹ V. Thompson and R. Adloff, *Minority Problems in Southeast Asia*, Stanford, California, 1955, стр. 32.

² V. Purcell, *The Chinese in Modern Malaya, Singapore*, 1956, стр. 2.

странам Юго-Восточной Азии, так и тем, что с давних пор торговля с Малайей концентрировалась в приморских городах южных провинций Китая. При помощи обмана и подкупа специальные агенты вербовали множество разорявшихся китайских крестьян и перевозили их в Малайю. Здесь китайцы в течение определенного времени отработывали «долг» за привоз и полученный ранее аванс и лишь после этого становились свободными.

К 1911 г. в Малайе насчитывалось уже 916,6 тыс. китайцев (против 1437,7 тыс. малайцев). В последующие годы значительный приток новых иммигрантов и высокая норма естественного прироста среди китайцев постепенно изменили это соотношение: если в 1921 г. китайцы составили 35% населения Малайи, а в 1931 г. — 39%, то в 1947 г. — уже 43% (долю же малайцев приходилось соответственно 49,2%, 44,7% и 41,4%).

В годы, последовавшие за мировым экономическим кризисом 1929–1932 гг., затронувшим как метрополию, так и колонии, и в послевоенный период английские колониальные власти проводили политику ограничения иммиграции в Малайю. Увеличение численности китайского населения происходит теперь прежде всего за счет естественного прироста населения. По переписи 1947 г. в Малайе насчитывалось 2 614 667 китайцев (против 2 513 921 малайцев и переселенцев из Индонезии), и 1 633 332 чел., или свыше 62%, родились уже в самой Малайе. Это видно из следующей таблицы⁴.

	Китайцы, родившиеся в Малайе			В % ко всему китайскому населению Малайи		
	1921	1931	1947	1921	1931	1947
Малайская федерация	178 503	383 172	1 196 089	20,9	29,9	63,3
Колония Сингапур	79 686	150 033	437 243	25,1	35,6	58,3
Малайя в целом	258 189	533 205	1 633 332	22,0	31,2	65,8

Ежегодный прирост китайского населения составляет в среднем 3%, малайцев же — 2%⁵. Таким образом, преобладание китайцев над малайцами во всей Малайе пока сохраняется. Однако в настоящее время, после искусственного раздела Малайи английскими колонизаторами на две части — независимую (с августа 1957 г.) Малайскую Федерацию и автономное государство Сингапур в составе Британского Содружества Наций (с июня 1959 г.), — говорить о Малайе как о одной стране не приходится⁶.

В Малайской федерации китайцы уступают по численности малайцам. По малайским статистическим данным, в 1956 г. население Федер

³ Н. А. Симония, Роль китайского населения в экономической и политической жизни Малайи, сб. «Вопросы экономики стран Востока», М., 1958, стр. 127, 128.

⁴ Данные из книги: V. Purcell, The Chinese in Southeast Asia, London, стр. 270.

⁵ Н. А. Симония, Указ. раб., стр. 128.

⁶ Перед второй мировой войной Малайя формально делилась на три административные части: 1) группа колоний у проливов (Стрейтс-сэттльмент) — Пенанг, Малакка, Сингапур; 2) Малайская федерация, объединявшая четыре султаната — Гелангор, Негри Сембилан и Паханг; 3) самостоятельные в административном отношении султанаты — Келантан, Тренгану, Джохор, Кедах, Перлис. В 1948 г. английские власти провозгласили образование Малайской федерации, объединившей малайские султанаты, а также Пенанг и Малакку. Сингапур был выделен в самостоятельную колонию. По конституции 1957 г. существовавшие до провозглашения независимости султанаты и Стрейтс-сэттльменты стали равноправными штатами Малайской федерации.

⁷ В дальнейшем речь будет идти только о китайцах Малайской федерации, не учитывая на употребление более широкого названия — Малайя.

насчитывало 6 363 853 чел., из них 3 092 788 малайцев и переселенцев из Индонезии и 2 413 325 китайцев⁸.

Китайцы расселены по Федерации крайне неравномерно. Это объясняется прежде всего спецификой их занятий. К востоку от Центрального хребта, прорезающего полуостров с севера на юг, имеются только два крупных китайских поселения — горнопромышленные центры Рауб и Бентонг, а в сельских районах — незначительное число мелких торговцев и скупщиков. В то же время 90% всех китайцев сосредоточено на западном побережье Малаккского полуострова⁹, в районе наиболее интенсивного производства олова и каучука (штаты Пенанг, Перак, Селангор, Фегри Сембилан и Джохор). Здесь вблизи городов Тайпинг и Ипо находятся наиболее крупные китайские поселения Малайи. Китайцы составляют также значительную часть населения таких городов, как Джохор-Бару, Муар, Малакка, Серембан и Куала-Лумпур (столица Федерации). Несколько реже китайское население расселено в районе между долиной Кинта и гор. Куала-Лумпуром. Зато к югу от последнего, вдоль побережья, железных и шоссейных дорог, расположено большое число сельских поселений китайцев. Значительное число китайцев живет на о. Пенанг, где они составляют более половины всего населения.

Больше половины китайцев Малайи проживает в городах (53,7%, по переписи 1947 г.), причем свыше 63% китайцев-горожан сосредоточено в городах с населением, превосходящим 10 тыс. чел.

Как уже говорилось выше, китайцы переселились в Малайю преимущественно из трех провинций Китая — Гуандуна, Фуцзяни и Гуанси. Китайское население Малайи до сих пор говорит на диалектах китайского языка, распространенных в этих провинциях (тогда как английского и малайского языков китайцы Малайи почти не знают): это прежде всего миньнаньский (южнофуцзяньский) диалект (хоккиенский в английской литературе), на котором, по данным переписи 1947 г., говорят 538 тыс. китайцев. В городах штатов Пенанг и Малакка китайцы этой группы занимаются торговлей, в Джохоре, Селангоре и Пераке — земледелием. Среди китайцев, говорящих на гуанчжоуском (кантонском) говоре гуандунского диалекта (484 тыс.), имеются также земледельцы и жители городов, но в подавляющей массе это — горнорабочие (например на разработках олова в долине Кинта, штат Перак). К диалектной группе кэцзя (или хакка, как называют ее английские авторы) (397 тыс.) относятся прежде всего китайские рабочие рудников (они составляют абсолютное большинство китайского населения долины Кинта), меньше — сельские жители. Английские авторы относят к гуандунскому диалекту также чаочжоуский (теочиу, реже хокло — в английской транскрипции) говор наиболее многочисленной группы (207 тыс.) китайского населения северо-западного штата Кедах, где они занимаются земледелием, в частности огородничеством. Главные занятия китайцев, говорящих на хайнаньском говоре гуандунского диалекта (105 тыс.), — выращивание каучуконосов, а также мелкая торговля в городах и сельских районах (где живет большинство из них). Основная масса этих китайцев живет в штате Тренгану¹⁰.

Особое положение среди китайцев Малайи занимает группа баба, потомков от браков первых китайских переселенцев с малайскими женщинами. Они говорят на особом жаргоне, где смешаны китайские и малайские слова (причем последние часто произносятся в тональности китайского языка), но придерживаются китайских обычаев и сохраняют китайскую одежду¹¹. Живут баба в штатах Малакка и Пенанг.

⁸ «Monthly Statistical Bulletin Federation of Malaya», Kuala Lumpur, 1958, January, стр. 3.

⁹ Э. Доббс, Юго-Восточная Азия, М., 1952, стр. 108.

¹⁰ V. Purcell, The Chinese in Southeast Asia, стр. 271—272.

¹¹ V. Purcell, Malaya, Outline of a Colony, London, 1946, стр. 28.

Живя обособленными компактными группами, по возможности держащая постоянные связи с родиной и мало смешиваясь с местным малайским населением, китайцы Малайи до сих пор сохранили много своего самобытного в материальной культуре, в семейных отношениях и в обычаях. Это относится прежде всего к сельскому населению.

В отличие от домов малайских крестьян, окруженных кокосовыми пальмами и разными фруктовыми деревьями и стоящих вдали от других китайские крестьяне ставят дома на открытом месте на своих земельных участках. Если малайцы на суше и на воде строят дома на сваях, то китайцев свайные постройки встречаются лишь среди рыбаков западного побережья¹². Обычно китайцы на плотно утрамбованной земле строят площадку прямоугольной формы, несколько приподнятой над общим уровнем местности и служащей полом, возводят стены из дерева бамбука. Двускатные с прямым коньком крыши покрывают пальмовыми листьями. Входную дверь делают в продольной, обращенной на юг стене, часто в углублении в виде портика.

Китайцы — рабочие оловянных рудников и каучуковых плантаций живут в деревянных хижинах или бараках с земляным полом и длинными коридорами. Не лучше условия жизни городской бедноты, ютящейся на окраинах в лачугах, иногда по несколько семей в каждой, или же в небольших комнатах без окон в двух-трехэтажных домах. Большая скученность, отсутствие медицинского обслуживания в районах городских трущоб, постоянное недоедание китайских, индийских и малайских трудящихся обуславливают распространение различных тяжелых заболеваний и высокой смертности. В частности, Малайя занимает одно из первых мест в мире по смертности от туберкулеза.

Одежда китайцев Малайи такая же, как и одежда китайцев южных провинций Китая. В городах, в первую очередь в среде состоятельных людей, распространена одежда европейского покроя. Крайне разнообразны плетеные шляпы, широкие поля которых хорошо защищают от дождя и солнца. В пище китайцев значительное место занимает, наряду с рисом и овощами, свинина, а у рыбаков — рыба (особенно своеобразная рыба-паста, которая считается деликатесом).

Среди китайцев Малайской федерации распространена малая патрилинейная семья, образующая самостоятельную хозяйственную единицу. Трудовая взаимопомощь китайских крестьян развит в Малайе меньше, чем в южном Китае, и лишь такие работы, как сооружение колодезь, ремонт общественных построек и дорог, выполняются сообща¹³. В то же время у китайцев диалектной группы хакка, переселившихся в долине Кедах, отмечают случаи трудовой взаимопомощи с малайскими крестьянами в смешанных селениях в период напряженных полевых работ¹⁴.

Китайские крестьяне бывших Стрейтс-сэттльментов (теперь штаты Пенанг и Малакка) в прошлом часто ездили за невестами в те районы южного Китая, из которых некогда переселились их родители. Девушки этих штатов выходили замуж преимущественно за китайцев-горожан. Глава китайской семьи в Малайе — муж; жена, благодаря подаркам родителей, постепенно собирает небольшую сумму денег, которая позволяет ей занимать более независимое положение в семье, чем занимала прежде женщина в южном Китае¹⁵.

Интересно отметить следующее. Если большинство малайских же-

¹² A. W. King. Plantation and Agriculture in Malaya, with Notes on the Trade of Singapore, «The Geographical Journal», т. 93, London, 1939, No. 2, стр. 143.

¹³ W. H. Newell, Family Quarrels in a North Malayan Teochiu Chinese Vegetal Community, «American Anthropologist», т. 59, New York, 1957, No. 2, стр. 267.

¹⁴ E. Dobby, The North Kedah Plain, «Economic Geography», т. 27, Clark University, 1951, No. 4, стр. 312.

¹⁵ W. H. Newell, Указ. раб., стр. 276.

щин занято заботами по дому и в своем хозяйстве, то среди китайских и индийских женщин много наемных работниц на оловянных рудниках, плантациях каучуконосов, кокосовой и масличной пальм, а также на различных строительных работах¹⁶.

Женатый сын сразу же после свадьбы отделяется от семьи родителей и основывает свое хозяйство. В отличие от Китая, где прежде был широко распространен майорат, в Малайе родители остаются жить с младшим сыном, но содержать их помогают все ранее отделившиеся сыновья. В Малайской федерации китайский крестьянин обычно владеет небольшим участком земли, и поэтому определенных правил раздела его при отделении сына нет. Иногда землю вообще не делят; в этом случае каждый женатый сын становится либо наемным рабочим, либо арендатором небольшого земельного участка.

В Малайе встречаются смешанные браки между представителями разных национальностей страны. По малайским обычаям китайцы, вступившие в брак с малайскими девушками, формально становились мусульманами. Малайцы нередко удочеряли китайских девочек, и те также принимали ислам¹⁷.

Согласно конституции 1957 г., государственной религией Малайской федерации объявлен ислам, однако свобода вероисповедания гарантирована сторонникам всех религий. Среди китайцев Малайи преобладают последователи основных религий Китая — даосизма, буддизма и особенно конфуцианства. Из буддийских божеств в Малайе, как и в Китае, наиболее популярна Гуан Инь — божество милосердия. Даоскому богу войны — Гуан Ди поклонялись как покровителю торговли, различных профессий и предпринимательства вообще, так что постепенно он утратил свое первоначальное значение и стал божеством богатства¹⁸. Широко распространено также поклонение духам предков.

Немногочисленные китайцы-христиане живут в основном в городах, а мусульмане — в бывших нефедерированных султанатах, где наблюдаются более тесные связи с малайцами и больше смешанных браков.

Китайцы принесли в Малайю свой театр, оперу (точнее — музыкальную драму); большим успехом и вниманием пользуются выступления трупп бродячих китайских актеров. Сохранилось у китайцев Малайи и немало традиционных китайских праздников — встреча Нового года, праздник поминовения душ умерших, с обязательным посещением их могил; широко отмечают «праздник фонарей», во время которого дети ночью носят по улицам яркие бумажные фонари в виде птиц, бабочек, рыб; праздник осени (или луны), праздник семи сестер, связанный с легендой о любви Пастуха и Ткачихи (созвездия Орла и Лиры)¹⁹.

* *
*

Английские империалисты за годы своего господства в Малайе превратили страну в аграрно-сырьевой придаток Великобритании. Эта сравнительно небольшая страна дает 35—40% производства натурального каучука и около трети добычи олова в капиталистическом мире. Производство этих двух важных видов стратегического сырья составляет основу малайской экономики.

Китайцы принимают участие почти во всех отраслях малайской экономики, однако роль и значение их в каждом отдельном случае различны. В сельском хозяйстве, по данным переписи 1947 г., занято 46,4% само-

¹⁶ M. G. Herbertson, *Women's Institutes in Malaya*, «Colonial Review», т. 8, London, 1953, No. 3, стр. 82.

¹⁷ K. Burridge, *Racial Relations in Johore*, «Australian Journal of Politics and History», т. 2, Brisbane, 1957, No. 2, стр. 157.

¹⁸ V. Purcell, *The Chinese in Modern Malaya*, стр. 12.

¹⁹ J. Moore, *The Land and People of Malaya and Singapore*, London, 1957, стр. 62.

деятельного китайского населения, из них примерно половина — при водством каучука. Среди владельцев плантаций китайцы занимают второе место после англичан. Однако большинство китайцев, занятых в этой отрасли, — владельцы мелких, редко превышающих 3 акра, участков каучуконосов.

Из других товарных культур китайцы выращивают кокосовые пальмы и ананасы. Особое место занимает огородничество вокруг городов и многих населенных пунктов, которое в Малайской Федерации, наряду с культивированием ананасов, находится полностью в руках китайцев. Китайские огородники выращивают батат, маниоку, а также ямс, бобы, различные сорта китайской капусты, шпинат. Овощи сажают на грядах, от излишнего солнца и ливней посевы покрывают решетками, сплетенными из пальмовых листьев. На рынки овощи доставляют в плетеных корзинах, подвешенных к коромыслу. Рядовые китайцы-огородники дают свой товар скупщикам.

Обычно огородничество китайцы совмещают с разведением птиц и свиней (последних в Малайе разводят только китайцы, так как в религиозного запрета малайцы-мусульмане заниматься свиноводством не могут)²⁰. По мере возможности китайцы занимаются и рыболовством (особенно на западном побережье). Китайцы выступают и в качестве скупщиков рыбы у рядовых рыбаков, особенно у малайских, на всем побережье.

Основная продовольственная культура в Малайе — рис. До второй мировой войны эту культуру выращивали почти исключительно малайцы. Доля китайцев в производстве риса была незначительна. Это положение несколько изменилось в период японской оккупации, когда в результате свертывания разработок олова и сокращения производства каучука значительная часть китайских рабочих, под угрозой голода, переселилась в сельские районы и занялась земледелием — выращиванием риса, а также табака и батата для продажи. Так образовалось почти полумиллионное сельское население китайских переселенцев, получившее от англичан название «скваттеры»²¹. В 1945—1948 гг. часть скваттеров вернулась к прежним занятиям, однако большинство продолжало вести хозяйство на небольших земельных участках, разбросанных по окраинам джунглей. В годы второй мировой войны китайские скваттеры активно поддерживали антияпонскую борьбу народов Малайи, а после возвращения в страну англичан и начала национально-освободительной войны они столь же активно помогали малайским патриотам, вынужденным уйти в джунгли. В 1949 г. английское колониальное правительство разработало широкую программу насильственного переселения этих китайцев в компактные «новые деревни». Это переселение было проведено в сжатые сроки и без предварительной подготовки, что было вызвано стремлением лишить войска народно-освободительной армии продовольственной базы и вырвать китайцев из-под влияния партизан. В деревне каждое хозяйство получило мизерный участок земли, не более 0,12 га, часть которого занимали под дом. В центре деревни сооружали общественные здания, рынки, лавки; особое место отводили для религиозных сооружений. Нередко в одну деревню переселяли китайцев из разных районов; в результате китайцы, относящиеся к различным диалектным группам, вынуждены были жить рядом, что иногда создавало дополнительные трудности²³.

²⁰ E. Dobby, Settlement and Land Utilization, Malacca, «The Geographical Journal», т. 94, London, 1939, No. 6, стр. 472.

²¹ Первые китайские скваттеры появились в Малайе после экономического кризиса 1929 г. К 1940 г. их насчитывалось около 150 тыс. (J. Robinson, Transformation of Malaya, London, 1956, стр. 76).

²² П. Гурю, Азия, М., 1956, стр. 289.

²³ J. Robinson, Указ. раб., стр. 89.

К концу 1953 г. число насильственно переселенных китайцев превысило 579 800 чел.²⁴ Все они были размещены в 546 «новых деревнях», по существу мало отличающихся от концентрационных лагерей: жители этих деревень, окруженных колючей проволокой, были лишены свободы передвижения.

Для промышленности Малайской федерации характерно преобладающее развитие горнодобывающей ее отрасли. Главное место здесь принадлежит добыче олова, в которой занято 90% всех промышленных рабочих страны. В незначительном количестве добывают также уголь, железную руду, золото, цветные и редкие металлы, а с 1956 г. — урановую руду. Обрабатывающая промышленность развита крайне недостаточно — это прежде всего оловоплавильные предприятия и несколько заводов горнорудного оборудования, ремонтные мастерские, а также предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и первичной обработке каучука. В силу товарного уклона сельского хозяйства страны и почти полного вывоза продукции горнодобывающей промышленности (за исключением угля, потребляемого на транспорте и электростанциями) для экономики Малайской федерации огромное значение имеет внешняя торговля.

Ключевые позиции в промышленности и внешней торговле Малайской федерации вплоть до настоящего времени, несмотря на получение ею формальной независимости, продолжает занимать английский капитал. Национальный капитал и национальная буржуазия играют второстепенную роль. В самом же национальном капитале и в формировании местной национальной буржуазии главное место принадлежит китайцам страны.

К крупной китайской буржуазии в Малайе относятся прежде всего торговые дельцы (китайцам принадлежит подавляющая часть торговых фирм в Федерации) и владельцы разработок олова. За последние 30 лет, в связи с растущей конкуренцией английского капитала, доля китайских рудников в общей добыче олова в стране падает. Однако в 1947 г. из общего числа 488 рудников им принадлежало 400, которые давали 40% всей оловянной руды, добываемой в Федерации²⁵. Кроме того, китайский капитал контролирует большинство разработок угля и золота.

Китайские предприниматели по числу предприятий занимают ведущее место в обрабатывающей промышленности страны: в 1954 г. из 4745 зарегистрированных предприятий им принадлежало 4059, или более 85%²⁶. Но это в основном средние и мелкие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и производству продуктов питания, а также предметов широкого потребления и строительных материалов. Крупные оловоплавильные заводы и предприятия по переработке каучука принадлежат английскому капиталу. Среди мелкой китайской буржуазии много владельцев небольших земельных участков, занятых под товарными культурами, лавочников, скупщиков-посредников и мелких ростовщиков — в сельских районах. Мелкая и средняя буржуазия составляет наиболее многочисленную группу китайцев Малайской федерации. Несколько меньшая часть их относится к рабочему классу.

В силу специфических исторических условий развития Малайской федерации рабочий класс этой страны — наиболее многочисленный по сравнению с другими странами Юго-Восточной Азии — состоит прежде всего из китайцев и индийцев. Малайцы занимались преимущественно сельским хозяйством (75% самодеятельного малайского населения), носящим натуральный потребительский характер. Однако в годы экономических кризисов и особенно в период после второй мировой войны происходил усиленный процесс обезземеливания малайского крестьян-

²⁴ Линь Фан-шэн, Малайя, М., 1956, стр. 97.

²⁵ Там же, стр. 61.

²⁶ Н. А. Симония, Указ. раб., стр. 149.

ства, что привело к некоторому увеличению удельного веса малайцев в общей массе рабочего класса Федерации (менее 10% до второй мировой войны и 17% — в 1955 г.)²⁷.

Если малайские и индийские рабочие заняты в основном на плантациях (в 1939 г. — более 96% малайских и свыше 93% индийских рабочих страны), то подавляющая часть китайских рабочих — в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности (соответственно 67,2% и свыше 77% всех рабочих, занятых в каждой из этих отраслей экономики страны)²⁸. В послевоенные годы произошло значительное увеличение числа китайских плантационных рабочих (76,4 тыс. в 1939 г. и 98,2 тыс. в 1953 г.), меньше — рабочих обрабатывающей промышленности; в то же время в связи с экономическим спадом произошло некоторое сокращение числа китайских рабочих оловянных рудников.

Китайские рабочие Малайи первыми включились в революционное движение страны. В начале 1920-х годов китайские рабочие стали объединяться в профсоюзы. Китайцы приняли активное участие в создании Коммунистической партии Малайи (1931 г.). В годы японской оккупации и после 1948 г., когда английские колонизаторы развязали антияпонскую народную войну, китайские рабочие вместе с рабочими других национальностей страны включились в народно-освободительную борьбу, во главе которой стоит Коммунистическая партия. Китайская буржуазия также не стоит в стороне от общественно-политической жизни Федерации. Так, организация крупной китайской буржуазии — «Китайская ассоциация Малайи» входит в «Союз трех партий» (вместе с «Объединенной малайской национальной организацией» и «Индийским конгрессом Малайи»), которому принадлежит подавляющее большинство мест в современном правительстве Федерации.

Несмотря на то, что китайцы Малайской федерации, составляя почти половину населения ее, занимают ведущее место в экономической жизни страны, они в политическом и правовом отношении до сих пор остаются фактически бесправными. Особенно остро затрагивает интересы китайцев Федерации вопрос о гражданстве. До начала второй мировой войны правовое положение китайцев было неопределенным. Китаец, родившийся и проживающий на территории малайского султаната, получал паспорт лица, находящегося под английским протекторатом; малайские султаны не считали таких лиц своими подданными, ограничивали и даже препятствовали принятию китайцев на работу в административном аппарате. В то же время китайцы, родившиеся в Стрейтс-сэттльмент, считались британскими подданными, но права участвовать в выборах не имели²⁹.

В послевоенные годы в результате ряда новых законов о гражданстве (1948, 1952) малайцы — подданные султанов — автоматически получили права гражданства, в то же время более половины из китайцев страны оставались политически бесправными³⁰.

По конституции 1957 г.³¹, право гражданства сохраняется за всеми, кто имел его до провозглашения независимости. Родившиеся в «Департаменте независимости» (31 августа 1957 г.) и после него автоматически получают гражданство. Родившимся в Федерации до установления независимости и проживающим здесь в настоящее время право гражданства предоставляется лишь в том случае, если они живут в Федерации в течение

²⁷ Н. А. Симония, Роль китайского населения в экономической жизни стран Юго-Восточной Азии. Кандидатская диссертация, рукопись, М., 1958, стр. 225.

²⁸ «Indians in Malayan Economy», New Delhi, 1950, стр. 16.

²⁹ Н. А. Симония, Роль китайского населения в экономической и политической жизни Малайи, стр. 152; V. Purcell, The Chinese in Southeast Asia, стр. 388—389.

³⁰ В 1949 г. из 1 952 682 китайцев Федерации только 375 тыс. были федеральными гражданами (V. Purcell, The Chinese in Southeast Asia, стр. 394).

³¹ «Malaya: the Making of a Nation», London, 1957, стр. 60.

пяти из последних семи лет и намерены жить постоянно; они должны дать клятву верности и заявить об отказе от права гражданства любой другой страны (кроме стран Британского Содружества Наций). Иммигрантам право гражданства предоставляется в том случае, если они живут в Федерации восемь из последних двенадцати лет и согласны на признание всех условий, перечисленных выше. Кроме того, представителям малайской национальности для получения права гражданства обязательно элементарное знание малайского языка. Таким образом, и после получения независимости значительная часть китайцев Малайской Федерации не имеет права гражданства.

Английские колонизаторы проводили дискриминационную политику в отношении китайского населения Малайи и в области образования. В 1920 г. они ввели «Правила об образовании», согласно которым все школы и преподаватели подлежали обязательной регистрации. Широко используя эти «правила», английские правители Малайи закрывали китайские школы, лишали права преподавания прогрессивных учителей, вмешивались в дела школьной администрации. После введения в стране в 1948 г. чрезвычайного положения было закрыто 212 дневных и 87 вечерних китайских школ. Согласно новому закону об образовании (1952 г.), все китайские школы Федерации должны постепенно превратиться в так называемые национальные, где преподавание будет вестись только на английском и малайском языках³².

Несоответствие правового и политического положения китайцев с той ролью, которую они сыграли и играют в общем ходе исторического развития Малайи, вызывает все большее недовольство в среде широких слоев как китайского, так и других народов страны. Первым шагом на пути решения этого вопроса станет окончательное освобождение страны от империалистического гнета, полная победа национально-освободительного движения и создание подлинно независимого демократического малайского государства, объединяющего Малайскую федерацию и Сингапур.

³² Линь Фан-шэн, Указ. раб., стр. 25—26.

С О О Б Щ Е Н И Я

Б. БОЖИКОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И МУЗЕЙ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ (1944—1959 гг.)

В одном из своих писем (1837 г.) к жившему в Одессе болгарскому купцу и просветителю В. Е. Априлову автор книги «Древние и нынешние болгары» Ю. И. Венелин замечает, что не только исторические, но и этнографические и фольклорные исследования могли бы способствовать повышению интереса европейцев к судьбе болгарского народа. Он считает, что этнографические сведения помогли ознакомлению европейцев с жизнью и судьбой балканских народов. Ю. Венелин настаивал на необходимости самим болгарам заняться изучением болгарской этнографии и предложил программу исследования народных песен, обрядов, поверий, народных костюмов и пр. По существу, это письмо Ю. И. Венелина к В. Е. Априлову можно считать как бы началом этнографии в Болгарии. В период болгарского Возрождения (вторая половина XVIII в.—1877 г.), когда народ повел решительную борьбу за свое национальное освобождение и свержение ненавистного турецкого ига, значительно повышается интерес к прошлому. Славные страницы истории и народные художественные произведения побуждали к борьбе за независимость. Народное словесное творчество, особенно лирическое, утверждали многие передовые болгарские деятели — просветители и революционеры, могут считаться истинными историческими документами. Много деятелей эпохи Возрождения (Г. С. Раковский, Л. Каравелов и др.), восприняв и развив мысль Ю. И. Венелина, начали заниматься этнографическими сюжетами.

Капитализм, окончательно утвердившийся в Болгарии после ее освобождения от турецкого владычества, разрушил остатки феодального строя; вместе с этим стали исчезать и сохранявшиеся до того времени в большей или меньшей степени старинный народный быт и культура. Это обстоятельство побудило многих (преимущественно учителей) заняться сбором этнографических и фольклорных материалов. В результате создалось носившее народнический характер движение энтузиастов, полагавших, что с помощью сбора золотых зерен богатейшего народного творчества — наилучшее выполнение патриотического долга. Происходило это часто без плана и ясно поставленной задачи. Но рвение, с которым трудились многочисленные любители болгарского народного творчества, не могло не принести своих плодов.

Семьдесят лет назад начал выходить издававшийся Министерством народного просвещения «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» («Сборник народного творчества, науки и литературы»), в котором стали публиковать статьи о литературе и культуре болгар. В I томе «Сборника» (1889 г.) была помещена программная статья известного болгарского ученого И. Шишманова «Значение и задачи научной этнографии», где впервые обосновывалась необходимость научного исследования родного творчества. Статья эта доныне не потеряла своего значения. Несмотря на то, что автор привлекает внимание исследователей лишь к изучению словесной и художественной культуры, все же статья эта является серьезной попыткой поставить и решить вопрос о путях исследования быта и культуры народа. Автор напоминает, что в связи с быстрыми изменениями, происходящими в жизни болгарского народа крайне необходимо срочно начать сбор материалов, относящихся к его быту и культуре. Появление статьи проф. Шишманова повысило интерес передовой интеллигенции главным образом учителей, к народному творчеству. Позже в «Сборнике» было помещено обращение к этнографам, где говорилось о важности исследования материальной культуры, экономического быта и этнических особенностей народа.

В конце XIX — начале XX в. болгарский этнограф Д. Маринов выпустил в свет шеститомное издание «Жива старина» (названное так по примеру русского этнографического журнала «Живая старина»), где были опубликованы ценные сведения о материальной культуре и обычном праве болгар. Маринов высказал мысль, что духовная культура и словесное народное творчество не могут рассматриваться отдельно от материальных условий жизни; чтобы объяснить сущность и содержание песен, сказок, быличаев, поверий, необходимо знать обстановку, в которой они родились и живут.

В рассматриваемое время этнография, несмотря на заметные успехи, играла в Болгарии роль вспомогательной науки. С помощью этнографических материалов ученые пытались разрешать некоторые вопросы филологии, по преимуществу славянской. Самостоятельные этнографические проблемы, вопросы этногенеза или антропологии болгарского народа не рассматривались.

Организованная в 1892 г. в Пловдиве выставка оживила интерес болгарского общества к народному творчеству. На базе этой выставки было положено начало созданию этнографического отдела при тогдашнем Общем народном музее в Софии. Впоследствии этнографический отдел непрерывно обогащался и в 1906 г. был преобразован в самостоятельный Народный этнографический музей. В то время это был единственный научный этнографический центр в Болгарии. В 1920—1944 гг. вышло в свет 14 книг «Известий этнографического музея». Однако буржуазное правительство Болгарии мало заботилось о культурных учреждениях и меньше всего об Этнографическом музее, сотрудников которого можно было пересчитать по пальцам. Вследствие неразумного и безразличного отношения буржуазных руководителей к богатствам народного творчества Музей весной 1944 г. был брошен на произвол судьбы и почти все его экспонаты погибли.

После исторического события 9 Сентября 1944 г. стало возможным не только укрепить состав работников Музея, но и серьезно заняться сбором этнографического материала. Эта задача начала организованно осуществляться десять лет назад, в 1949 г. Народная власть дала возможность начать восстановление Музея и в сравнительно короткий срок пополнить утраченное. Созданный в конце 1947 г. при Болгарской академии наук Институт народоведения, имевший всего двух штатных работников, в 1950 г. слился с Этнографическим музеем, в котором к тому времени было уже 28 научных сотрудников и служащих. Включение в систему Академии наук было важным, важным этапом в развитии объединенного научного и культурного учреждения — Этнографического института и музея. Несмотря на все трудности организационного и финансового характера, Музей добился больших успехов в своем восстановлении.

Не так обстоит вопрос с идеологической переориентировкой научных кадров Этнографического института и музея. Этот процесс оказался медленным и трудным. Над этнографической наукой тяготели старые понятия; она считалась по преимуществу частью филологии. В настоящее время она находится в процессе перехода в русло исторической науки.

Что же сделано объединенным Этнографическим институтом и музеем в Софии в течение последних пятнадцати лет и какие следует сделать выводы относительно его нынешней и предстоящей в дальнейшем работы?

Период восстановления Музея остался позади. В этом отношении сделано немало. До 9 Сентября 1944 г. Музей имел 17 тыс. экспонатов, в настоящее же время наличие их превышает 40 тыс. Если до 9 Сентября приобреталось 300 предметов в год, то теперь покупается ежегодно в три раза больше. Поиски и покупка экспонатов организованы на плановой научной основе; для этого обследуются определенные районы страны и приобретаются все необходимые материалы. Дальнейшее накопление музейных фондов продолжает оставаться неотложной задачей: ведь много ценнейших экспонатов погибло. Кроме того, в результате коренного преобразования всей жизни болгарского народа традиционные предметы материальной культуры быстро уходят из быта и через несколько лет их вообще нельзя будет приобрести.

В настоящее время Болгария переживает важнейший исторический период. II съезд Болгарской Коммунистической партии, последующие ее пленумы и сессия Народного Собрания в марте 1959 г. наметили программу бурного экономического развития страны в текущем пятилетии. Изменения в экономике, культуре и быте города и деревни будут так велики, что в последующие пятилетия Болгария приступит к строительству коммунизма. Этнографический музей должен проследить и наглядно показать это революционное переустройство быта и культуры. Таким путем Музей сможет дальнейшему развитию болгарской этнографической науки, поставившей перед собой новую и сложную задачу — изучение социалистической культуры и быта народа. Музей приобретает много предметов нового быта, современных промыслов, народного искусства и пр.

Второй важной задачей Музея является переустройство и улучшение его экспозиции, которая, по существу, является своеобразной научной публикацией музейных материалов. В 1954 г. Музей получил в свое распоряжение половину здания бывшего царского дворца и смог показать сравнительно хорошо оформленную экспозицию. Теперь мы стремимся по возможности доступно и понятно отразить богатство и особенности болгарской народной культуры в историческом аспекте. Музей не должен быть простым складом случайно собранных вещей; предметы следует показывать не

изолированно друг от друга, но размещать их таким образом, чтобы с их помощью раскрыть определенные жизненные явления. При этом необходимо учитывать специфику каждого исторического периода. Таким путем повышается идейный и научный уровень экспозиции. Конечно, в этом отношении нами далеко еще не все сделано.

Расширяя знания граждан Болгарии об их стране, демонстрируя лучшие образцы народного творчества, рассказывая о достижениях в области социалистического строительства, Музей выполняет роль важного культурно-просветительного учреждения. Этнографический музей в Софии первым в Болгарии ввел экскурсоводческую работу. Экскурсоводы проводят с посетителями беседы, краткие лекции. Иностранцам посетителям даются объяснения на французском и немецком языках.

Софийский музей, а также этнографический музей в Пловдиве постоянно принимают советскими туристскими группами. К сожалению, не напечатан еще удобный музейный путеводитель. Мы добиваемся организованных посещений Музея школами и различными организациями, что способствует лучшему проведению культурно-просветительской работы. Важное значение придается работниками Музея временным выставкам, отражающим быт и культуру той или иной области Болгарии или отдельные отрасли промыслов, определенные стороны материальной культуры. Подобные выставки вызывают большое оживление в музейную экспозицию.

Этнографический музей смог принять участие и в больших болгарских выставках за границей. Выставка «Болгарское народное творчество», показанная в 1951—1952 гг. в Москве, Бухаресте, Варшаве, Берлине, Лейпциге, Праге, Будапеште, Пекине, Шангае, была создана целиком из экспонатов Этнографического музея. На выставке «2500 лет искусства в болгарских землях» в Невшателе (Швейцария) и в Германской Демократической Республике большинство представленных материалов принадлежало Этнографическому музею. Все эти выставки имели большой успех.

В 1958—1959 гг. была проведена полная инвентаризация музейного имущества. В эту работу включился весь коллектив Этнографического института и музея. Это мероприятие, в частности, помогло полнее выявить недостающие Музею материалы, заставить их приобретение.

Существенной задачей является сохранение музейных фондов от разрушения. Этот вопрос Музеем надлежащим образом еще не разрешен из-за отсутствия пригодных помещений для складов, лабораторий и недостатка специалистов. Особенных забот требует продление жизни тканей, ковров, деревянных резных изделий, кожаных и металлических предметов.

Есть еще один важный вопрос, на который надлежит обратить особое внимание — связь Музея с практической жизнью. Музейные комплексы часто превращаются в подлинные лаборатории для занятий преподавателей и студентов Института изобразительных искусств, членов трудовых производственных художественных коллективов (главным образом ткачих и вязальщиц), художников, скульпторов, мастеров и расцветчиков текстильных фабрик, модельеров одежды и других лиц, изучающих народное творчество с тем, чтобы использовать его мотивы в своей работе. Результаты уже налицо: многие текстильные фабрики Болгарии производят ткани, пользуясь народными рисунками и расцветками, и болгарские женщины отдают им предпочтение. Сотрудники Музея консультировали болгарские кинофильмы, в них были использованы музейные материалы (кинокартины «Под игом», «Наша земля», «Песнь о человеке», «Без межи» и некоторые научно-популярные фильмы). Национальный ансамбль народных песен и танцев и многие другие самостоятельные художественные коллективы получают в Музее консультации и необходимое содействие в отношении костюмов и декораций.

В первые годы существования Этнографического института (1949—1951) плановый метод работы прививался с трудом. Многие научные сотрудники не вполне сознавали его преимущества. В сущности, тогда еще нельзя было вообще серьезно думать и говорить об этнографической научно-исследовательской деятельности — в этом отношении делались лишь первые шаги. В период 1945—1949 гг. сотрудниками Института Музея не было напечатано ни одного научного труда. Вся их энергия была направлена на сбор материалов. В Институте тогда приступили к составлению подробной картотеки болгарского народного словесного творчества — по преимуществу опубликованных и неопубликованных песен и сказок. Эта работа осталась не вполне законченной. В это же время начался сбор материалов по партизанскому быту и фольклору; в этой работе участвовала большая часть сотрудников Этнографического института и музея. В 1954 г. вышел труд Стефаны Георгиевой-Стойковой и Цветаны Романской — «Песни и танцы по изучению болгарского партизанского быта и фольклора», написанный на основе материалов, собранных в Плевенском и Ловечском районах.

Одно из изданий Министерства народного просвещения, а позже — Болгарской академии наук «Сборник народного творчества», о котором было упомянуто выше, было возобновлено и продолжено уже как издание Этнографического института и музея. В 1949 г. вышел первый после 9 Сентября том «Сборника», а в последующие годы еще пять томов. На очереди издание юбилейного 50-го тома. Выпуском «Сборника народного творчества» болгарская этнографическая наука может гордиться. С 1952 г. стали выходить «Известия Этнографического института и музея».

В настоящей статье я не ставлю своей задачей анализ содержания вышедших трудов Этнографического института и Музея, считаю необходимым коснуться лишь некоторых вопросов, связанных с тематикой научных исследований.

Среди трудов штатных, а также внештатных сотрудников Института имеются работы, которые, несмотря на отдельные недостатки, являются серьезным вкладом в болгарскую этнографию. Таковы, например: «Очаг в болгарском быте» Стефаны Георгиевой-Стойковой, «Указатель этнографических материалов из археологических памятников, найденных в Болгарии» Гины Крыстевой-Ножаровой, «Современная болгарская народная песня» Г. Керемидчиева, «Гончарство в г. Трояне и Троянском районе» Петра Хаджиева, «Село Яврово» Николы Хайтова, «Народные костюмы банатских болгар» Марии и Карола Телбизовых и др. Однако имеются еще труды, не представляющие большой научной ценности или стоящие, по выражению Т. Живкова, «далеко от проблем нашего социалистического развития» (например, «Работа на верблюдах в Беломорской Фракии» Ан. Примовского).

К напечатанным в течение десяти лет (1949—1959) 49 изданиям объемом в 8528 стр. необходимо в ближайшие годы прибавить новые, стоящие на более высоком научном и методологическом уровне.

Еще недавно болгарские этнографы публиковали работы, посвященные лишь традиционному быту и культуре народа. При этом они, как правило, занимались частными вопросами, не связывая их с какой-нибудь общей проблемой. Большая часть этнографических работ носила описательный характер. Не приходится говорить, что эти работы были оторваны от насущных вопросов переустройства народного быта и идеологии.

Следует с удовлетворением отметить, что наблюдавшиеся раньше в среде болгарских этнографов идейные шатания, неясности общей проблематики исследований стали теперь уже пройденным этапом. Центральной задачей Этнографического института и музея является изучение современного быта и культуры. Болгарским этнографам предстоит исследовать закономерности развития социалистического быта и культуры кооперированных крестьян и рабочих, пути развития болгарской семьи, формирование коммунистической морали и пр. Этнографы должны включиться в борьбу против отживших религиозных понятий, вредных обычаев и предрассудков. Таким образом, в отношении исследования современности основные задачи советской и болгарской этнографической науки совпадают¹.

Планирование научно-исследовательской работы прочно вошло в практику Института. Современный уровень науки требует также перехода к коллективному труду ученых. Нельзя сказать, чтобы этот метод был совершенно не известен болгарским этнографам. Достаточно вспомнить коллективный сбор материалов о партизанском быте и фольклоре, изучение бригадами этнографов быта передовых кооперативов или сел, в дальнейшем подвергшихся затоплению водами гидроузлов. Сотрудники Этнографического института и музея участвовали также в комплексных экспедициях Болгарской академии наук. Нужно сказать, однако, что эти коллективные исследования страдали организационными недочетами и неясностью поставленных задач. В сборниках, изданных Отделением градостроительства и архитектуры и Изобразительных искусств и музыки Болгарской академии наук, были, к сожалению, напечатаны уже известные в литературе материалы, не внесшие ничего нового в науку. Сейчас в Этнографическом институте и музее идет усиленная обработка материалов бригадных исследований для их опубликования. Это — решительный переход к действительно коллективному методу работы.

Настало время подумать об изменении характера «Сборника народного творчества». Намечено впредь печатать там не только фольклорные произведения, как это было в последнее время, но и работы по вопросам материальной культуры, с уклоном к современной тематике. Содержание «Сборника» должно отразить новое направление нашей этнографической науки. Труды по изучению современного быта займут должное место и в «Известиях Этнографического института и музея». Предполагается наладить тесный контакт с представителями смежных дисциплин — такая работа, несомненно, будет плодотворной.

Новые организационные мероприятия, новое направление в научно-исследовательской работе — залог того, что ученые Болгарии преодолят некоторое отставание болгарской этнографической науки и внесут свой вклад в строительство социализма в своей стране.

¹ См. «Теоретические проблемы строительства коммунизма в СССР и задачи советских этнографов», «Сов. этнография», 1958, № 5; «Основные проблемы этнографических исследований в текущем семилетии», «Сов. этнография», 1959, № 3.

Э. Г. ГАФФЕРБЕРГ

ПОЕЗДКА К БЕЛУДЖАМ ТУРКМЕНИИ В 1958 г.

Весной 1958 г. автором настоящей заметки вместе с художником А. В. Кручин была осуществлена (в составе Туркменского отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР) месячная поездка в белуджские колхозы Мары области Туркменской ССР для сбора новейших материалов по расселению, численности, занятиям, быту и материальной культуре белуджей Туркмении. Сведения этнографии белуджей мы собирали в трех белуджских колхозах: им. Куйбышева Туркмен-Калинского района, им. Калинина и им. Жданова Йолотанского района. В процессе работы была осуществлена поездка в пески, на ферму мелкого рогатого скота колхоза им. Куйбышева, находящуюся в 180 км от этого колхоза.

Как известно, основная масса белуджей расселена за пределами СССР, в Иране, Афганистане¹. В Туркестане первые переселенцы-белуджи появились с конца XIX и особенно с начала XX в. Статистический обзор Туркменской области за 1917—1920 гг. упоминает белуджское общество в Байрам-Алийском районе численностью 936 чел. Наибольшее число белуджей переселилось в Туркменскую ССР из Афганистана через Иран в 1923—1928 гг. Вместе с белуджами переселилось в Туркменскую ССР и некоторое число брагуи, дравидоязычной народности, живущей по соседству с белуджами на всей территории расселения последних в Пакистане, Афганистане и Иране и постепенно ими ассимилируемой. На территории Туркмении этот процесс почти закончен. В настоящее время брагуи Туркмении называются белуджами рода брагуи, хотя часть их, особенно старики, еще знают свой род.

Белуджи Туркмении являются преимущественно выходцами из Афганистана и Ирана, частью из местности Чехансур в Афганском Систане. Встречаются и выходцы из Иранского Систана.

Первым этнографом, посетившим переселившихся в СССР белуджей, был И. Рубин. В 1927 г. он совершил поездку в Мервский округ с целью выяснения численности и основных особенностей малоизвестных иранских групп Туркмен — белуджей, бербери, джемшидов и хазара — и опубликовал первые сведения об этих группах². Им же впервые были зарегистрированы поселения белуджей на территории СССР³.

В 1929 г. среди белуджей Туркмении работал отряд Среднеазиатской этнографической экспедиции Академии наук СССР, собравший полевой этнографический материал и богатую коллекцию предметов и фотографий по их культуре и быту⁴. В 1949 г. более десятилетия после объединения белуджей в колхозы, их посетил научный сотрудник Института этнографии АН СССР Я. Р. Винников, собравший полевой этнографический материал по их хозяйству и быту⁵. В 1958 г., как сказано выше, белуджей работал отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии. В этом центре — г. Мары — мы собрали в Областном статистическом управлении и в Областном управлении сельского хозяйства сведения о расселении и примерной численности белуджей, а также о хозяйстве белуджских колхозов. Более детальные сведения о белуджах получены позднее, при посещении районных центров Туркмен-Калинского, Йолотанского, Байрам-Алийского и Сагар-Чагинского районов. Следует отметить, что сведения о расселении и особенно о численности белуджей, полученные как в Областном

¹ Сведения о расселении и численности белуджей за рубежом см.: М. Пинский, «Белуджи Пакистанского Белуджистана», «Сов. этнография», 1958, № 6, стр. 90.

² «Отчет о научных командировках и экспедициях Академии наук СССР за 1927—1928 гг.», стр. 247—248.

³ Там же, стр. 248.

⁴ «Отчет о научных командировках и экспедициях Академии наук СССР за 1927—1930 гг.», стр. 303; вещевой материал и фотографии хранятся в фондах Музея этнографии и этнографии АН СССР (МАЭ), колл. № 3993.

⁵ См. Я. Р. Винников, «Белуджи Туркменской ССР», «Сов. этнография», 1958, № 1, стр. 85—103.

в районных статистических управлениях, неточны, ибо учета населения по национальному признаку здесь не ведется. Несколько точнее те цифры, которые удалось получить в сельсоветах и в самих колхозах. Из четырех белуджских колхозов мы побывали в трех. Сведения же о численности групп белуджей в туркменских колхозах, в совхозах и на различных стройках получены в районных статистических управлениях.

Отметим, что особенностью белуджей является некоторая неустойчивость их оседлости, объясняющаяся частичным сохранением кочевых традиций, которые были характерны для них еще до недавнего времени. Примером может служить история передвижений группы белуджей, переселенных в 1928 г. в числе более 500 семей из Серахса и Байрам-Алийского района в урочище Пермет-Яб Сагар-Чагинского района с целью их землеустройства. В поселке Сагар-Чага, центре Сагар-Чагинского района, нам сообщили, что большая часть белуджей, переселенных в Пермет-Яб, ушла в 1932 г. с Керим-ханом в Афганистан⁶. Часть оставшихся белуджей в том же году объединилась в колхоз им. Ленина, другая же часть в колхоз не вошла. Позднее, в конце 1930-х годов белуджи-единоличники объединились в колхоз им. Сталина. В дальнейшем оба эти колхоза за малочисленностью их населения были слиты в один, просуществовавший до 1952 г.

Однако численный состав его постепенно уменьшался. Как объясняет инструктор РайЦСУ т. Аббасов, «белуджи не живут на месте: каждый год до десяти дворов переходят в другие места». Из последних оставшихся в этом колхозе 80 дворов белуджскими были лишь около 40, остальные принадлежали берберам и персам. В 1952 г. колхоз был объединен с колхозом «Коммунизм», но после этого большая часть белуджей перешла в колхоз им. Жданова Иолотанского района и в другие. Сейчас в Сагар-Чагинском районе белуджей совсем нет.

История перемещения белуджей Пермет-Яба в 1928—1952 гг. была характерна для белуджей еще совсем недавно. В настоящее время для таких перемещений уже нет оснований. Современные укрупненные колхозы представляют собою мощные хозяйственные организмы с многочисленным постоянным населением. Но отдельные «штатациеся», неустойчивые элементы встречаются среди белуджей и ныне. Так, при выяснении национального состава колхоза им. Жданова оказалось, что 10 семей в 1958 г. перешли оттуда в колхоз им. Калинина того же района. Такие переходы отдельных семей и групп семей из одного колхоза в другой, а иногда из одного района в другой до сих пор нередки. Несмотря на это, нам удалось установить общую картину расселения белуджей в области.

Наиболее многочисленные группы белуджей проживают сейчас в Иолотанском районе, где имеются два белуджских колхоза: им. Жданова, в 10 км к северо-востоку от ст. Талхатан-Баба, и им. Калинина, возле Султан-Бендской плотины. В Туркмен-Калинском районе также есть два белуджских колхоза: им. Куйбышева, в 1—1,5 км к востоку от г. Иолотани, и им. Калинина, в 35 км к северо-востоку от районного центра Туркмен-Кала, в песках. Из этих четырех колхозов наиболее крупные: колхоз им. Жданова (2423 чел., из них белуджей 1548 — подсчет на основании колхозной посемейной книги) и колхоз им. Куйбышева (1058 чел., в том числе 750 белуджей, — данные сельсовета)⁷. В остальных двух колхозах — им. Калинина Иолотанского района белуджей 555 чел. (по посемейной книге), а в колхозе им. Калинина Туркмен-Калинского района 925 чел. (данные РайЦСУ)⁸. Остальные белуджи входят в небольшие группы (до 350 чел.) в туркменские колхозы, где они, как и другие мелкие народности, живут и работают вместе с туркменами. Группы белуджей имеются в следующих колхозах и совхозах Марыйской области: в Туркмен-Калинском районе в колхозах им. Ленина, им. Сталина, им. Горького, «Москва» и в пос. Гиндукуш; в Иолотанском районе в колхозе «40 лет Октября», в четырех совхозах и в пос. Имам-Баба; в Байрам-Алийском районе в колхозах «Ленинизм», «Теез-Ел», «Туркменистан» и им. Ворошилова. В свою очередь и в белуджские колхозы входят группы туркмен и мелких народностей Туркмении. Примером может служить колхоз им. Жданова, в составе населения которого 1548 белуджей, 595 туркмен, 163 перса, 49 джемшидов, 45 берберов, 16 афганцев, 7 русских, 14 казахов⁹.

⁶ См. Я. Р. Винников, Указ. раб., стр. 85—86.

⁷ За период, прошедший со времени получения этих сведений (весна 1958), численный и национальный состав обоих этих колхозов, несколько изменился. На 1 января 1959 г. в колхозе им. Жданова числилось 2282 чел., из них белуджей 1396, в колхозе им. Куйбышева — 1169 чел., из них белуджей около 900.

⁸ Последняя цифра, вероятно, преувеличена, так как дана на основании численности населения белуджских поселков этого колхоза, в которых, по-видимому, проживают и лица других национальностей. Например, в том же Туркмен-Калинском РайЦСУ мне была указана численность белуджей в колхозе им. Куйбышева 965 чел., при проверке же в сельсовете их оказалось 750 человек.

⁹ Национальный состав колхоза им. Жданова на 1 января 1959 г.: белуджей 1396, туркмен — 502, персов — 241, джемшидов — 63, бербер — 53, афганцев — 6, русских — 7, казахов — 14 чел.

Часть белуджей работает также на различных стройках в Марыйской и Небольшое число белуджей проживает в г. Мары¹⁰.

Собранные нами материалы по земледелию и скотоводству относятся к образам к колхозному хозяйству, играющему основную роль в современной белуджей. Большинство их вошло в колхозы и перешло к оседлой жизни в 1937 г. Основным занятием в колхозах является земледелие. Интересно то что еще 30 лет назад переселившиеся в Туркменскую ССР белуджи либо совсем не умели обрабатывать землю, либо обрабатывали ее чрезвычайно примитивным способом¹¹. Теперь труд в колхозах механизирован, поля обрабатываются тракторами и другими машинами. Многие колхозники-белуджи вырабатывают в год до 400—500 дней. Ведущая культура — хлопок — занимает 70% посевной площади, под зерновыми (кукуруза и ячмень) и люцерной. Пшеницы в колхозах теперь не сеют, снабжает колхозников государство. В большинстве колхозов площадь, занятая хлопком, непрерывно увеличивается. Обильное орошение плодородного Мургабского, в результате окончания сооружения первой очереди крупнейшего в мире ирригационного Каракумского канала, соединяющего Аму-Дарью с рекой Мургаб, даст в ближайшие годы возможность дальнейшего расширения хлопковых полей¹².

Часть посевной площади занимают бахчевые и огородные культуры (огурцы, помидоры, лук, чеснок, морковь, свекла, капуста), в числе полевых культур — картофель. Кроме лука и огурцов, изредка моркови, других огородных культур и картофеля белуджи никогда раньше не сажали и не сеяли.

Скотоводство и сейчас одно из ведущих занятий белуджей и приносит им значительный доход. Больше всего (до 600—700) трудодней вырабатывают в колхозах. Скотоводство стало оседлым, приобрело культурные формы. При этом, наряду с временными способами ведения хозяйства, сохраняются многие старинные скотоводческие навыки и традиции белуджей, имеющих вековой хозяйственный опыт в скотоводстве. В колхозах имеются животноводческие фермы мелкого и крупного скота. Разводят овец, коров, в небольшом количестве коз¹³.

Фермы мелкого рогатого скота расположены на пастбищных угодьях, специально отведенных для каждого колхоза в песках, обычно в 150—200 км от колхоза. На обширных пастбищных участках, в пределах которых колхозные овцы пасутся в течение года, имеются глубокие колодцы с лебедками, приводимыми в движение тракторами (рис. 1). К ним пригоняют овец на водопой. По словам пастухов, весной, после дождей, можно 15 дней не пригонять овец, так как трава влажная и сочная, летом же, когда трава высохла, овец пригоняют к колодцам через день. Возле главного колодца располагается центральный поселок фермы: помещение для семейных работников, общежитие для пастухов и контора, где ночуют заведующий фермой, его помощник и приезжающие на сезон или постоянно живущие на ферме специалисты (трактористы, шоферы, электрик электрического агрегата для стрижки овец, сортировщик, специалист по лечению животных и др.). Несколько поодаль — юрты обслуживающих колхоз ферму казахов и туркмен и их семей. Тут же в поселке имеются загон для овец с навесом, под которым их стригут, складские помещения, шалаш-изолятор для больных овец, загон для верблюдов и пр. На центральном поселке фермы мелкого скота колхоза им. Куйбышева имеются два колодца глубиной до 10 м. Вода из одного колодца достают ведром из цельной шкуры быка, опускаемой в колодец, приводимой в движение трактором, из другого — при помощи мотора. Вода сачком, привешенной к веревкам горизонтально к деревянной треноге. Женщина сбивает воду сачком, сидя на земле и поджав под себя ноги; бурдюк подвешен на уровне ее груди.

Центром поселка является контора. Здесь вечером и утром обсуждаются дела фермы, отдаются распоряжения шоферу, трактористам, пастухам, слесарям; вечером здесь собираются работники фермы, чтобы послушать радио или побеседовать или в холодную погоду погреться у чугунной печки.

На склонах окружающих ферму холмов построены из сакаула примитивные жилища — «куддук», служащие временным жилищем дояркам — белуджским женщинам, приезжающим на ферму в самое горячее и оживленное здесь время года — в период дойки и доения овец и заготовления молочных продуктов, главным образом масла. Его сбивают из кипяченого и заквашенного молока в больших металлических бидонах при помощи мутовки или же старинным белуджским способом, в бурдюке, сделанном из цельной шкуры овцы или козы. Изек привязывают к палке, вешенной на веревках горизонтально к деревянной треноге. Женщина сбивает масло, сидя на земле и поджав под себя ноги; бурдюк подвешен на уровне ее груди.

¹⁰ По данным ЦСУ, белуджей в СССР 7,8 тыс. чел. («Правда», 4 февраля 1959 г.). Таким образом, приведенная М. Пикулиным (Указ. раб., стр. 90) цифра в 50 тысяч белуджей, якобы проживающих в Туркменской ССР, совершенно неверна.

¹¹ См. Я. Р. Винников. Указ. раб., стр. 87.

¹² См. «Внеочередной XXI съезд КПСС. Прения по докладу тов. Н. С. Хрущева о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.», в речи тов. Д. Д. Караева (Туркменская ССР), «Правда», 5 февраля 1959 г.

¹³ Коз в колхозном стаде держат очень немного, всего несколько десятков. Овцы впереди каждой отары овец идут козлы и козы, для чего их и держат.

обеими руками раскачивает его сильными движениями вперед и назад. Масло хранят и употребляют в пищу в топленном виде; оно идет на нужды колхоза: для детских ясель, для больных и т. д.

Колхозными пастухами во главе с заведующим фермой и его помощником ведется тщательное наблюдение за окотом овец, который начинается обычно с 10 марта. К этому времени отары овцематок подгоняют к специально вырытым для ягнят ямам (по-белуджски — код). Их делают 85—100 см глубиной, неправильной овальной формы. В такие ямы, как и в старину, опускают только что родившихся ягнят и держат там от одного до трех дней, в зависимости от крепости ягненка, затем пускают в стадо ягнят.

Различаются отары овец (по-белуджски пас), баранов-производителей (горанд) и ярок (сбыр). На ферме колхоза им. Куйбышева имеется одна отара производителей, две — ярок и шесть отар овцематок (занкин пас), в каждой от 900 до 1000 голов.

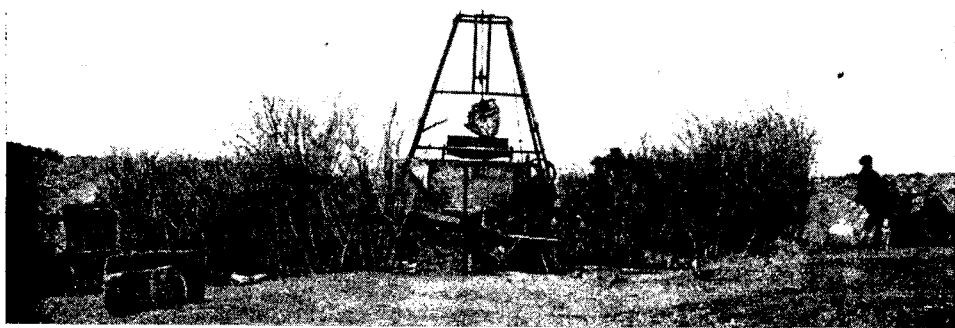

Рис. 1. Колодец с механизированной подачей воды на ферме мелкого рогатого скота колхоза им. Куйбышева

При каждой отаре три пастуха: первый пастух — «шуанаг», второй — «меланк» и подпасок — «чолох». Чолох готовит пищу, кипятит чай, печет хлеб, привозит на верблюде воду в пастушеский стан, представляющий собой брезентовую палатку, окруженную оградой из гребенщика или саксаула. Со стадом чолох не ходит; только во время обеда или отдыха пастухов они иногда просят чолоха побыть при стаде. Ходят со стадом два старших пастуха. Поздно вечером стадо подгоняют поближе к стану, и один из пастухов по очереди идет спать в палатку. Оставшийся на ночь со стадом привязывает специальную веревку одним концом к своей руке, другим — за шею овцы, всегда одной и той же, уже к этому приученной (если привязать первую попавшуюся овцу, она будет рваться и не даст пастуху спать). Утром еще до рассвета стадо снимается с места и тихо уходит. Привязанная овца тянет пастуха за руку и тем будит его.

Рытье ям для ягнят, привязывание себя веревкой к овце и весь комплекс навыков пастыби овец круглый год на подножном корму — старинные пастушеские традиции белуджей. Веревку — «мешбанд» для привязывания себя к овце плетут сами пастухи из шерсти двух или трех цветов. Это ровный красивый шнурок, сложенный вдвое и сваченный в нескольких местах шерстяными нитками, которые в середине переплетены, образуя как бы двойные петли (рис. 2). Передвигаясь свободно вдоль веревки, эти двойные петли дают возможность стягивать ее вокруг руки пастуха и шеи овцы. Двойной конец веревки заканчивается кистью.

Зимой колхозные овцы, разделенные на несколько отар, пасутся, как и раньше, на подножном корму, ибо зимы в Туркмении мягкие и снега выпадает мало. Но в отличие от прошлого, каждый колхоз имеет постоянные запасы сена на случай снегопада. При внезапном сильном и длительном снегопаде колхозные овцы оказываются в центре внимания не только всего правления колхоза и колхозников, но и всех советских общественных организаций. Так было зимой 1957 г., когда снегопад, начавшийся 19 января, продолжался около месяца. Председатели колхозов, заведующие фермами, колхозники развили по отарам на грузовых машинах запасы сена, ячмень и жмыхи, а также муку и чай для пастухов; в каждой машине ехало 15—20 колхозников для расчистки снега, чтобы машина могла подойти к отаре. В прежние времена такой снегопад вызвал бы у белуджей огромный падеж скота, теперь же, при современном уровне ведения хозяйства, потери были невелики.

Стрижка овец производится электрическим агрегатом, что требует большого искусства, ибо нужно как можно короче состричь с овцы шерсть, не поранив ей кожу.

Ферма крупного рогатого скота расположена обычно на более близком расстоянии от центрального поселка колхоза или в самом поселке. Скот содержится в коровниках и телятниках, зимой его кормят заготовленным сеном, силосом и хами. Получило развитие у белуджей и птицеводство. В каждом колхозе есть небольшая птицеводческая ферма с несколькими сотнями кур, а иногда и уток. В хозяйстве колхозников, кроме кур, встречаются также гуси и индейки.

В каждом колхозе имеются свинофермы и пасеки. Занимаются колхозники и разведением шелковичных червей, причем коконы полностью продаются государству.

Интересно отметить, что в обследованных колхозах, многонациональных по составу, наблюдается в известной мере расстановка рабочей силы в различных отраслях хозяйства в соответствии с национальными производственными традициями. Всего — преобладание белуджей и брагуи среди пастухов мелкого рогатого скота.

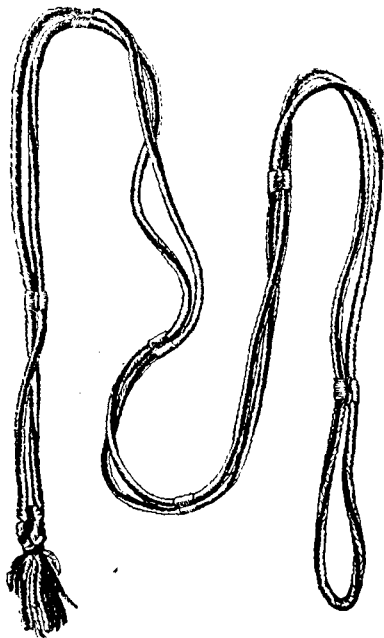

Рис. 2. Вербка пастуха. Колл. МАЭ № 3993-256

В их числе имеются и туркмены. В колхозе им. Жданова на ферме мелкого рогатого скота боят только белуджи. Доярки, приезжающие на период доения овец, также только из белуджских женщин. На фермах крупного рогатого скота доярки разных национальностей: таджики, русские, но белуджских женщин среди них нет. «Сучи» (туркм. сувчы — водовозы), наблюдающие в песках за колодцами, стоящие из них воду для скота, — только из белудж. Свиноводами работают в колхозах преимущественно русские. Механики, плотники, строители, кузнецы — тоже русские, хотя и белуджи, и таджики, и берберы постепенно осваивают эти специальности. В пчеловодстве заняты русские, таджики, туркмены.

Не только в хозяйстве, но и в быту белудж и в их материальной культуре за 29 лет со времени сбора у них Среднеазиатской этнологической экспедицией АН СССР полевых материалов и предметов быта произошли большие изменения. Коренной переворот в хозяйстве, т. е. переход к земледелию на значительно более высоком агротехническом уровне и в значительно больших масштабах, чем это было у единоличников, а также к организованному колхозному животноводству, и вызванный этим переход к оседлости повлекли за собою изменения как в домашнем быту, так и в материальной культуре белудж. Основное, что бросается в глаза по сравнению с прошлым, это материальное довольство и обустроенный им отход от примитивного, полуномадного образа жизни, характерного для белудж 30 лет назад. Материальное довольство выражается

в с одной стороны, в широком проникновении в домашнюю жизнь белудж предметов убранства жилища, а также одежды, обуви, утвари, пищи, в большом количестве покупаемых в магазинах, и, с другой стороны, — в более богатом оформлении и изобилии изделий традиционных домашних производств, которые белуджи еще сохраняют в условиях интонационального окружения.

Еще около 30 лет назад белуджи не умели строить глинобитных домов. Наиболее распространенным жилищем основной массы белудж был особая типа шатер «гедан» с крышей из плотной грубой темно-коричневой тканью из козьей шерсти (рис. 3). Шатры подобного типа распространены широко в Афганистане, Иране, Белуджистане и в других странах¹⁴. Зимой белуджи жили в полуземлянках, крытых грубыми ивовыми циновками, обмазанными глиной. Часть белудж жила зимой в примитивных глинобитных однокамерных домах или полуземлянках, построенных местными жителями — персами.

В настоящее время колхозники-белуджи живут в добротных просторных домах, сложенных из пахсы или сырцового кирпича колхозной строительной бригадой (рис. 4) или специалистами-строителями, приглашаемыми из города. Дома отапливаются дровяными печами. Во внутреннем убранстве их, наряду с повсеместным проникновением различных предметов городского обихода, радиоприемников, портбелудж, вешалок, электрических ламп и других вещей, сохраняется национальный колорит. Трехкамерные дома состоят из двух комнат, расположенных по обеим сторонам сеней: правая и левая.

¹⁴ Русско-туркменский словарь, под общей редакцией Н. А. Баскакова и М. Я. Зайцева, М., 1956, стр. 75.

¹⁵ Описание гедана см. в указ. работе Я. Р. Винникова, стр. 91—92.

назначается большей частью для гостей (как прежде в гедане правая сторона), а комната слева является жилой и хозяйственной частью дома (как в гедане левая сторона). Жилую комнату называют «гиса» (что по-белуджски означает и комнату, и весь дом в целом). Для сеней особого названия в белуджском языке нет. Иногда их называют «талладур» — явно от русского «коридор». В комнате для гостей у стены напротив входа, т. е. у правой торцевой стены дома, находится, как и в гедане у правой стенки, «бармук» — сложенные в высокую грудку на деревянном настиле «тахтук» кошмы, ковровые хурджины, одеяла, подушки и прочие мягкие домашние вещи (рис. 5). В жилой

Рис. 3. Гедан — кочевое жилище белуджей. Фото МАЭ, № 4060-196, 1929 г.

Рис. 4. Дом для нескольких семей в колхозе им. Куйбышева

мнате против входа в нее также сложен бармук из кошм, одеял и подушек, находясь в постоянном употреблении. Если прежде два бармука — один, больший по размерам, более богатый и нарядный справа, и другой, более скудный и поношенный слева, — были отличительным признаком самых богатых, обычно ханских геданов, то теперь два бармука имеют многие колхозники.

Бармук складывается и украшается в обычной белуджской национальной манере. На деревянном настиле кладут большой узорчатый палас, выдержанный в темной кобальто-красной гамме, причем один край паласа свисает до пола, закрывая подпорки стила. Край ковровых хурджинов и подушек, обращенные в комнату, как и прежде, расшнурованы морскими раковинами, некогда привезенными из Афганистана. Иногда на

новые хурджины и подушки нашивают вместо раковин ряд белых изоляционных ков, что в целом сохраняет общий нарядный колорит бармука. Над бармуком навешивают продолговатую полоску-аппликацию или полосу пестрой ткани. Пол устлан цветными кошами, иногда ковром. У левой стены подвешивается кош. Сумки для мелочей развешивают на стенах дома, как бывало на подпорках. Однако наличие сеней вызвало перемещение в них части домашней работы и ственной утвари: посуды, принадлежностей для печения хлеба, мешков с мукой, зерном, кожаных сосудов с маслом и другими продуктами, различных мелких предметов, хранившихся прежде под бармуком. В сенях все это располагается обычно на деревянных досках, опорой которым служат кирпичи, или на деревянных ящиках, причем в их размещении наблюдается известный порядок. Иногда можно видеть здесь русский кухонный шкафчик. В нем держат столовую и чайную посуду.

Рис. 5. «Бармука» — сложенные на возвышении одеяла, подушки и прочее.

Летом часть белуджей по-прежнему живет в геданах. Весной, когда жить в геданах еще холодно, геданы, поставленные возле дома, используются для установки ткацких станков, на которых женщины выделывают ковровые хурджины и подушки.

До сих пор у старшего поколения белуджей бытует традиционный мужской костюм, состоящий из рубахи «джамаг», штанов «шалвар», сшитых из белой хлопчатобумажной ткани, безрукавки «воскат» из темной ткани и чалмы «лингута», преимущественно белого цвета. Для молодых и среднего возраста мужчин шьют рубаху стоячим прямым воротником и прямым разрезом на груди, застегивающимся на пуговицы (рис. 6, а). Стан рубахи делается из цельного куска ткани, сложенного пополам по утку (без плечевого шва); к нему пришивают рукава и боковые клинья, идущих вдоль стана (по 15—16 клиньев с каждой стороны) и расширяющих бока рубахи, отчего она сильно расширяется книзу. Широкие рукава, суженные у плеча в мелкие складки, суживаются к запястьям и заканчиваются обшивкой. Ворот, приполок и обшлага вышиты машинным швом черными и белыми хлопчатобумажными нитками или гладью цветным шелком. Под верхнюю часть рубахи подается подоплека.

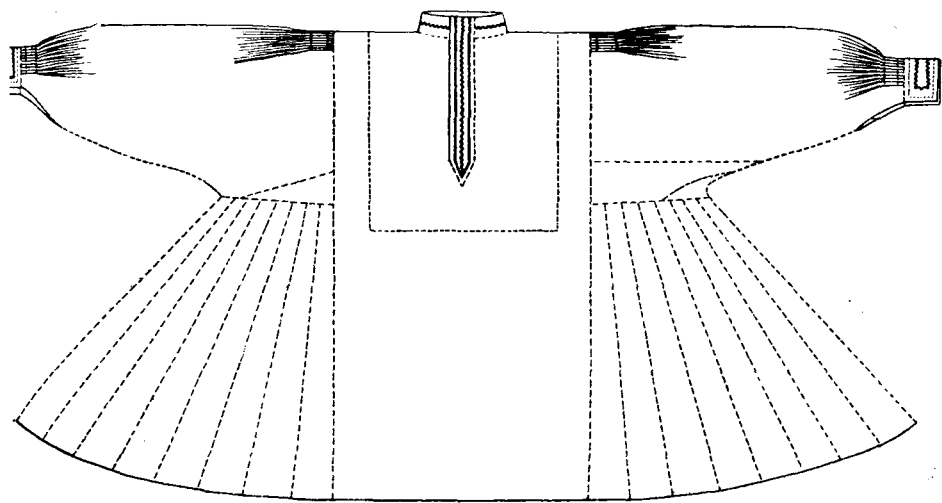
Пожилые мужчины носят рубахи в основном такого же покроя, но с меньшим количеством клиньев и имеющие закругленный на шее вырез и небольшие разрезы вдоль плеч, застегивающиеся на две пуговицы. Вырез и разрезы на плечах, а также нижний край рукава обшивают тонким витым шнурком из черных и белых ниток.

Свадебная рубаха «джамаг чильтриза» обильно вышивается и имеет очень рядный вид (рис. 9). У мужчин средних лет костюм большей частью смешанный: штаны белуджского покроя сочетаются с покупной рубашкой и пиджаком; пиджаком нередко носят и белуджскую рубаху (рис. 8). Молодежь в большинстве носит одежду, покупаемую в магазинах. Обувь обычно — фабричная, старики же носят туркменскую кожаную обувь, покупаемую на базарах.

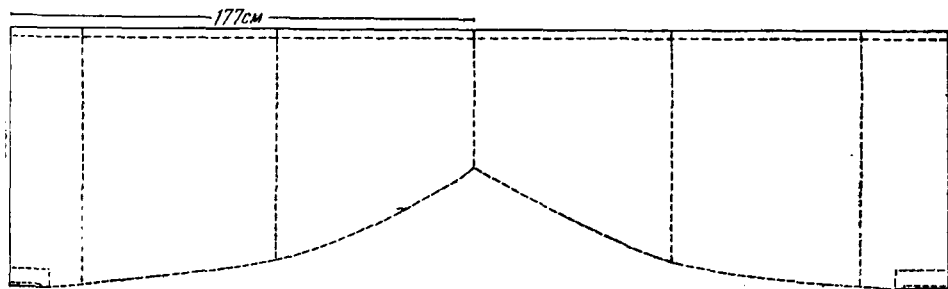
Наиболее распространенным мужским головным убором служит круглая капыз, левая шапка-ушанка, несколько расширяющаяся сверху. Такие шапки распространены по всей Туркмении. Старики нередко носят чалму, муллы носят ее в обязательном порядке.

В среде колхозной интеллигенции (председатели, бухгалтеры, заведующие фермами, агрономы, учителя, врачи) распространены костюмы военного образца: брюки галифе и гимнастерка цвета хаки, иногда с коричневатым оттенком, а также коверкотовые и драповые пальто, кашне. Головной убор — та же туркменская шапка, но из высоко-сортного серого или золотистого каракуля. Встречаются и кепки, покупаемые в магазинах.

Женщины целиком сохранили национальный костюм: штаны «шалвар» и надеваемую поверх них рубаху-платье «джамаг». Произошли, однако, некоторые изменения в покрое одежды. Штаны старого покроя представляли собою как бы две широкие

а

б

рис. 6. Покрой национальной одежды белуджей: а — повседневной мужской рубахи; б — женских штанов

прямые юбки, сшитые между собою в верхней части. У пояса они стягивались на поддержку шерстяным шнурком и внешне имели вид широкой сборчатой юбки. Такие штаны носят теперь мало, они сохранились в качестве составной части праздничной одежды. Сейчас женщины носят большей частью штаны такого же покроя, как и мужчины (рис. 6, б). Шьют женские штаны из цветного ситца или сатина.

Изменился и покрое женской рубахи. Прежде она состояла из прямого полотнища, согнутого вдвое на плечах и спускающегося спереди и сзади, образуя перед и спинку, по сторонам которых вшивались рукава и идущие книзу клинья, составляющие бока. Ворот был вырезан по шее, от него шел вертикальный разрез посередине груди, обшитый тесьмой или отделанный узенькой вышитой полоской. У современной женской рубахи (рис. 7) перед подрезается горизонтально на расстоянии 26—30 см от плеча, образуя грудку. К этой грудке, сплошь расшитой на машинке разноцветными шелками, пришивается низ переда, состоящий из двух полос ткани и собранный вверху в мелкие сборки, прошитые шелковыми нитками. Бока и суживающиеся книзу рукава вшивают так же, как и при прежнем покрое. К вороту пришит узенький прямой стоячий ворот-

ник, застегивающийся на небольшую пуговицу. Иногда женщины носят и рубах рого покроя, но, за исключением старух, расшивают их вокруг ворота и разг груди. Шьют рубахи из цветной хлопчатобумажной ткани, иногда, как и преи узором цветами и букетиками, но чаще гладкой. Любимые цвета зеленый и кр Праздничные рубахи шьют из шелковых тканей. Большое распространение по среди белуджских женщин покупаемые в магазинах вязаные жакеты.

Основное, что отличает современный женский костюм от прежнего, это общи рядность, богатство вышивки на рубахе, чистота и новизна всей одежды (рис. 1). Большинство женщин и девушек имеют теперь не одно платье, как прежде, женщина носила его до тех пор, пока оно не придет в полную ветхость, а два, а даже больше платьев: отсюда возможность часто менять их.

Головной убор как женщины, так и девушки состоит из двух платков и покрыва. Нижний цветной платок «чаргат» набрасывается на голову так, что один угол

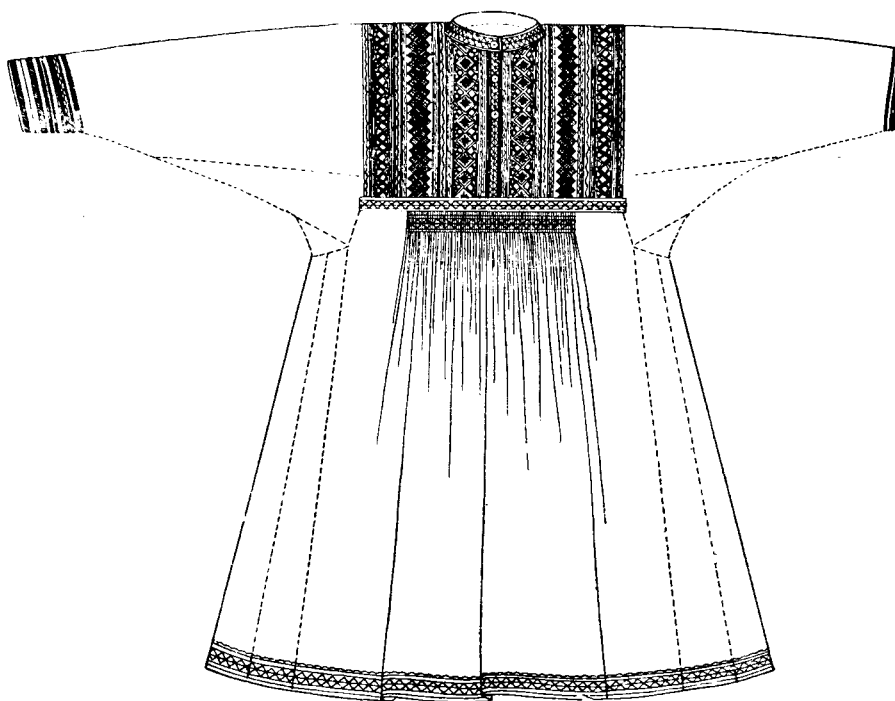

Рис. 7. Белуджская женская рубаха-платье. Колл. МАЭ, № 3993

подгибается и сгиб проходит над лбом. Сверху вдоль лба повязывается вокруг гол небольшой, сложенный жгутом черный шелковый платочек «пати». Поверх этих платков женщины, девушки и даже маленькие девочки накидывают выкроенное в полукруга светлое ситцевое покрывало — «чадыр», ниспадающее сзади и с боков земли (рис. 11). Девочки теперь часто ходят без покрывала, но женщины и девушки и сейчас носят его постоянно, не расставаясь с ним и при полевых работах.

Существует определенный способ повязывания покрывала при работе в поле: покрывая голову, оно спускается на спину, затем края его проходят вперед под мышками, оставляя свободными руки, а концы перекидываются спереди на талии один за другим. Девочки теперь часто ходят без покрывала, но женщины и девушки и сейчас носят его постоянно, не расставаясь с ним и при полевых работах.

Существует определенный способ повязывания покрывала при работе в поле: покрывая голову, оно спускается на спину, затем края его проходят вперед под мышками, оставляя свободными руки, а концы перекидываются спереди на талии один за другим. Девочки теперь часто ходят без покрывала, но женщины и девушки и сейчас носят его постоянно, не расставаясь с ним и при полевых работах.

Украшения преобладают белуджские, но в большом количестве проникли сюда туркменские. Из ассортимента украшений, продаваемых местной торговой сетью, они носят пластмассовые желтые бусы.

Одежда девушек отличается от женской лишь более светлыми тонами; прич девушки носят иную, чем женщины. Те и другие расчесывают волосы на прямой бор и заплетают сзади в две косы, но молодые женщины, кроме этого, подрезают виски по бокам щек в виде длинных прядей, называемых «чатр».

Одежда девочек повторяет костюм взрослых девушек, но проще по фасону и отделке.

Пища белуджей в основном осталась прежней по составу, но стала гораздо обильнее. Кроме того, в пищевой рацион входят новые, не бывшие прежде в употреблении продукты. Так, в обычную белуджскую мясную похлебку «атук» добавляют макароны, картофель, помидоры. На современном белуджском дастархане часто можно видеть фабричного изготовления печенье, обильным стало потребление сахара и конфет. Самым существенным отличием от прежнего является изобилие хлеба, которого раньше у рядовых белуджей было совсем мало. Хлеб пекут большей частью в гандуре (рис. 13).

Бросается в глаза значительный прогресс в отношении гигиены. Белуджские женщины аккуратно убирают свои дома, особенно комнату для гостей, часто стирают одежду.

В заключение следует сказать об изменениях в духовном облике белуджей, что связано с новыми культурными условиями и с проникновением в их среду образования. Белуджи получают среднее образование на туркменском языке, что дает им возможность продолжать образование в специальных и высших учебных заведениях. В каждом колхозе есть школа семилетка или десятилетка. Начальные школы имеются и в некоторых поселках колхозных бригад. Учатся все мальчики и девочки школьного возраста, однако девочки в подавляющем большинстве только в младших классах, причем по мере перехода из класса в класс девочек-белуджек становится все меньше. Причиной этого является еще не изжитое отрицательное отношение к женскому образованию. Мальчики нередко оканчивают среднюю школу, а затем какие-нибудь учебные заведения — курсы, техникумы в Мары или в Ашхабаде по нужным для их колхозов специальностям (трактористов, шоферов, сортировщиков шерсти или каракуля, бухгалтеров и т. д.). Как правило, в белуджских колхозах большая часть работников этих специальностей — белуджи, так же как и учителя начальных школ. Окончившие школу, курсы или техникумы хорошо говорят и пишут по-туркменски, иногда и по-русски. В каждом колхозе есть своя трудовая белуджская интеллигенция. Из специалистов-белуджей, выращенных советской властью, колхозным строем, следует назвать, например, председателя колхоза им. Куйбышева Туркмен-Калинского района Ширмамеда Шабазова, имеющего образование бухгалтера (рис. 14). Он — коммунист, пользуется большим авторитетом у колхозников и поддержкой партийных и советских организаций района.

Среди белуджей имеются специалисты с высшим образованием (например, начальник госпиталя инвалидов Отечественной войны в Мары — врач-белудж Ханмамед Шахмурадович Джанмамедов).

Распространение образования наряду с плодотворным и доходным трудом в колхозах изменило внутренний облик белуджей, расширило их кругозор. Переселившиеся из Афганистана белуджи за редким исключением являются сейчас гражданами СССР, так как лица, родившиеся после 1937 г., — советские граждане, а белуджи старше этого возраста в большинстве также приняли советское гражданство. Это уже не прежние нищие, оборванные, забитые белуджи, всегда готовые гнуть спину перед властью имущими, а свободные, жизнерадостные, трудолюбивые советские колхозники.

Среди колхозников-белуджей имеются члены КПСС и кандидаты, много комсомольцев. Женщин — членов партии и девушек-комсомолок в 1958 г. еще не было, но вовлечение их в активную общественную жизнь — дело ближайшего будущего. В беседах с нами белуджи говорили: «Ма хаммо бачан совет» (мы все дети советов), указывая, что жизнь белуджей в Туркмении стала очень хорошей, что в Афганистан теперь «палками никого не прогоняешь».

Все же в семейно-бытовом укладе белуджей наблюдается меньше прогрессивных изменений, чем в хозяйстве и культурной жизни. За девушку, по старинному обычаю,

Рис. 8. Пожилой белудж в повседневной одежде

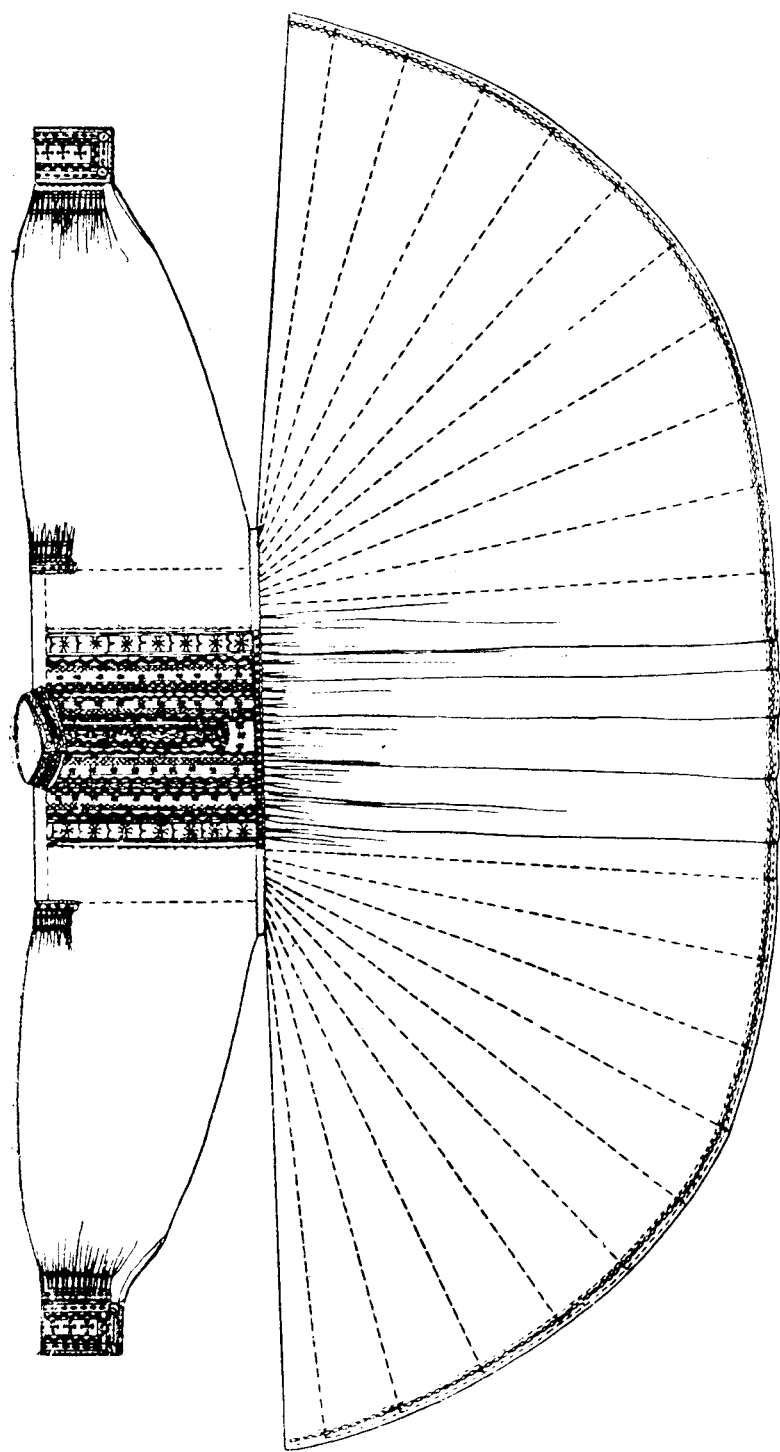

Рис. 9. Мужская праздничная рубаша белужей

Рис. 10. Девушка-белуджка в национальном костюме. Колхоз им. Куйбышева

Рис. 11. Девушка в покрывале «чадыр». Колхоз им. Жданова

Рис. 12. Способ повязывания покрывала во время работы в поле. Колхоз им. Жданова

Рис. 13. Печение хлеба в тандуре туркменского типа. Колхоз им. Куйбышева

Рис. 14. Председатель колхоза им. Куйбышева Ширмамед Шабазов у колхозной автомашины

уплачивается калым (лаб), причем он в условиях зажиточной жизни стал даже больше, чем прежде. Девушка, как и раньше, должна выходить замуж за юношу, предназначенного ей группой старших родственников. Иногда даже родители не могут противиться их решению. Свободный выбор девушкой мужа преследуется и грозит ей общественным осуждением.

Однако и в этом отношении наблюдается известный прогресс. В колхозе им. Калинина Йолотанского района молодой колхозник полюбил девушку, предназначенную другому юноше. Он пытался уговорить ее старшего брата, являвшегося главой семьи, отдать ее за него, но не получил согласия. Тогда он и отвечавшая ему взаимностью девушка ночью убежали в другой поселок. Брат девушки грозил убить обоих, но председатель колхоза Саид-ага, старый член партии, уговорил его не приводить в исполнение своей угрозы и добился примирения сторон. Нет сомнения, что роль девушек и женщин в колхозном производстве и постепенная разъяснительная работа партийных и советских организаций обеспечат им дорогу к просвещению и подлинному равенству в быту.

Перемены в хозяйственной и культурной жизни белуджей являются яркими показателями контраста между жизнью белуджей в Советском государстве и полунищенскими условиями их существования за рубежом. Быстро двигаясь вперед к прогрессу и зажиточной жизни, испытывая постоянное влияние как туркменского, так и русского народа, они все же и в условиях инонационального окружения сохраняют национальное своеобразие. Нет сомнений, что небывалый в истории расцвет советской экономики в результате выполнения утвержденного XXI съездом КПСС семилетнего плана развития народного хозяйства СССР даст новый толчок росту благосостояния и дальнейшему развитию национальной культуры белуджей, как и других национальных меньшинств советской Средней Азии.

А. И. МУХЛИНОВ

В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

(Этнографические заметки)

Как уже сообщалось¹, в конце 1958 — начале 1959 г. сотрудники Института географии АН СССР С. А. Арутюнов и автор настоящей заметки совершили поездку в Демократическую Республику Вьетнам. Срок нашего пребывания во Вьетнаме определен в три месяца. Программа, разработанная для нас вьетнамскими товарищами, предусматривала не только ознакомление с научными организациями Республики и полевую этнографическую работу в различных районах страны. Это обязало нас продумать и наметить соответствующие темы, планы и вопросы.

В Демократической Республике Вьетнам этнография лишь недавно выделилась в самостоятельную отрасль исторической науки. Все же за годы, прошедшие со окончания войны Сопrotивления, достигнуты определенные успехи в области этнографического изучения народов Вьетнама.

Основным учреждением Республики, где разрабатываются вопросы этнографии, является Комитет по делам национальных меньшинств, созданный в 1955 г. при президентстве ДРВ и осуществляющий свою деятельность под непосредственным руководством Партии Трудящихся. Комитет состоит из нескольких бюро: общих, промышленности, администрации, экономики, консультативного бюро, в задачи которого входит подготовка законопроектов по делам национальных меньшинств, бюро образования и культуры, а также бюро истории и языка². С 1957 г. стал выходить орган Комитета — журнал «Зан Ток» («Нация»), освещающий современную жизнь народов Вьетнама. Комитет проводит обширную работу по изучению истории, общественно-экономических отношений и языков малых народностей Республики с целью проведения дальнейших социальных преобразований и создания новых автономных районов.

С 1954 г. основным научно-исследовательским центром в области общественных наук был Комитет по исследованию литературы, истории и географии. В настоящее время он реорганизован, и на его базе созданы Институт истории с этнографическим и археологическим отделениями, Институт литературы и Географический факультет при университете. В журнале Комитета — «Ван Шы Дья» (Литература, история и география) публиковались статьи по различным проблемам этнографии, в частности о характере первобытно-общинного строя на территории Вьетнама, о системах обработки земли, о языках народов тай, мьянм и др. Теперь журнал издается Институтом истории под названием «Нгьен Кыу Лить Шы» (Исторические исследования).

Большую работу проработали вьетнамские ученые по преобразованию бывшего музея Луи Фино в Музей истории Вьетнама. За короткий срок его сотрудники создали экспозицию, наглядно показывающую богатую многовековую культуру народов Вьетнама в ее историческом развитии. В этнографическом отделе экспонаты по современному быту и культуре собственно вьетнамцев (так называемых кинь) пока отсутствуют, но в дальнейшем предусматривается расширение этого отдела. В январе 1959 г. в Ханое открылся второй крупный музей — Музей революции. Здесь представлены богатейшие материалы, архивные документы и оружие за период с момента зарождения национально-освободительного движения в конце XIX в. по настоящее время. Особно интересны разделы, посвященные образованию Коммунистической партии Вьетнама и ее борьбе против колонизаторов и внутренней реакции.

Очень ценным для нашей дальнейшей работы среди местного населения является ознакомление с этнографической литературой, хранящейся в Центральной и Национальных библиотеках. Фонды Центральной Ханойской библиотеки составляют 260 тыс. томов, не считая периодических изданий. Ежедневно ее посещают 500—600 чел., при этом

¹ См. С. А. Арутюнов, Поездка во Вьетнам, «Сов. этнография», 1959, № 1.

² Входившее раньше в Комитет бюро этнографических исследований в сентябре 1959 г. преобразовано в этнографическое отделение Национального института истории Вьетнама.

ственно студентов, преподавателей и работников партийного и государственного аппарата. Имеется абонемент для выдачи книг на дом (20 тыс. томов). Библиотеку обслуживают 46 сотрудников, работающих посменно с 9 часов утра до 9 часов вечера. Центральная библиотека ведет книжный обмен с рядом социалистических стран, в том числе и с СССР (к сожалению, только с библиотекой имени В. И. Ленина). Из Советского Союза уже получено около 7 тыс. книг и журналов. Однако среди довольно большого количества литературы, поступающей из СССР, ко времени нашего пребывания во Вьетнаме не было ни одного тома или периодического издания этнографического профиля, в частности и журнала «Советская этнография».

Научная библиотека (бывшая библиотека Французской школы Дальнего Востока — l'École Française d'Extrême Orient), имеющая 90 тыс. томов и специальную этнографическую фототеку, еще не была открыта для общего пользования. Она вплоть до 1957 г. оставалась под контролем французов. Сейчас дирекция библиотеки занимается общей перестройкой работы, приведением в порядок ее фондов и каталогов, в значительной степени опустошенных французскими оккупантами. В дальнейшем планируется превратить ее в фундаментальную библиотеку с отделениями общественных и естественных наук. Хранилища библиотеки содержат богатое собрание научной литературы на восточных и европейских языках, а также архивные материалы, представляющие огромный научный интерес для историка и этнографа, специализирующегося по вопросам Восточной и Юго-Восточной Азии. Работа в библиотеках помогла нам уточнить границы расселения вьетнамцев и национальных меньшинств, степень их изученности, что позволило конкретизировать основные задачи нашего исследования материальной и духовной культуры народов Северного Вьетнама.

В конце октября 1958 г. мы посетили Центральную школу по подготовке национальных кадров и Педагогическое училище национальных меньшинств, расположенные в окрестностях Ханоя. В Центральной школе учатся представители пятидесяти национальностей (свыше тысячи человек). В большинстве это люди пожилого возраста, активно участвовавшие в борьбе против колонизаторов и восстановлении народного хозяйства страны. Мы ознакомились с учебными и жилыми помещениями, распорядком дня, программами преподавания и провели опрос нескольких групп учащихся. Особенно ценный этнографо-лингвистический материал был получен в беседах с представителями народов, населяющих плато центрально-южного Вьетнама: эде, бапар, седан, джарай и др. По нашей просьбе учащиеся составили письменные ответы на вопросы относительно их прежнего местожительства, расположения деревень, конструкции жилищ, орудий труда, предметов домашнего обихода, различных обрядов, обычаев и т. д. Многие очень искусно выполнили рисунки и чертежи, которые приложили к своим справкам. Энтузиазм, серьезное и вдумчивое отношение к делу, желание помочь советским этнографам красноречиво свидетельствовали о глубоком политико-воспитательном значении обучения национальных кадров в этих школах.

В соответствии с программой мы несколько дней ознакомились в окрестных деревнях и пригородах Ханоя с ремесленными производствами и мелкими частнокапиталистическими предприятиями. На фабрике по изготовлению картона нас принял и дал ответы на интересовавшие нас вопросы один из трех ее владельцев-акционеров. Территория фабрики занимает около 100 м². Под деревянными навесами, окружающими утрамбованную земляную площадку, установлено простейшее оборудование для размола сырья (сопсы и макулатуры), отстойники и котлы для варки рисового клея. Двадцать рабочих ежедневно изготавливают до 600 листов картона размером 100×70 см. Согласно государственному законодательству рабочий день длится восемь часов. Прибыли акционеров контролируются правительством и соответственно облагаются налогом.

Неподалеку от фабрики расположено несколько кооперативов по производству бумаги. Сырьем служит кора дерева «зо», доставляемая из горных районов страны. Все оборудование, кроме печей, находится под легкими бамбуковыми навесами, защищающими рабочих от дождя и солнца. Процесс выделки бумаги начинается с замачивания коры в небольшом водоеме. Спустя сутки (или в прохладную погоду несколько больше) от размяченной коры отдирают луб, который идет на приготовление лучших сортов бумаги. Отсортированные кору и луб загружают в глиняные чаны с известковым раствором и варят в течение нескольких часов. Воду выпускают через отверстие внизу чана, а бумажную массу извлекают и пропускают через плетеные из бамбука сита. Влажные листы бумаги кладут под пресс для отжима воды. Затем бумагу сушат, накладывают листы на гладкие стены горячей глиняной печи. Готовую продукцию сдают на государственный скупочный пункт по твердому ценам.

Мы посетили деревню Бат-чанг, население которой в основном занимается производством кирпича (рис. 1), гончарных изделий и их продаж. Керамические изделия из Бат-чанга славятся на весь Северный Вьетнам. Здесь производят преимущественно предметы, пользующиеся наибольшим спросом у населения: глиняные чайники и чашки под рис. Кооперативное движение охватило и эту ремесленную деревню. В 1957 г. здесь был организован кооператив, в который вошли 30 человек; материальной основой его явилось оборудование и имущество помещика, бежавшего в годы войны Сопровращения на юг. Наглядным показателем преимущества кооперированного труда по сравнению с трудом мелких собственников и наемных рабочих служит рост доходов каждого члена кооператива. Специально избранный комитет из трех рабочих делит доходы в соответствии с количеством и качеством труда. Кооператив имеет шестика-

мерную печь для обжига изделий, 24 гончарных круга, системы цистерн для замешенной глины и для приготовления глазури. Что касается большинства предпринимателей, то они не имеют собственных печей и вынуждены за довольно высокую плату брать их в аренду на время обжига у владельцев. Нам удалось дать почти весь цикл производства чашек, начиная с замеса глины и кончая укладкой сырых чашек в печь. Интересно, что конструкция дробилки для размола спека (прокаленный известняк, зола и полевой шпат), из которого вырабатывают зурь, в точности совпадает с конструкцией крупорушки. Это является еще одним подтверждением того, что ремесленное производство в процессе своего развития постоянно связано с сельским хозяйством и опиралось на его материальную базу.

Из 24 млн. собственно вьетнамцев, обитающих в обеих частях Вьетнама, 90% занято сельским хозяйством (в основном — сеянием риса). Поэтому по

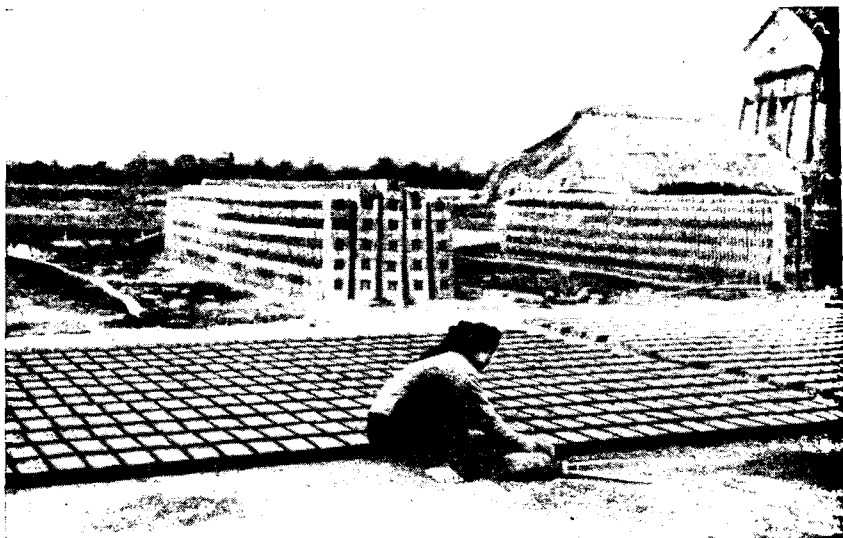

Рис. 1. Производство кирпича в окрестностях Ханоя

в один из рисопроизводящих районов — уезд Кинь-мон провинции Хай-зыэнг была намечена важная для осуществления намеченной программы нашей работы. Целью поездки была деревня Хьеп-ан, расположенная на берегу полноводного притока р. Кра. Как и большинство деревень, она окружена сплошной стеной бамбуковых зарослей, которые защищают жилища от ветров. Хьеп-ан состоит из одного поселка — «тх» — одиннадцати кварталов — «ксом». Каждый ксом имеет свое название и старосту, который проводит в жизнь решения деревенского административного комитета. В Кинь-моне вместе со всеобщими выборами в Национальное собрание Республики жители деревни избирали Народный Совет, который в 1953 г. был преобразован в постоянный Административный комитет, руководящий всей хозяйственной и общественной жизнью деревни. В своей работе комитет опирается, с одной стороны, на помощь партийной организации уезда, а с другой, — на молодежный актив деревни.

После проведения аграрной реформы в 1956 г. в экономике и социальной структуре деревни произошли существенные перемены. Уменьшилась прослойка богатых, ликвидировано батрачество, безземельные и малоземельные крестьяне получили землю, окрепли середняки. В середине 1958 г. из 653 семей 34 объединились в производственный кооператив, а более 500 — в группы взаимопомощи. Активную работу по вовлечению крестьян и вовлечению их в группы взаимопомощи проводят районные низовые организации, в том числе — Отечественного фронта, Крестьянского союза, Союза молодежи и Женского союза. Используя опыт китайских товарищей, крестьяне значительно повысили урожайность полей. Если до революции урожай риса пятой луны составлял 1,8 т с одного гектара, а урожай десятой луны — 2,2 т³, теперь собирают соответственно 3,3 т и 3,6 т риса с гектара. Путем внедрения агротехники, в частности, уменьшения размеров междурядий, планируется в

³ Во Вьетнаме издавна пользовались, а в деревнях и поныне пользуются даже китайским лунным календарем, в котором порядковые числа месяца в основном совпадают с общепринятым солнечным календарем. Рис пятой луны сеют в мае и убирают в мае — июне, рис десятой луны сеют в июне и убирают в октябре — ноябре, получая, таким образом, два урожая в год.

В будущем довести урожайность до 13 т с гектара. По инициативе Центрального Комитета Партии Трудящихся был проведен ряд мер по упорядочению налоговой плки, что благоприятно сказалось на улучшении материального положения многокрестьянских семей.

В провинции Хай-зыэнг, как, впрочем, и во многих других провинциях дельты Красной, полевые работы ведутся в течение всего года. В то время, когда на полях зреет осенний урожай, на специальных небольших участках размером до 50 м², сеют рис для рассады. Приносят его на участок в больших корзинах на коромысле (рис. 2). Предварительно участок удобряют, пашут на глубину 12—13 см, затем заливают слоем воды в 10—15 см и боронуют. Рассада растет довольно быстро: уже через пять дней ростки семян, разбросанных крестьянином прямо на поверхность земли, без последующего боронования или засыпки, достигают 7 см, а через 20 дней — 18 см. Пока рассада

Рис. 2. Вьетнамская крестьянка несет на коромысле «гань» — корзины с рисом для посева рассады

растет, на основных полях собирают осенний урожай и после жатвы сразу же обрабатывают их под новый, весенний, урожай. В апреле рассаду переносят на поля, и рабочий цикл начинается снова.

Иногда среди колосающегося риса, вспаханных или залитых водою полей можно видеть небольшие холмики, заросшие травой. Это могилы крестьян, некогда владевших небольшим участком земли и по старинному вьетнамскому обычаю похороненных на этом участке.

Вьетнамские деревни на равнине расположены, как правило, у дорог, рек или у подножья небольших скалистых гор, поросших деревьями и кустарником. Планировка селений различна в зависимости от их местоположения, но везде заметно стремление крестьян строить жилые и хозяйственные помещения компактно, с расчетом оставить как можно больше места для рисовых полей. Преобладающим типом крестьянской усадьбы является квадратный участок, застроенный по трем сторонам.

Вьетнамцы строят дома прямо на земле, без фундамента. Стены сложены из глины, крыши двускатные, из бамбуковых жердей, на которые настилают бамбуковую драпку или солому. Дом, прямоугольный в плане, состоит из одной комнаты. Пол земляной, плотно утрамбованный, несколько выше уровня дворовой площадки. Внутреннее убранство несложно: прямо против входа у стены находится алтарь предков в виде полочки или невысокого шкафчика. Перед ним — небольшой стол и скамьи. В одном из углов комнаты — низкая деревянная кровать-топчан, покрытая плетеной из бамбука циновкой. В другом углу обычно расположены крупорушка и плетеные корзины с очищенным и неочищенным рисом.

В отличие от других национальностей вьетнамцы готовят пищу не в жилом помещении, а на кухне, находящейся под одной крышей с хлевом. К надворным постройкам примыкают небольшой огород и садик. Границами усадеб служат либо бамбуковые изгороди, либо насаждения кактусовых растений и бамбука.

На открытом месте, возле дороги, ведущей в деревню, или в центре ее, стоит общинный дом — «динь» (рис. 3). До Августовской революции 1946 г. в общинном доме происходили собрания старейшин деревни и религиозные церемонии, посвященные духу-

хранителю деревни, алтарь которого помещали непосредственно в день или в каком-нибудь небольшом храме возле общинного дома. Сейчас весь этот комплекс помещений используют для проведения общедеревенских собраний и школьных занятий.

Как удалось выяснить в беседе с одним из старейших жителей, вице-президентом ячейки Отечественного фронта, деревня Хьеп-ан представляла собой пример общины, где под влиянием развития товарно-денежных отношений разобщенных институтов зашло настолько далеко, что они сохранились лишь номинально. Из 350 мау (1 мау — около 0,3 га) земель, находившихся в пользовании деревни, только 3 мау считались общинными. Продукт с общинных земель шел исключительно на поддержание культа духа-хранителя, содержание и ремонт пагоды и общинного склада. Подавляющее большинство крестьян не имело пахотной земли и было вынуждено арендовать ее у помещиков. В этой деревне от существовавшей в прошлом

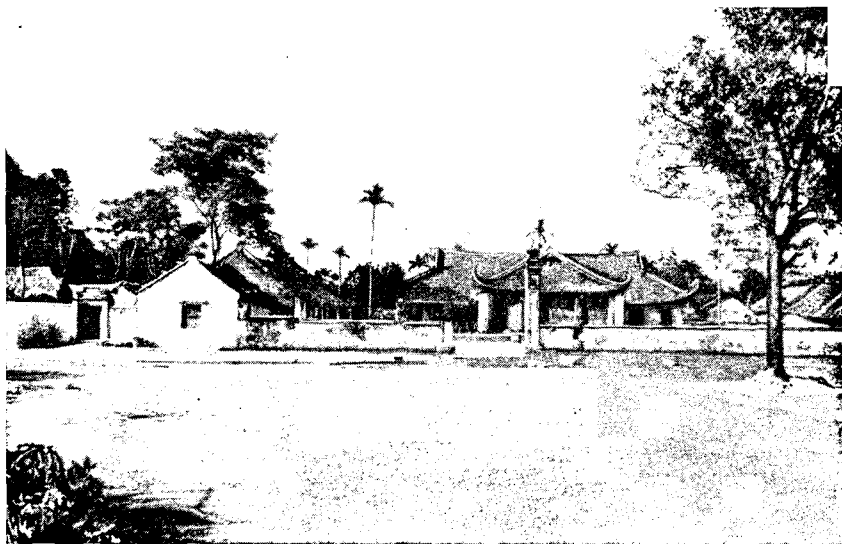

Рис. 3. Общинный дом и пагода в дер. До-фук

общины сохранялись лишь общинные религиозные празднества, общественные работы и коллективная ответственность за уплату налогов.

Однако в этом же уезде имелись деревни, довольно прочно сохранявшие общинную организацию. Так, в деревне Ксюен 800 мау земли периодически каждые три года распределялись между жителями, внесенными в списки общины, в возрасте от 16 до 60 лет. В общине имела место предпочтительная продажа земли — покупателями могли быть только члены этой же общины.

Процесс разложения общины и превращения помещичьих хозяйств в мелкокрестьянские был связан с прямым захватом общинных земель. Этот захват осуществлялся различными путями: в одних случаях помещики при распределении земли добивались, чтобы общинные участки примыкали к их владениям, а затем захватывали эти участки в собственность; в других случаях, когда нужно было строить или монтировать храм и требовались для этого деньги, помещики вынуждали крестьян продавать общинные земли непосредственно им самим или подставным лицам. Тем самым путем земля, принадлежавшая коллективу, становилась частной собственностью крупных землевладельцев.

Не менее интересны материалы по духовной культуре и семейно-брачным отношениям вьетнамцев, собранные в сельских районах провинции Хай-зыэнг. Путем опроса местных жителей удалось проверить и уточнить данные литературы относительно семьи, свадебных, родильных и похоронных обрядов, гражданских и религиозных праздников и т. д. Так, например, нам рассказали, что та форма семьи, при которой женатые сыновья жили вместе с родителями и отец имел неограниченное право на жизнь и имущество, существовала примерно четыре поколения назад, т. е. во второй половине XIX в. Многочисленные свидетельства опровергают утверждения некоторых буржуазных этнографов о застойности семейно-брачных отношений и сохранении патриархальной семьи у вьетнамцев вплоть до начала XX в.

Переустройство быта и культуры трудящихся деревни неразрывно связано со строительством основ социализма в Демократической Республике Вьетнам. Вьетнамские крестьяне, до революции поголовно неграмотные, лишенные элементарных политических прав, сейчас активно участвуют в трудовой и общественной деятельности.

не раз приходилось присутствовать на общих собраниях крестьян, где обсуждались вопросы повышения урожайности, внедрения новых агротехнических методов обработки полей, ликвидации неграмотности и улучшения политического образования. Мероприятия центрального правительства и местных властей по устранению вредных пережитков прошлого пользуются широкой поддержкой населения. Так, прежде во время деревенских религиозных праздников крестьянин был вынужден тратить большие деньги и забывать скот, что причиняло серьезный ущерб его хозяйству. Теперь, в результате борьбы за экономично и рациональное использование средств, эти праздники вообще не проводятся, а церемонии при отправлении культа предков в семье упрощены и в меньшей степени отражаются на ее бюджете. Следует подчеркнуть, что в последнем случае разъяснительная работа среди населения не преследует цели запрещения культа. Речь идет о том, чтобы изжить религиозные обряды, сопровождающиеся непроизводительными расходами семьи, при полном сохранении и поддержке уважения к старшим в доме, а также к умершим предкам.

На обратном пути мы остановились в деревне Тхо-ха, известной производством глиняных изделий, в частности: кувшинов, черепицы и своеобразных оссуариев, представляющих собой керамический ящик длиной 70 см, шириной 25 см и высотой 23 см. В боковых стенках проделаны круглые отверстия для притока воздуха. Между отверстиями и на крышке имеется орнамент в виде стилизованного иероглифа «шоу» (долготеление). Ввиду того, что среди вьетнамцев распространен обычай эксгумации, эта специфическая продукция деревенских ремесленников находит сбыт во многих районах Северного Вьетнама. Жители деревни — католики по религиозной принадлежности используют бракованные керамические ящики, вопреки традициям и обычаям остальной части вьетнамцев, для строительства домов и даже для парт и скамеек в школе.

Несколько дней до отъезда в автономный округ Тай-Мео мы посвятили подготовке к экспедиции, чтению специальной литературы о народах, населяющих этот округ, отбору фотоматериалов для нашего музея из фотохранилища Научной библиотеки и фотографированию этнографических коллекций Музея истории Вьетнама. Вьетнамские ученые проявили большой интерес к нашей методике полевой работы и приняли участие в нашей поездке по Тай-Мео. Наш путь проходил по маршруту: Хоа-Янь, Суй-жут, Мок-тяу, Сон-ла, Туан-тяу, с конечным пунктом Дьен-Бьен-Фу. В Туан-тяу — центре автономного округа Тай-Мео — руководители Административного комитета подробно информировали нас о политическом и экономическом положении округа и преподнесли нам в подарок книги на языке тай, документы о жизни, быте и культуре народов Тай-Мео, а также специально приготовленную карту.

Из 21 национальности, населяющей Тай-Мео, особый интерес представляют кса-кау и кса-кхао. Наше предварительное знакомство в школе национальных меньшинств с языками и бытом кса позволило выявить значительные расхождения с опубликованными в зарубежной печати материалами. Все три деревни кса, в которых нам довелось побывать, расположены в горах примерно на высоте 500—800 м над уровнем моря. В период французского господства во Вьетнаме кса являлись объектом гонений как официальных властей, так и соседних народов, обманутых колонизаторской пропагандой, которая усиленно поддерживала и разжигала взаимное недоверие и вражду среди местных национальностей. Кса считали дикарями, злобными и мстительными людьми. Спасаясь от физического уничтожения и кабалы, они вели полубродячий образ жизни в труднодоступных горных местах, расположенных вдали от дорог и густонаселенных районов. Это дало основание для появления поговорки: «Кса в горах, как мышь в лесу».

Существование в подобных условиях во многом определило у кса-кау сохранение ряда обычаев, в первую очередь брачных, свойственных первобытно-общинному строю. Сюда прежде всего относятся левират, сорорат, односторонний кузенный брак в его «первой» форме⁴ (брак с дочерью брата матери) при запрещении «второй» формы этого брака (с дочерью сестры отца). Вместе с тем кса-кау, очевидно, давно уже перешли от матрилокального поселения к патрилокальному и от материнского счета родства к отцовскому. Обычай экзогамии также уходит в прошлое. Сейчас, как правило, юноши и девушки, носящие одно и то же родовое имя, могут вступать в брак, но большей частью при условии соблюдения особого унизительного обряда, сущность которого сводится к принятию пищи из свиного корыта (этим подчеркивается презрение к людям, нарушившим брачные обычаи). Дальнейшее изучение материала, очевидно, позволит ближе подойти к решению вопроса о том, каковы причины наличия подобных семейно-брачных обычаев у кса-кау.

С установлением народной власти положение кса-кау резко изменилось. Благодаря правильной национальной политике, последовательно проводимой работниками партии в округе Тай-Мео, прекратились национальные распри и заложены основы улучшения благосостояния населения. Кса постепенно спускаются с гор и переходят к оседлости. Правительство оказывает им безвозмездную помощь тягловым скотом и семенами. Так, в деревне Ксам-чанг, где проживает десять семейств кса-кау, девять из них получили буйволов. Национальные меньшинства освобождены от уплаты налогов на приготовле-

⁴ Здесь автор пользуется терминологией Д. А. Ольдерогге (см. его статью «История семьи и брака», «Сов. этнография», 1947, № 1).

ние алкоголя и убой скота. Все доходы, поступающие в бюджет автономного округа, а также специальная государственная дотация, идут на развитие местной экономики и повышение культурного уровня малых народов. За три года (1955—1957) площадь обрабатываемых земель увеличилась на 13% при одновременном повышении урожайности. В ближайшем будущем в округе будет создана своя промышленная база, развернуты поисковые геологические работы под руководством советских специалистов.

При французских оккупантах на весь автономный округ Тай-Мео, площадь которого равна 55 тыс. км² (т. е. более одной трети Северного Вьетнама), с населением 343 тыс. чел., было всего 19 начальных школ с 750 учениками. За несколько лет, шедших после окончания войны Сопотивления, число школ увеличилось до 87, шим числом учащихся около 6,5 тыс. чел. Для быстрой ликвидации неграмотности среди населения создано педагогическое училище, где готовят преподавателей намского и тайского языков; функционируют народные курсы. Подготовлена ла зированная письменность для народов мяо⁵, ведутся работы по унификации стар писменности тай. Административный комитет округа уделяет большое внимание творчеству местных поэтов, песенников и музыкантов. Почти при каждой де созданы музыкальные ансамбли и театральные труппы. Организация конкурсов ступеней поэтов среди народа тай позволила выявить около двухсот наиболее т ливых сочинителей, которым было присвоено звание народных поэтов.

Самым удаленным от Ханоя пунктом, где мы побывали за время нашей поездки, был город Дьен-Бьен-Фу. Здесь нам рассказали тайскую легенду о первых вьетских пришельцах в этот район. Семь вьетнамских храбрецов пришли сюда, чтобы изгнать сиамские войска. Ночью они погнали на лагерь сиамцев стадо козлов, к которым были привязаны пылающие факелы. Враги в страхе разбежались, и вьетцы с помощью тай основали здесь первое поселение. Однако через некоторое время сиамские войска вернулись, сожгли деревню и убили всех поселенцев. Неподалеку Дьен-Бьен-Фу еще сохранились храм и остатки укреплений, которые, как полагают, были сооружены в тот период. Весьма возможно, что эта легенда связана с началом в 1863—1864 гг. западных областей нынешнего Вьетнама китайским торговцем Хун Хуа (Зео Ван Чи), состоявшим в качестве чиновника на службе вьетнамского императора Ты Дыка.

Недостаток времени не позволил нам выехать в отдаленные деревни мяо, поэтому пришлось ограничиться сбором информации у представителей этого народа, прибывших в Дьен-Бьен-Фу на базар.

На пути в Ханой, в небольшом районном центре Туан-жяо, расположенном на развилке дорог Дьен-Бьен-Фу — Лай-тяу, мы встретились с мужчиной и девушкой из этнонациональности кса-фо, которые были специально для этого приглашены в Административный комитет. По типу хозяйства, основным элементом материальной культуры — семейной организации и брачным обычаям кса-фо близки к кса-кау, но по одежде, прическам существенно отличаются от последних. Еще более резкие различия можно отметить между всеми упомянутыми группами кса и кса-кхао, проживающими в уезде Мьэнь-те провинции Лай-тяу, в северо-западной части Вьетнама.

В Ен-тяу, воспользовавшись длительной остановкой, мы отправились в горную деревню пуок. Еле заметная тропа привела к группе свайных домов тайского типа. Каждое жилище имеет два входа, но через один из них могут проходить только члены — члены данной семьи. Так как возле этого входа расположен алтарь, то представления местных жителей, во избежание оскорбления душ предков через него нельзя вносить сырые мясо, рис и другие продукты.

До 1945 г. пуок находились в зависимости от тайских феодалов. Известно, что когда глава семьи, не имея денег на уплату налогов, продавал свою дочь отцу жены. С ликвидацией класса помещиков исчезли долговое рабство и отношения податства и подчинения между народами тай и пуок.

По возвращении в Ханой мы отправились в новую поездку — в автономный Вьет-Бак, где проживают двенадцать этнонациональностей общей численностью около 800 тыс. чел.

По природным условиям Вьет-Бак почти не отличается от районов северного Вьетнама. Как и в Тай-Мео, основным занятием населения является подсечно-пашенное земледелие в небольших речных долинах на обычных или террасовых полях и скотоводство. Животноводство развито на горных склонах подсечно-огневым способом (рис. 4). В седловинах и у подножий гор расселяются тай, нунги и чай, выше их — разнородные группы мань (яо) (рис. 5), лоло (носу), на вершинах гор живут мяо. Наряду с земледелием хозяйством все большее значение в экономике округа начинает приобретать добыча полезных ископаемых. В районе Као-Банга разрабатывают богатейшие залежи рудных месторождения, имеющие общегосударственное значение. Развивается также добыча свинцовых, медных, цинковых и других полиметаллических руд. Особенно быстрыми темпами происходят изменения в области народного просвещения. До революции население было неграмотно, теперь же две трети жителей Вьет-Бака умеют читать и писать. На 739 деревень сейчас приходится 605 школ трех ступеней, в которых обучается свыше 60 тыс. юношей и девушек.

⁵ На вьетнамском языке это слово звучит «мео» откуда и географическое название — Тай-Мео.

Вьет-Бак славен своими революционными и боевыми традициями в борьбе против колонизаторов. В десяти километрах от дороги Тай-нгуэн — Туйен-куанг растет знаменитый баньян, под мощной кроной которого состоялась организация ядра народной армии Вьетнама. Здесь же в горах, в небольшой пещере, в первые годы борьбы жил и работал вождь вьетнамского народа Хо Ши Мин.

Во Вьет-Баке мы работали по прежней программе, но в деревнях тех национальностей, которые не были обследованы в Тай-Мео: чай, мань (яо) и тай. Перед отъез-

Рис. 4. Поле, обработанное подсечно-огневым способом. Автономный округ Тай-Мео

Рис. 5. Деревня национальности мань (яо)

ом члены Административного комитета рассказали нам о национальной проблеме Вьет-Бака и подарили несколько брошюр и документов по истории и современному положению населения этого автономного округа.

Заключительным этапом совместной полевой работы во Вьетнаме был выезд на юг, в промышленные районы страны. В течение шести дней мы осматривали крупнейшие в Юго-Восточной Азии угольные разработки Хонг-гая, цементный и рисоочистительный заводы, рыбоконсервный комбинат, построенный с помощью Советского

Союза, и судостроительную верфь в г. Хай-фонг, рыболовецкие и солеваренные на побережье Южно-Китайского моря (рис. 6).

После отъезда С. А. Арутюнова на родину вьетнамские товарищи предложили мне поехать в уезд Мыэнг-кхыэнг провинции Лао-кай. В этом уезде проживают пактными группами малочисленные, почти не изученные народы — па-зи, фу-ла, тху-лао, нянг, нунг и другие, с которыми нам еще не приходилось встречаться. После обсуждения деталей этой экспедиции было решено, что на нее потребуется менее двух недель и что ее состав должен быть максимально ограничен для удобства передвижения, учитывая отсутствие автомобильных дорог.

До г. Лао-кай мы ехали по узкоколейной железной дороге. Путь проходил по левому берегу р. Красной, повторяя ее излучины. Поезд часто останавливался,

Рис. 6. Рыболовецкая деревня в районе г. Хонг-гая

принять новых пассажиров, преимущественно молодых людей, едущих работать на недавно открытые апатитовые месторождения, но в Лао-кай прибыл точно по расписанию. Город расположен по обоим берегам р. Красной, и обе части его соединяет высокостроенным мостом, часть которого была взорвана французскими войсками в отступлении. Сейчас вместо недостающих пролетов перекинуты на стальных тросах дорожки из листового железа, рассчитанные лишь на пешеходов. Грузовое сообщение поддерживается паромом. Несколько длинных немогущих улиц застроены характерными для провинциальных городов Вьетнама двухэтажными домами, в нижних этажах которых помещаются лавки с жилыми комнатами в глубине. От Китая Народной Республики территория Вьетнама в районе Лао-кай отделяет неширокая быстрая река — приток р. Красной. На южной окраине Лао-кай возвышается огромное светлое здание мощной электростанции, построенной с помощью советских специалистов. Большая часть населения провинции составляют национальные меньшинства, поэтому предполагается в ближайшем будущем либо преобразовать провинцию Лао-кай в автономную область, либо присоединить ее к одному из двух уже существующих автономных округов.

До уездного центра Мыэнг-кхыэнг часть пути мы шли пешком, а часть — на небольших выносливых лошадях. Местные жители пользуются деревянными седлами, к боковым планкам которых обычно привязывают грузы. Сидят на лошадях, свесив обе ноги в левую сторону, что требует от ездока большой ловкости и умения, особенно в условиях горных троп Северного Вьетнама.

Мыэнг-кхыэнг — небольшой городок, состоящий из нескольких десятков каменистых и бамбуковых домов, над которыми возвышаются полуразрушенные французские укрепления и крепость. Сюда после ухода французских войск не приезжал еще ни европеец, и это придавало еще больший интерес посещению данного района.

В связи с пестрым этническим составом и высокогорным расположением в административном отношении делится на четыре зоны. На площади в 1250 км²

живает тринадцать национальностей общей численностью около 16 тыс. чел. До Освобождения обитатели уезда жили в нищете и постоянно голодали. Бывали случаи, когда в надежде достать горсть риса люди приходили в город и умирали здесь же на улицах. С 1946 г. благодаря заботе партии и правительства угроза голода окончательно ликвидирована. Только в 1956 г. правительство в порядке безвозмездной помощи выделило населению 1500 м ткани и 10 т риса, которые были распределены самими жителями среди наиболее нуждавшихся.

Вместе со старым режимом ушли в прошлое многие вредные обычаи и привычки, например, азартные игры и чрезмерное потребление алкоголя. Раньше не все жители уезда имели костюм, люди спали, покрываясь носильной одеждой, не было

Рис. 7. Девушки мяо и нянг (в центре)

ды. Теперь почти каждый имеет рабочую и праздничную одежду. В быту появились одеяла, чайники, чашки, термосы. В результате роста политической и производственной активности крестьянства в ряде деревень организованы группы трудовой взаимопомощи.

За время пребывания в уезде Мыэнг-кхыэнг нами было совершено несколько поездок на лошадях в отдаленные горные деревни к различным народностям, в том числе к-зи, па-зи, фу-ла, тху-лао, лоло, мяо, нянг, нунг и другим (рис. 7—10). Нам удалось присутствовать при свадебных и похоронных обрядах, на специфических особенностях которых у отдельных народов следует остановиться несколько подробнее.

Свадебные обряды у мань-туейн⁵ не сопровождаются какими-либо религиозными церемониями. Свадьбе предшествует помолвка с подношением родителям невесты специального сорта табака — тхуок-лао. Свадебное пиршество длится два дня, первая часть в доме невесты, потом в доме жениха. Обязательным условием брака является трудотворчество мужем в хозяйстве жены в течение определенного срока. Если в семье невесты мало людей, способных поддерживать хозяйство, муж должен работать на ее родственников в течение трех лет.

У нунгов свадьба проходит также без участия жреца, но счастливый день для церемонии определяется старшими по возрасту жителями деревни. В день помолвки родители невесты вместо табака подносят сахар, а во время свадьбы — многочисленные дорогостоящие подарки (продукты, деньги, одежду, украшения и т. п.), фактически заменяющие собой выкуп за невесту. По свидетельству самих нунгов, раньше у них были распространены обычаи умыкания девушек и возвращения жены в дом родителей до появления первого ребенка. Сейчас эти обычаи постепенно исчезают.

Много общих черт с нунгскими имеют свадебные церемонии у нянг — народа, близкого к нунгам по языку. Отличия заключаются в участии жреца, деталях одежды (жених, невеста и «друзки» надевают поверх костюма красные ленты, повязанные крест на крест, — символ счастья) и общем порядке церемонии. Следует отметить,

⁵ Подразделение народа яо.

что в результате разъяснительной работы, проводимой сотрудниками уездного административного комитета, местное население все реже приглашает жрецов для проведения религиозных обрядов на праздниках, а также в семье, где есть больной. которого довелось видеть в деревне нянг, работал наравне с другими в группе имопомощи, был одет, как все крестьяне, и не пользовался при молитве ритуальными или магическими предметами.

В свадебных обычаях малых народов Северного Вьетнама можно заметить деленные изменения в сторону их упрощения и удешевления и, как следствие отход от некоторых ранее бытовавших церемоний. Очевидно, здесь в первую очередь играет роль материальная сторона, соответственно чему разъяснительная работа дает более эффективные результаты.

Рис. 8 Женщины тху-лао

Что касается погребальных и поминальных обрядов, то они тесно связаны мистическими представлениями и в них в большей степени сохраняются старинные формы. Так, в одной из деревень нянг жители хоронили женщину, умершую два дня назад. Дату похорон определил жрец, к услугам которого, как было принято, еще иногда прибегают нянги. Деревянный гроб стоял посреди комнаты, его крышки были крепко связаны тремя жгутами ротана и щели проклеены бумажной смолой, чтобы предохранить труп от быстрого разложения. На гробе был установлен маленький домик, оклеенный разноцветной бумагой, где, по представлениям нянгов, находится душа до погребения тела в земле. У изголовья в плетеной корзине лежали рисовые лепешки, сваренные в день смерти женщины и предназначенные «для питания ее души». Несколько десятков близких и дальних родственников собрались в поле недалеко от дома умершей для поминального угощения. У главного стола, под зонтом на котором сидели, были разложены подношения душе умершей: три лепешки из клейкого риса с вареным красным рисом, вареная курица, чашки с водой и водкой, бумажные изображения зверей и денег. Здесь же, между пучками курительных свечей, лежала табличка из желтой бумаги, на которой черными иероглифами было написано послание к душе.

У нянгов нет общего кладбища: хоронят в местах, указанных жрецом. На холме насыпают небольшой холмик, в центр которого втыкают древко с прикрепленными к нему полосками бумаги — деньгами. Каждый год, третьего числа третьего лунного месяца, в день «праздника усопших», обветшалые полоски сменяют на новые.

В деревне мяо мы зашли в дом, где семья отмечала день поминовения души. В центре жилища под потолком висел большой барабан, под которым был разложен небольшой костер. Один из мужчин бил в барабан, другой, играя на флейте⁷, танцевал вокруг костра. Напротив входа, у стены, были расставлены

⁷ Музыкальный инструмент типа свирели.

Рис. 9. Народность па-зи

Рис. 10. Женщины фу-ла

искусно сделанных фигур, изображающих умерших членов семьи. Глава дома в проведении своего брата молился перед каждой фигурой и клал в чашку риса и кусок вареной свинины. Затем, символизируя полив пищи водкой, молился, выливая ее на землю рядом с чашкой. Чтобы узнать, согласна ли душа принять пищу, на блюда бросали две расщепленные бамбуковые палочки: если из них падала выпуклой стороной, а другая вогнутой, это означало согласие. Церемония заканчивалась обильным угощением всех присутствующих.

Поездка в горные зоны уезда Мыэнг-кхыэнг, благодаря исключительному вниманию и дружеской помощи со стороны уездного комитета Партии Трудящихся и административного комитета, была чрезвычайно содержательной и ценной. Хочется отметить, что даже в таком отдаленном уголке Вьетнама, как Мыэнг-кхыэнг, вьетнамские товарищи ведут большую работу по распространению среди населения знаний о Советском Союзе, о его роли в борьбе против колониализма.

Последняя неделя нашего пребывания в Демократической Республике Вьетнам была посвящена подведению итогов совместной работы, беседам относительно возможности обмена музейными коллекциями и чтению лекций в Ханойском университете. Музеем антропологии и этнографии в Ленинграде вьетнамские ученые передали несколько предметов, характеризующих современный быт народов Вьетнама.

М. Г. ЛЕВИН

ДРЕВНЕЭСКИМОССКИЙ МОГИЛЬНИК В УЭЛЕНЕ

(Предварительное сообщение о раскопках 1958 г.)

В предварительном отчете о работах Чукотского отряда Северной экспедиции в 1957 г. мы привели описание некоторых материалов из древнего могильника в Уэлене¹. В результате раскопок, проводившихся Р. В. Чубаровой и автором настоящего сообщения, на могильнике было вскрыто в 1957 г. 20 погребений (на площади около 60 м²). Добытый материал, как и инвентарь из небольших раскопок, произведенных на могильнике в 1955 г. Д. А. Сергеевым и в 1956 г. Н. Н. Диковым, позволил установить наличие здесь погребений разных типов². Как мы уже писали, на Уэленском могильнике были обнаружены наряду с погребениями, характеризующимися инвентарем древнеберингоморской культуры, захоронения, сопровождавшиеся предметами, характерными для культуры Оквик, а также для бирнирской и пунукской культур.

В 1958 г. Чукотский отряд продолжил раскопки могильника³. Напомним его топографию. Могильник находится у селения Уэлен, на сопке, от которой отходит Уэленская коса, отделяющая от моря обширную лагуну. На склоне возвышенности, спускающейся к лагуне, к юго-востоку от современного поселка, расположена известная Уэленская стоянка, обследованная летом 1945 г. С. И. Руденко и И. П. Лавровым. Могильник находится к северу от нее; их разделяет овраг, прорезанный ручьем, из которого и сейчас уэленцы берут воду.

Могильник расположен на склоне сопки на высоте 30—35 м над уровнем моря, там, где обрывистый склон горы переходит в пологое плато; восточный край могильника смыкается с поверхностью плато, а южный, западный и северный края приподняты над поверхностью склона в виде бугра около 1,5 м высотой.

Могильник, как мы уже писали, был обнаружен в 1955 г. во время земляных работ, когда площадь его была прорезана длинной траншеей (около 70 см глубиной и 1 м шириной), идущей слегка изломанной линией с юго-запада на северо-восток. Выше этой траншеи, из которой были добыты в 1955 г. первые предметы из древних погребений, в 1957 г. был заложен раскоп. В 1958 г. раскопки велись на площади между траншеей и раскопом 1957 г.

На участке могильника, вскрытом в 1957 г., можно было заметить с поверхности выступавшие в разных местах крупные кости кита и камни, образовывавшие подобие закладок. На площади, раскапывавшейся в 1958 г., таких закладок почти не было.

В 1958 г. была вскрыта площадь в 100 м², на которой выявлены 23 погребения различной сохранности. В одних захоронениях были обнаружены хорошо и полно сохранившиеся черепа и кости туловища и конечностей, в других—лишь отдельные кости или фрагменты костей. Помимо этих погребений были обнаружены в разных местах (раскопки велись послойно, с разбивкой площади на квадраты) фрагменты черепов, преимущественно детских, и отдельные кости скелета, скопления вещей и некоторые предметы, которые нельзя было связать с определенным погребением.

Следует особо отметить обнаруженное на одном из участков на глубине 50 см своеобразное сооружение. В круге из камней находились: позвонок и две вертикально вставленные лопатки кита, а также лопатка и ребро моржа. На моржовой лопатке лежал череп собаки, между китовыми лопатками—два костяных наконечника стрел. Помимо основного раскопа, в 1958 г. были расчищены три погребения ниже траншеи по склону, частично разрушенные земляными работами 1955 г.

Как и в 1957 г., погребения были обнаружены на разной глубине—от почти поверхности до расположенных на глубине свыше 1 м. Вскрытые захоронения имели

¹ М. Г. Левин, Работы на Чукотке в 1957 году, «Сов. этнография», 1958, № 6.

² Д. Сергеев, Первые древнеберингоморские погребения на Чукотке, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXI, 1959; Н. Н. Диков, Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. I, Магадан, 1958.

³ Отряд работал в составе: М. Г. Левина (руководитель), С. А. Арутюнова, И. П. Лаврова и Д. А. Сергеева.

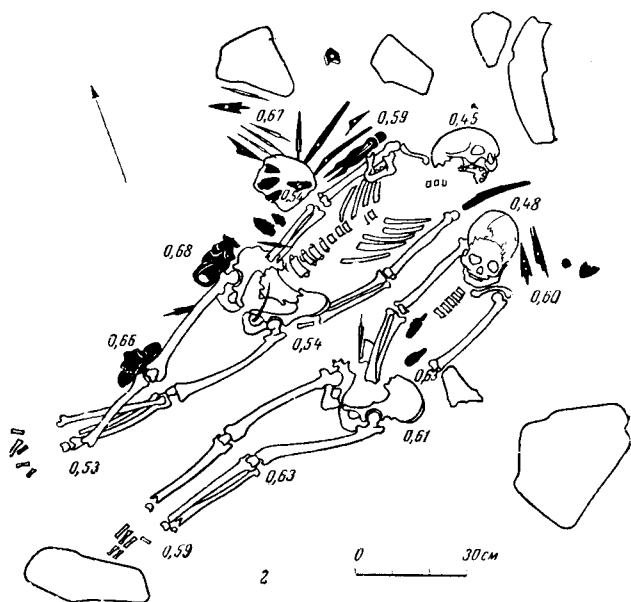
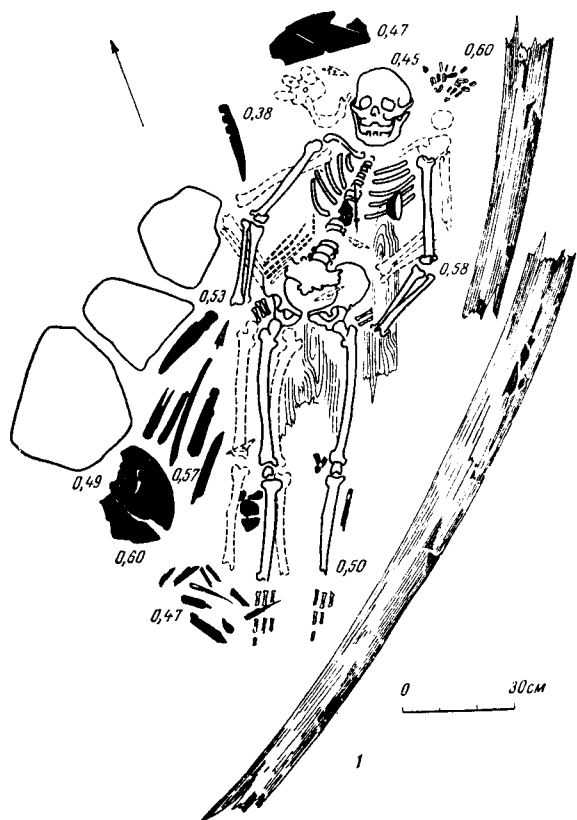

Рис. 1. 1 — погребение № 12 а-б; 2 — погребение № 14-15 (цифрами обозначена глубина залегания)

различный характер. Некоторые из них не были отмечены какой-либо кладкой, другие имели кладку из камней и крупных костей, частично или полностью огораживавшую могилу (кладки с поверхности, как мы указывали выше, не были заметны и обнаруживались на разной глубине). Некоторые скелеты покоились непосредственно на грунте, в других могилах имелся деревянный настил.

Ориентировка костяков различная; в раскопанных в 1958 г. 23 погребениях ориентировка головой на северо-восток оказалась в десяти могилах (13 скелетов; 3 парных

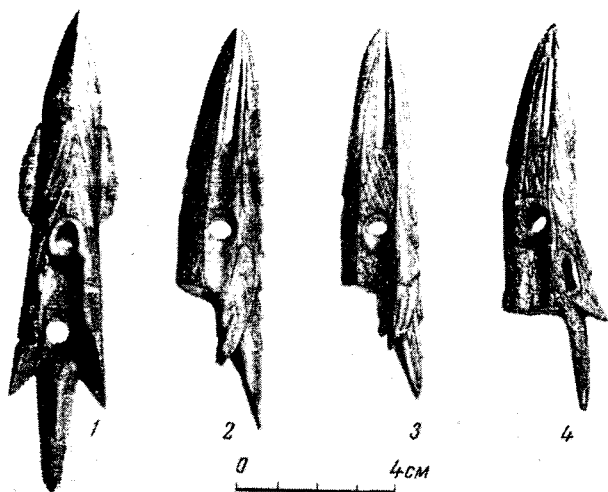

Рис. 2. Наконечники гарпунов из погребения № 5

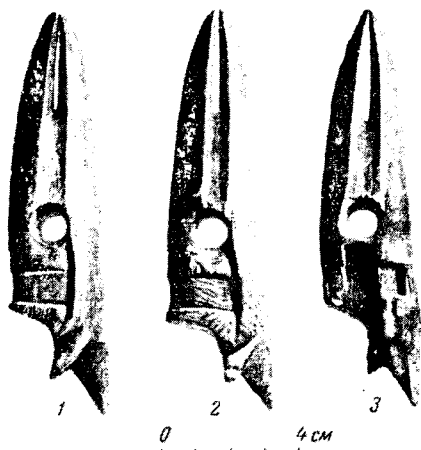

Рис. 3. Наконечники гарпунов из погребения № 6

погребения имели эту ориентировку), на север — в четырех, на восток — в одной, на юго-восток — в трех, на юго-запад — в четырех могилах. Обычное положение костяков (в погребениях, где сохранность костей позволила это определить) — на спине, с вытянутыми ногами и слегка согнутыми в локтевых суставах руками. В некоторых могилах положение костей вызывало предположение, что покойников клали между камнями и поза их определялась расположением камней. В четырех погребениях вместе со скелетом взрослого индивида были найдены фрагменты детских черепов и костей (совместное погребение).

Следует особо отметить обнаруженное на одном из участков раскопа (между гребенями №№ 16 и 17) «надгробье». Здесь была вскрыта поставленная слегка криво плоская кость (часть китового ребра); длина ее — около 80 см, наибольшая ширина — 50 см. Кость в трех местах просверлена (круглые отверстия расположены по треугольнику). Верхний край «надгробья» был обнаружен на глубине около 1 м после снятия слоя дерна и щебенки.

Мы отмечали уже в 1957 г. погребения, перекрывавшие друг друга на разных уровнях. С этим же мы столкнулись и при раскопках 1958 г. Наряду с одиночными захоронениями были обнаружены, как и в 1957 г., парные погребения. На рис. 1 показаны парные погребения № 12 а-б и № 14-15. Погребение 12 а-б имело кл

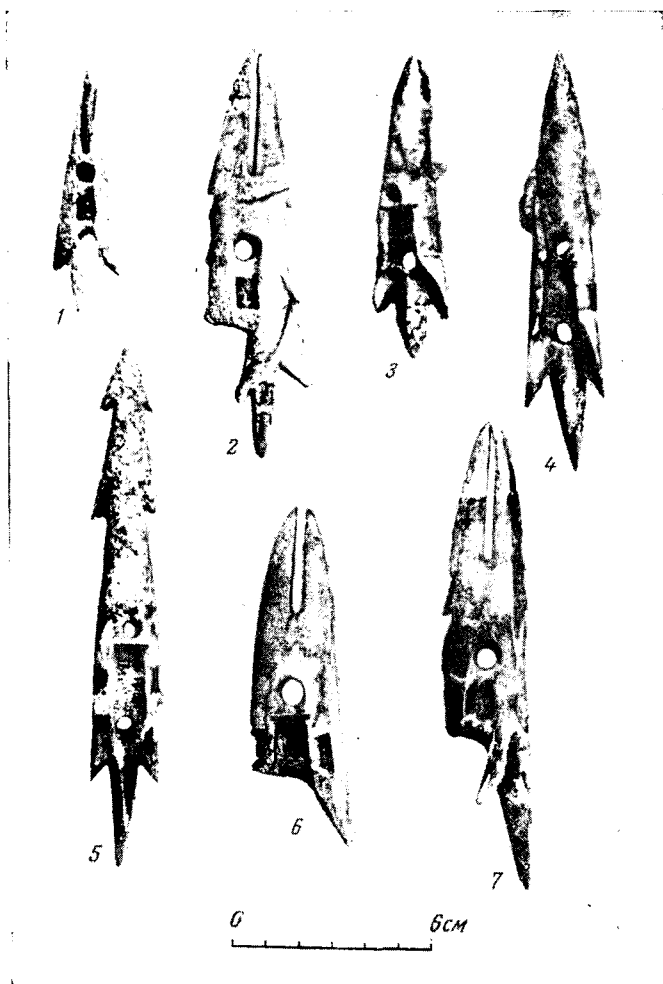

Рис. 4. Наконечники гарпунов из погребения № 7

с западной стороны из камней, с восточной — из ребер кита. Костяки расставлены один над другим, ориентировка обоих скелетов — головой на север, восток. Верхний костяк хорошей сохранности, кости в анатомическом порядке. Положение его — на спине, руки слегка согнуты в локтевых суставах, кисти в области таза, ноги вытянуты. Глубина залегания — 0,45 м (череп), 0,50 м (но голени). Нижний костяк неполный; от черепа сохранилась лишь нижняя челюсть, лежавшая справа от черепа верхнего костяка; руки также слегка согнуты в локтевых суставах, кости ног вытянуты и несколько смещены вправо от ног верхнего костяка. Под костяками в области груди, таза и бедер сохранились остатки дерева (деревяная подстилка могилы). При костяках найден богатый и разнообразный инвентарь: наконечники и колки гарпунов, наконечники шатинов, пластинки для гарпунных поплавков, мотыги, скребок-корытце из моржового клыка, игольник (с сохранившимися в нем костяными иглами), глиняная миска с округлым дном (раздавлена), большой жем

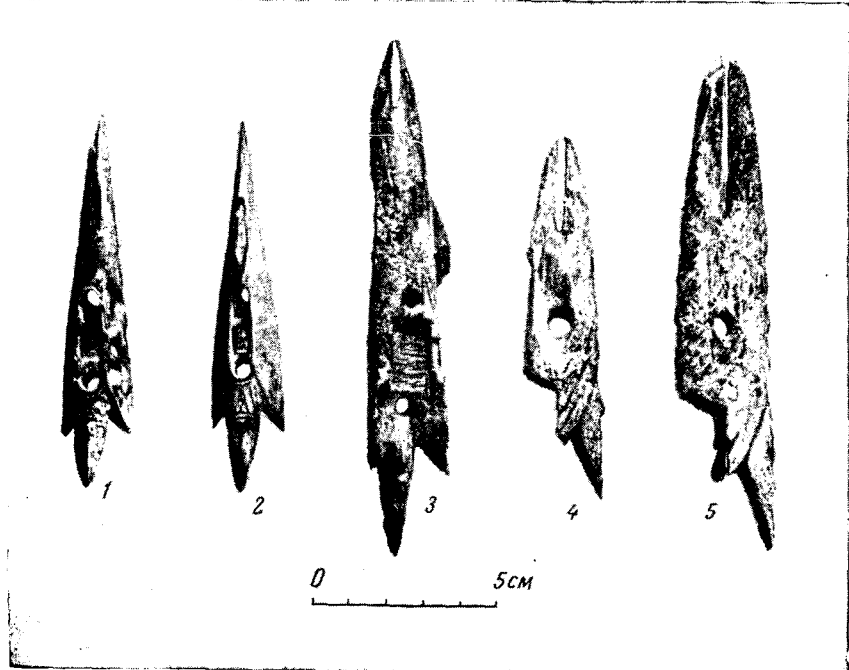

Рис. 5. Наконечники гарпунов из погребения № 14-15

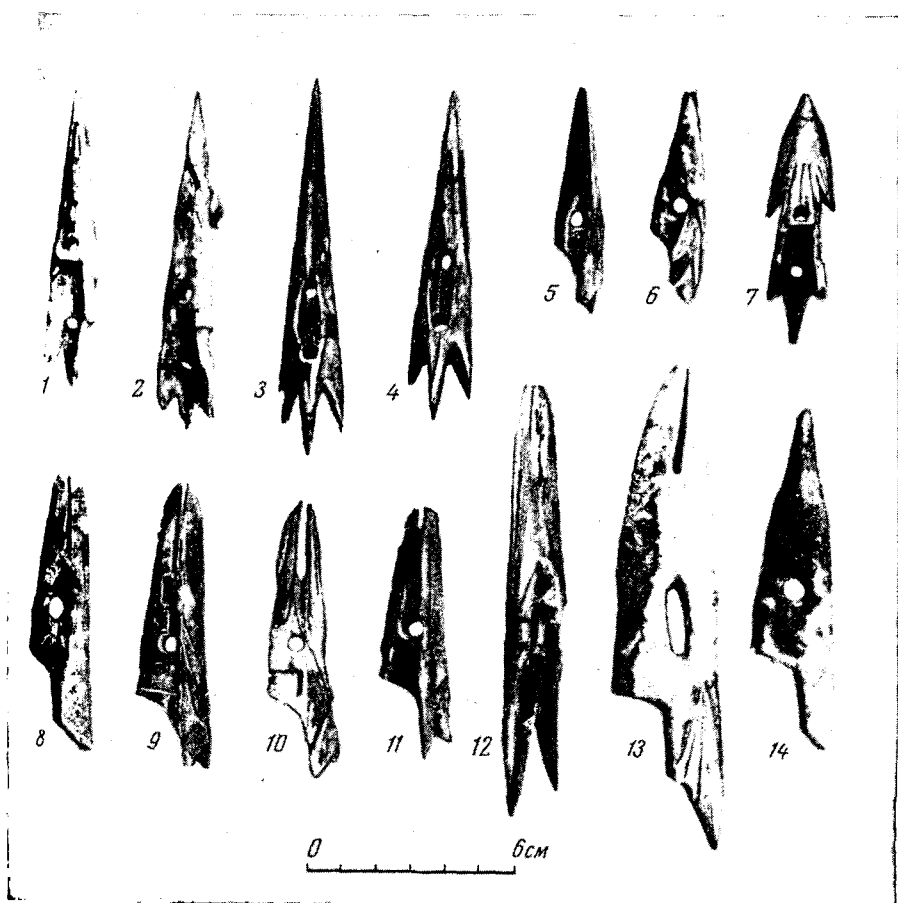

Рис. 6. Наконечники гарпунов из погребения № 22

сланцевый нож, каменный наконечник копья, каменное тесло, осколки горного хрусталя и др. (расположение вещей показано на рис. 1).

Погребение № 14-15 было ограничено с северо-востока четырьмя небольшими с юга — двумя более крупными камнями. Оба скелета лежали параллельно друг другу и были ориентированы головой на северо-восток. Костяк № 14 в удовлетворительном состоянии, костяк № 15 сильно дефектен; кости обоих скелетов расположены в анатомическом порядке. Положение костяков: на спине, с руками, согнутыми в локтях, в тазобедренных суставах и кистями под тазовыми костями. Глубина залегания — 45—60 см. Инвентарь этого парного погребения представлен наконечниками и колками гарпунов, головкой гарпуна, костяными наконечниками стрел, мотыгой, костяной лопатой и др. (расположение вещей показано на рисунке). Особо следует отметить так называемый крылатый предмет (у костяка № 15) и весьма своеобразную антропоморфную (о ней см. ниже), находившуюся рядом с костяком, справа от таза.

Рис. 7. Головки гарпунов: 1 — из погребения № 4; 2 — из погребения № 14-15 (около $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

Наиболее богатый и разнообразный материал доставило третье погребение (22 а и б). Костяки погребения располагались частично над другим (глубина залегания костяка в области черепа в области голени — 70 см, нижняя соответственно 55 и 78 см). Ороговка обоих костяков — головой на северо-восток.

Выше черепов, частично прикрывая их, лежал большой камень; между камнями были придавлены и на других участках. Костяки сохранились. Судя по сохранности костям, положение их — на спине ног верхнего костяка смещены бедро и левая берцовая кость задней поверхностью вверх). Палеолитами, по всей их длине были найдены остатки деревянного настила, на нем разложившиеся остатки меха (можно — меховой одежды). При раскопках найдены наконечники гарпунов, колки, пешни, пластинки для гарпунов, поплавок, каменные тесла, наконечники, скребки, сланцевые ножи (всего свыше 100 предметов). Особо следует отметить скульптурное изображение человеческого лица (найденно около нижнего костяка).

Раскопки 1958 г. доставили большое количество разнообразных предметов. В настоящем предварительном сообщении, когда материалы еще находятся в стадии первичной обработки, мы ограничимся самыми краткими сведениями о них.

Изделия из моржового клыка, кости, рога (значительно реже) представлены пестиками гарпунов, колками, головками древков гарпунов, втулками для гарпунов, поплавками, наконечниками дротиков и острог, пешнями, мотыгами, предметами бытового обихода (иглы, скребки для жира, рукоятки женских ножей и др.); найдено большое количество каменных орудий — шлифованных и оббитых — ножи, наконечники копий, дротиков, стрел, вкладыши наконечников гарпунов, тесла, скребки и др.

Из добытого инвентаря наибольший интерес представляют наконечники гарпунов, на типологии которых, как известно, строится в основном классификация древнеберингоморских культур. В 1958 г. в яме было найдено свыше 50 наконечников. На рисунке представлены экземпляры из разных погребений.

Наиболее характерны наконечники древнеберингоморского типа с широким основанием, двумя круглыми отверстиями для лямки, тройной шпорой (с длинной, средней и короткими боковыми шпорами) с двумя прорезами для пояса гнезда. В коллекции из раскопок 1958 г. представлены различные по форме гарпуны древнеберингоморского типа. Наряду с «классическими» (наконечники с боковыми камнями вкладышами) найдены и другие формы; имеются наконечники с одной и двумя симметричными боковыми бороздами. Различаются наконечники древнеберингоморского типа и по стилю орнаментации.

В погребениях, раскопанных в 1958 г., довольно многочисленны наконечники,

рые по своей форме и орнаментации должны быть отнесены к типу Оквик. Представлены наконечники и бирнирского типа (в 1957 г. нами были найдены наконечники с боковым каменным вкладышем и односторонней бородкой; в 1958 г. наконечники такой формы не встречены). Особо надо отметить наконечники очень крупных размеров (для охоты на кита), которые по своей форме и орнаментации характерны для ранних этапов пунукской культуры. Своеобразие ряда форм и нахождение в одном и том же погребении наконечников разных типов придает материалам 1958 г. особый интерес.

Колки гарпунов найдены как отдельно, так и вместе с наконечниками. Раскопки 1958 г. доставили два экземпляра головок древков гарпунов, украшенных богатой резьбой и орнаментом (рис. 7).

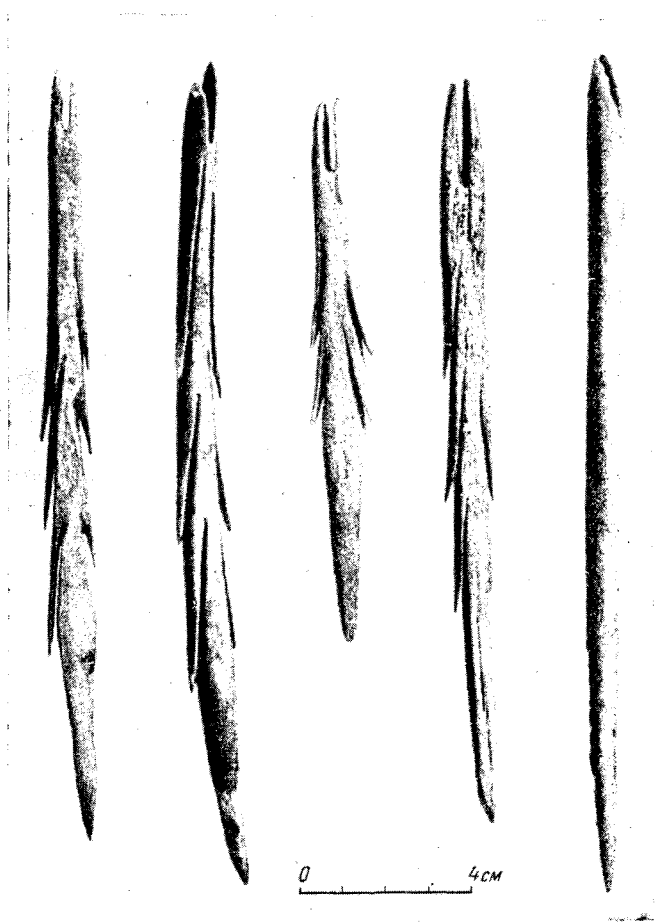

Рис. 8. Наконечники стрел из погребения № 19

Наконечники стрел из моржового клыка и кости составляют, наряду с наконечниками гарпунов, наиболее многочисленную часть добытых материалов. Среди них представлены разные типы (с концевым каменным копыцем, с заостренным передним концом, различного поперечного сечения, с различным числом бородок и др.). Обнаружение стрел в погребениях, датированных наконечниками гарпунов разных типов, открывает возможность связать те или другие формы стрел с определенным культурным комплексом. На рис. 8 представлены стрелы из одного погребения (№ 19).

Мы отмечали выше разнообразие каменного инвентаря. Особенно многочисленны ланцевые ножи разных размеров (женские ножи для разделки мяса и снятия жира); некоторые из них имеют круглые отверстия (см. рис. 9).

Мы упоминали выше Уэленскую стоянку, обследованную С. И. Руденко. По мнению этого автора, инвентарь ее (в частности, наконечники гарпунов) обнаруживает близкое сходство с инвентарем Оквикской стоянки, исследованной Ф. Рейни. Этот вопрос не может считаться достаточно выясненным. Что касается соотношения Уэленской стоянки и Уэленского могильника, то дело обстоит следующим образом. Благодаря сборам И. П. Лаврова, мы располагаем сейчас большой коллекцией наконечников гарпунов с Уэленской стоянки. Сколько-нибудь заметных аналогий между типами наконеч-

ников из погребений Уэленского могильника и с Уэленской стоянки не прослеживаются. Инвентарь Уэленского могильника обнаруживает значительно большее сходство с этими предметами с мыса Дежнева, опубликованными С. И. Руденко.

В материалах 1958 г. богато представлено искусство. Помимо скульптурных (рис. 10), сюда следует отнести и многие предметы утилитарного значения: наконечники гарпунов, рукоятки отжимников и др. Отдельные экземпляры наконечников гарпунов столь богато и тщательно украшены сложным орнаментом, что возникает мнение в их утилитарном использовании; возможно, что некоторые наконечники имеют ритуальное значение. Высокими художественными достоинствами отличаются ут

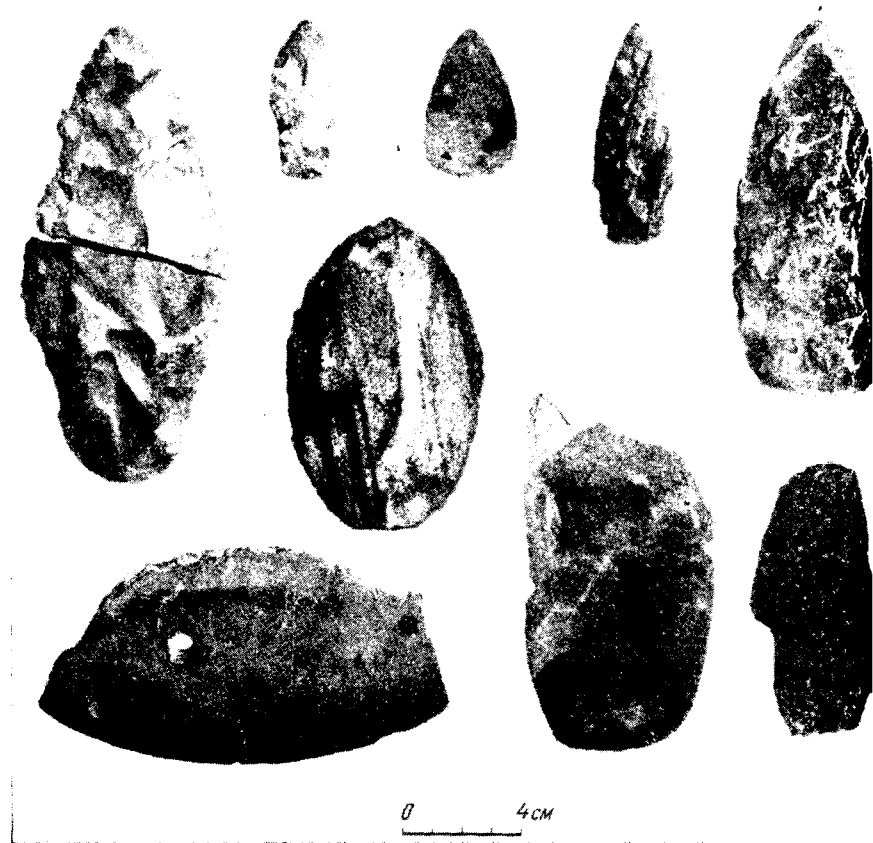

Рис. 9. Каменный инвентарь из погребения № 23

ные выше резные головки древков гарпунов из моржового клыка. Подлинными произведения искусства представляют отдельные экземпляры «крылатых предметов». Из датированных в 1958 г. наибольшим совершенством формы и орнамента отличается «крылатый предмет», найденный в одном из нарушенных погребений у траншеи (см. рис. 11). На нижней его поверхности — зооморфные скульптурные изображения, верхняя поверхность — очень искусно выполненным орнаментом древнеберингоморского стиля.

Нами найдено несколько овальных и круглых пластинок из моржового клыка с желобком по окружности. Наши информаторы — чукчи и эскимосы селения Уэлен называют их как предметы, служившие для завязывания отверстий гарпунных попов. Эти пластинки несут на верхней, несколько выпуклой поверхности различный орнамент. Особенно интересна пластинка, на которой врезанными линиями изображено человеческое лицо, выполненное в реалистической манере; линии в области щек и подбородка изображают, по-видимому, татуировку (рис. 11).

Другое изображение человеческого лица выполнено в виде плоской скульптуры (рис. 12). Две верхние круглые дырочки изображают глаза, средняя — рот, две нижние, очевидно — отверстия для губных втулок, ношение которых, как известно, было свойственно эскимосам до недавнего времени.

Найдено несколько зооморфных скульптурных изображений из моржового клыка. Две из этих скульптур представляют собою накладку для сверла (рис. 13, 3 и 4).

с. 10. Инвентарь из погребения А у траншеи: 1—3—наконечники гарпунов; 4—
 каменное тесло; 5—фрагмент каменного орудия; 6—кусок охры; 7—наконечник
 елы; 8—костяная поделка; 9—колки гарпунов; 10—наконечник копья; 11—
 «крылатый предмет»

Наряду с реалистическими изображениями имеются фигуры, отличающиеся формой. Наиболее интересна одна из них (рис. 14), изображающая человека в причудливой позе: с подтянутыми к животу ногами и подпирающими подбородок руками. Такая поза очень напоминает положение, в котором хоронили покойников древние алеуты и эскимосы южной Аляски. Верхняя (задняя) поверхность скульптуры покрыта очень тщательно выполненным орнаментом древнеберингоморского стиля. (имеется прорез, образующий как бы ручку для захватывания фигуры (назначен ли он для этого — остается для нас непонятным). В известной нам литературе сколько-нибудь близких аналогий рассматриваемой фигуре мы не нашли.

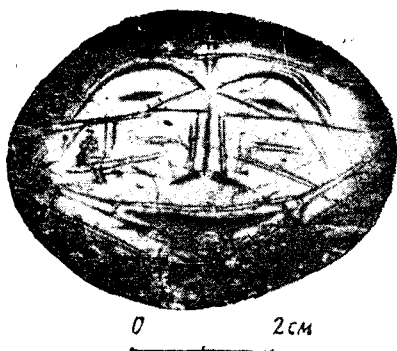

Рис. 11. Изображение человеческого лица на пластинке от гарпунного поплавка

Рис. 12. Скульптурное изображение человеческого лица из погребения

Раскопки 1958 г. доставили богатый палеоантропологический материал. Часть его в настоящее время реставрируется. В результате раскопок, произведенных Чукотским отрядом, а также Н. Н. Диковым, мы располагаем сейчас достаточно большой краеведческой серией и значительным остеологическим материалом.

Уэленский могильник представляет собою исключительный в своем роде памятник. Это пока единственный на азиатском побережье Берингова моря древнеэскимосский могильник. На американском побережье могильников этого типа до настоящего времени не обнаружено. На острове Св. Лаврентия, на Пунукских островах, в различных пунктах побережья Аляски зарубежными археологами открыты и исследованы многочисленные стоянки, относящиеся к различным этапам развития культуры древних эскимосов, раскопаны и погребения, в том числе получивший широкую известность Илиутакский могильник на мысе Хоп, но нигде не встречены в одном могильнике погребения со столь различными культурными комплексами, как в Уэлене (погребения, связанные с инвентарем древнеберингоморской культуры и культуры Оквик, открытые впервые в Уэленском могильнике).

Тщательное изучение всех добытых материалов и дальнейшие раскопки Уэленского могильника, несомненно, позволят уточнить, а возможно, и пересмотреть принятые сейчас в литературе классификацию и относительную хронологию древнеэскимосских культур Берингова моря. Это потребует времени. Наше краткое сообщение имеет целью, не дожидаясь окончания камеральной обработки, информировать специалистов о некоторых результатах проведенных раскопок.

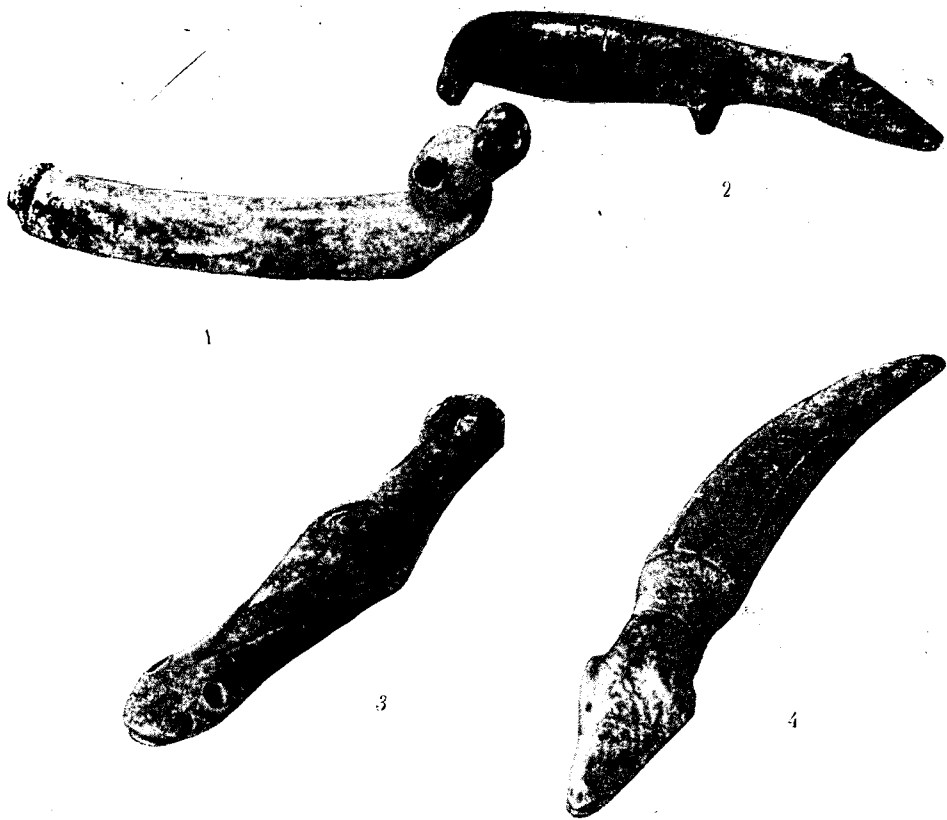
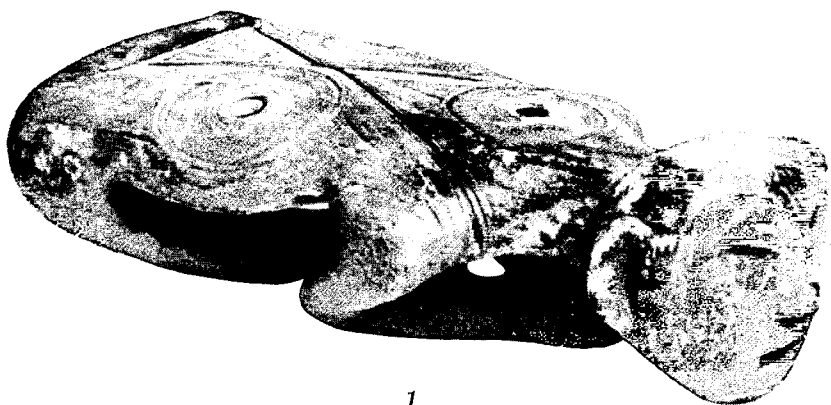
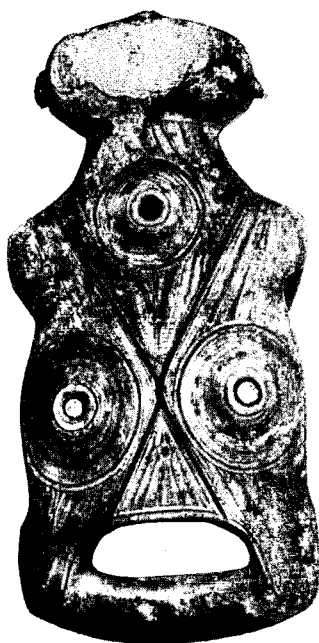

Рис. 13. Зооморфные фигурки: 1 — рукоять отжимника (вне погребения); 2 — фигурка животного (погребение № 13); 3 — накладка для сверла (погребение № 7); 4 — накладка для сверла (погребение № 13). 1 и 2 около 1/2 нат. вел.; 3 и 4 около 1/3 нат. вел.

1

2

3

Рис. 14. Антропоморфная фигура из погребения 14-15; 1 — вид сбоку (около $\frac{2}{3}$ вел.); 2 — вид сверху (около $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 3 — вид снизу (около $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

А. П. ЧЕРНЫШ

ОСТАТКИ ЖИЛИЩА МУСТЬЕРСКОГО ВРЕМЕНИ НА ДНЕСТРЕ

(Предварительное сообщение)

Несмотря на наличие ряда исследованных памятников мустьерского времени, проблема мустьерских жилищ до настоящего времени оставалась нерешенной, хотя на некоторых стоянках этой эпохи были зафиксированы отдельные находки, дающие основание для предположения о том, что неандертальцы могли сооружать долговременные жилища. Так, в одних случаях отмечались крупные скопления костей мамонта (Ла Извор, Чокурча)¹, в других — следы искусственных вымосток из камней типа площадок (Ла Феррасси, Кастильо)², в третьих — круговые ограды из камней с внутренними каменными очагами (Ильская)³, в четвертых — искусственные жилые западины, огражденные по краю завалом камней (Волчий грот)⁴. Именно эти сведения явились основанием для предположения П. П. Ефименко и Д. А. Крайнова о возможности существования в мустьерское время постоянных жилищ⁵.

Ныне благодаря исследованиям на Днестре получены дополнительные факты, дающие возможность получить реальное представление о жилище мустьерского времени. Речь идет о раскопках, производившихся в последние годы, под руководством автора, Днестровской археологической экспедицией Академии наук УССР. Во время этих раскопок была исследована многослойная стоянка Молодова I, находящаяся в отложениях второй надпойменной террасы правого берега Днестра, возле с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области УССР (рис. 1).

Исследования этой стоянки в 1955—1958 гг. позволили проследить, кроме поздние палеолитических поселений, также несколько слоев мустьерского времени. В одном из мустьерских слоев, находившемся на глубине 9,2—9,4 м от нулевой отметки (10—11 м от уровня современной поверхности) в третьей полосе серых суглинков в 1958 г. была обнаружена часть выкладки крупных костей мамонта, уходящая в неисследованную часть площади стоянки. В 1959 г. к этому участку была прирезана площадь размерами около 100 м². Этот раскоп позволил проследить дальнейшие части выкладки специально подобранных крупных костей мамонта, окаймлявших овальное по форме, очень интенсивное по насыщенности скопление культурных остатков. Ширина пояса крупных костей достигала 0,6—1,6 м, внешние размеры овального кольца крупных костей 10×7 м, размеры внутренней части 8×5 м (рис. 2 и 3). Внутри ограждения из крупных костей были прослежены: остатки 15 кострищ, имевших характер небольших пятен, заполненных углистой почвой и остатками пережженных костей; кухонные остатки; несколько изделий из кости; огромное количество кремневых изделий (в среднем по 1—2 тыс. экз. на 1 м²). Последние состояли из большого количества диско-

¹ N. Morosan, Le Moustérien dans le Nord de la Moldavie, l'«Anthropologie», LXI, 1931, стр. 234—235; С. Н. Забнин, Новооткрытая палеолитическая стоянка в Крыму, «Изв. Тавр. об-ва истории, археологии и этнографии», т. 11, стр. 146—158; Н. Л. Эрнст, Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму, «Труды 2-й Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы» (в дальнейшем, цит. АИЧПЕ), вып. 5, М.—Л., 1934, стр. 184—206.

² D. Peyroni, La Ferrassie, Préhistoire, Paris, 1934, стр. 1—92.

³ В. А. Городцов, Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г., «Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода», № 6-7, М.—Л., 1940, стр. 89—91; С. Н. Замятин, Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения, «Труды 2-й Междунар. конф. АИЧПЕ», вып. 5, стр. 207—218.

⁴ О. Н. Бадер, Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму, «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 258—264; его же, Исследования мустьерской стоянки у Волчьего грота, «Краткие сообщения ИИМК», вып. VIII, 1940, стр. 90—96.

⁵ П. П. Ефименко, Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 207, 238; Д. А. Крайнов, Жилище Тимоновской палеолитической стоянки, «Сов. археология», XXV, М., 1956.

видных нуклеусов, осколков, обломков, треугольных и овальных отщепов со с подправки краев ударных площадок, а также из серии орудий типа остроко и скребел (рис. 4).

Выкладка, окружавшая интенсивное пятно скоплений культурных остатков, а ла из наиболее крупных костей мамонта (черепа, лопатки, тазовые кости,

Рис. 1. Стоянка Молодова I

Рис. 2. Остатки мустьерского жилища. Стоянка Молодова I. Раскопки 195

кости конечностей). Так, в частности, в качестве строительного материала здесь использованы 12 расколотых черепов мамонта, 34 лопатки и тазовые кости, 31 конечностей, 14 бивней, 5 нижних челюстей. В границах выкладки эти кости расположены горизонтально, но некоторые кости конечностей одним концом пер вали другие кости. В поясе крупных костей иногда прослеживались перерывы, того, некоторые крупные кости выступали из общего ряда в сторону.

Учитывая искусственность овального ограждения из крупных костей, нал

внутри ограждения огромного количества разнообразных культурных остатков мустерского времени, наличие кострищ, а также учитывая данные о позднепалеолитических жилищах (Мальта, Буреть, Гонцы, Мезин, Пушкари I и т. д.) и данные этнографии, указанное овальное ограждение можно рассматривать как остатки основания стены долговременного шалашеобразного жилища; каркас его, по-видимому, состоял из жердей и покрывался шкурами. Такое жилище ближе всего напоминает чумы северных народностей. Шкуры, по-видимому, в нижней части придавливались крупными костями конечностей, которые в результате разрушения остова жилища падали на другие кости.

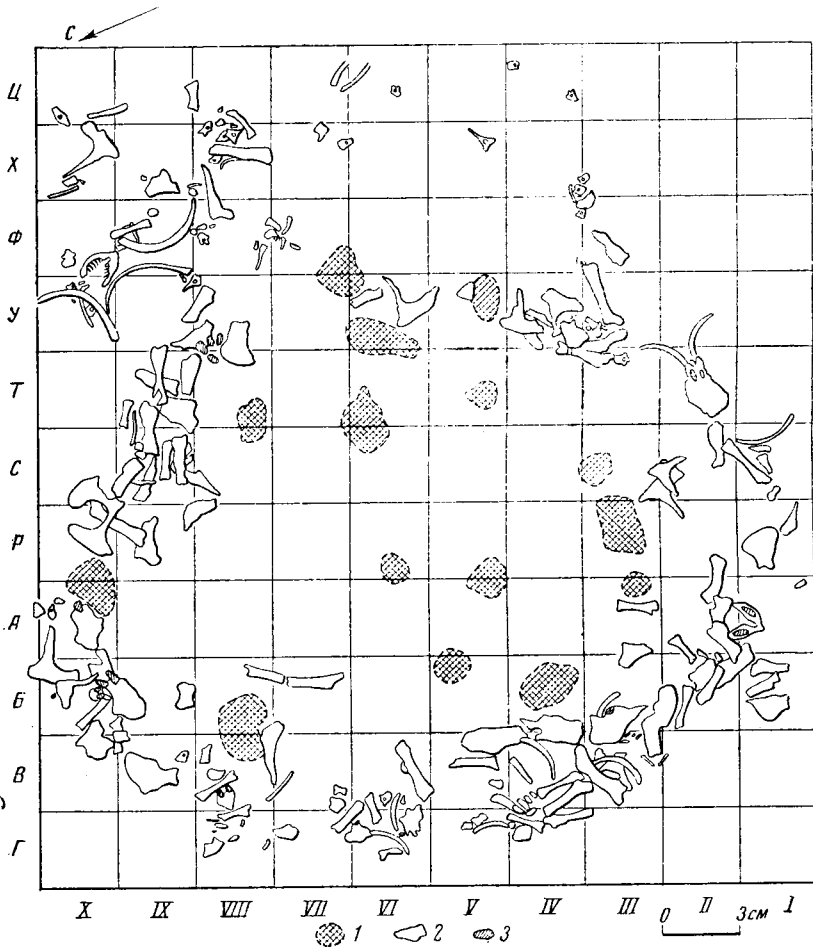

Рис. 3. План остатков мустерского жилища: 1 — кострища; 2 — кости; 3 — зубы мамонта. Раскопки 1959 г.

Два промежутка в северо-западной части овальной выкладки крупных костей можно рассматривать как входы в две половины основной камеры жилища. Такие же два промежутка, обнаруженные против первых, но в противоположной, восточной части ограждения, по-видимому, являлись внутренними проходами в дополнительную, восточную камеру жилища. Площадь этой камеры $5 \times 3,5$ м. Промежуток в ограждении в северо-восточной части выкладки и наличие боковых выступов костей в квадратах ХА, ХБ и в квадратах IXФ, IXХ, ХФ, ХХ дает основание предполагать наличие второй, северо-восточной, дополнительной пристройки к основной камере, уходящей в неисследованную часть стоянки. Следует отметить, что в исследованных квадратах второй дополнительной камеры, а также на площади первой, восточной, дополнительной камеры также обнаружено большое количество культурных остатков, но они исчезли совсем или же имелись в незначительном количестве на площади вне границ остатков жилища.

Основная камера жилища, по-видимому, разделялась перегородкой на северную и южную половины. Об этом можно заключить по наличию нескольких крупных костей мамонта, залегавших по линии, пересекающей основную камеру (кости в квад-

ратах VII, VC, VIP, VIA, VIB)⁶. В характере культурных остатков, находившихся в этих двух половинах, прослеживалась некоторая разница. Так, северная половина основной камеры была значительно больше наполнена нуклеусами и отбросом производства, что свидетельствует о процессе обработки кремня преимущественно в этой части жилища; в южной же части было встречено большое количество орудий. Каждая половина с западной стороны имела отдельный вход, а также отдельный ход в первую, восточную, дополнительную камеру. Северная половина,

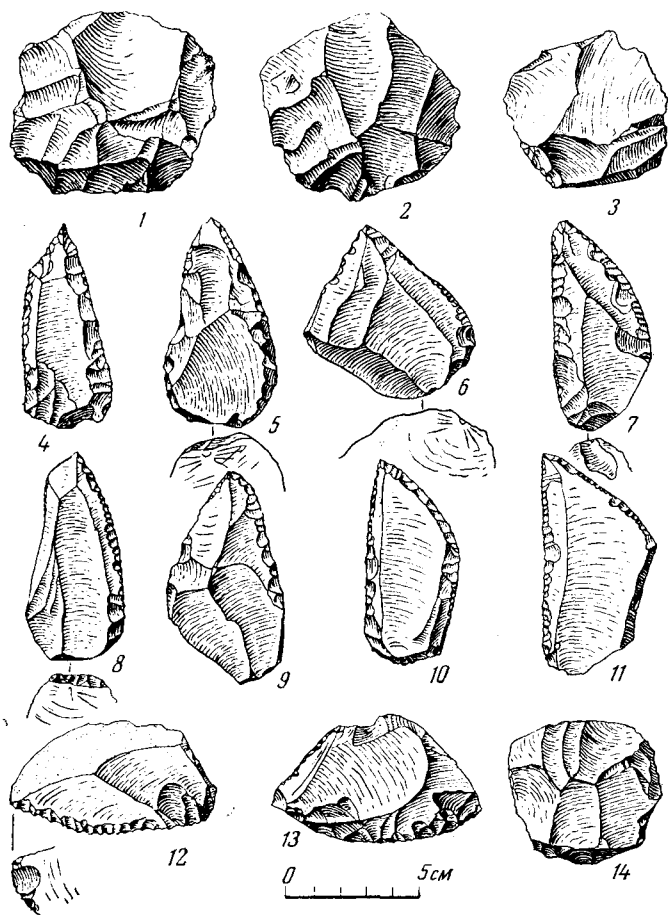

Рис. 4. Кремневые изделия, обнаруженные на площади жилища: 1—3, 14 — дисковидные нуклеусы; 4—11 — остроконечники; 12—13 — скребла

мы отмечали выше, имела, кроме того, ход во вторую, северо-восточную, дополнительную пристройку.

Большая насыщенность площади жилища культурными остатками по сравнению со всей остальной исследованной частью мустьерского поселения стоянки Молодова в свою очередь является показателем длительности пребывания мустьерского человека на участке, где находилось жилище.

Открытые на Днестре остатки довольно сложного по устройству постоянного мустьерского жилища свидетельствуют о том, что уровень развития культуры мустьерского человека был значительно выше, чем это обычно считалось. Мустьерский человек умел сооружать наземные, сложные по устройству долговременные жилища. Этот факт, определенный на основании исследований мустьерского поселения стоянки Молодова I, очень важен для понимания истоков происхождения поздней леолитической культуры и конкретных путей возникновения ее различных стадий в данном районе. Следует учесть, что инвентарь слоя «Мустье 2» стоянки Молодова, где обнаружены остатки жилища, относится к позднему мустье.

⁶ На рис. 3 кости в указанных квадратах не обозначены.

PERSONALIA

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОКРОВСКИЙ

22 июля 1959 года на 62-м году жизни безвременно скончался доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Краснодарского государственного педагогического института Михаил Владимирович Покровский. Свыше 30 лет своей жизни М. В. Покровский посвятил научной и педагогической деятельности. Талантливый и глубокий исследователь, он плодотворно работал над изучением истории адыгейского народа.

Родился Михаил Владимирович 7 сентября 1897 года в с. Ардон, нынешней Северо-Осетинской АССР, в семье учителя. По окончании в 1923 г. Краснодарского педагогического института он работал в школе учителем истории, в комвузе, на работах, в Сельскохозяйственной академии, в военных учебных заведениях. С 1928 г. он начал вести научно-исследовательскую работу по истории Кавказа, в течение ряда лет участвовал в археологических экспедициях Академии наук СССР, неоднократно выступал с научными докладами. Результаты этих исследований публиковались в ряде изданий Государственной академии истории материальной культуры, в журналах. С 1941 г. М. В. Покровский руководил кафедрой истории СССР Краснодарского педагогического института.

Главный итог многолетней научной деятельности М. В. Покровского — его докторская диссертация на тему: «Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX века», защищенная в Институте этнографии АН СССР в 1958 г. Оригинальное исследование Михаила Владимировича, основанное на архивных материалах, было оценено научной общественностью как серьезный вклад в советское кавказоведение. Этот труд частично опубликован в издании Института этнографии — «Кавказский этнографический сборник», II (М., 1958).

М. В. Покровский — автор ряда опубликованных статей и книг, из которых особую ценность, кроме только что упомянутой, представляют работы: «Русско-адыгейские торговые связи», «Военные действия у Новороссийска и на Таманском полуострове во время Крымской войны 1853—1856 гг.» и др.

М. В. Покровский был талантливым, глубоко эрудированным лектором. Он стремился передать молодым научным работникам, учителям и студентам свои знания, богатый опыт исследователя и воспитывал в них непримиримость ко всякого рода отклонениям от марксистско-ленинского принципа партийности в науке. Деятельность его не ограничивалась студенческой аудиторией; он работал в вечерних университетах марксизма-ленинизма, состоял преподавателем кафедры истории СССР заочной высшей партийной школы при ЦК КПСС, выступал с лекциями перед учителями Краснодарского края, в массовых аудиториях. В 1943 г. во фронтовых газетах была напечатана серия его очерков «Пластуны». Доскональное знание архивных документов позволило Михаилу Владимировичу обобщить опыт военно-тактических приемов казаков-пластунов и передать его во время Великой Отечественной войны бойцам кубанских казачьих частей. Это было отмечено благодарностью военного командования. За многолетнюю плодотворную научно-преподавательскую и общественную деятельность М. В. Покровский был удостоен ряда правительственных наград.

В памяти всех, кто знал М. В. Покровского, он останется большим ученым, талантливым педагогом, принципиальным, чутким и отзывчивым товарищем.

Дирекция и кафедра истории Краснодарского педагогического института

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ М. В. ПОКРОВСКОГО

- Пашковский могильник на Кубани. «Наука и техника», 1930, № 35.
 Археологические памятники Кубани. Там же, № 36.
 Елизаветинское городище на Кубани. Там же, № 59.
 Могильник станицы Пашковской. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5-6.
 Пашковский могильник № 1. «Сов. археология», I, М.—Л., 1936.
 Городища и могильники среднего Прикубанья. Труды Краснодарского гос. пед. ин-та, т. VI, вып. I, 1937.
 Грифон Лысой горы, «Сов. археология», 4, 1937.
 Карта древних поселений и могильников Прикубанья (совместное с Н. В. Афанасьевым). Там же.
 Отчет о раскопках Усть-Лабинского могильника № 2, произведенных в 1936 г. (Кубань). «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», АН СССР, 1941.
 Пластуны. Военно-исторический очерк. Газ. «Красная звезда», 1943, №№ 117, 118, 130, 139.
 Из прошлого Кубани. «Кубань», альманах, № 1, Краснодар, 1945.
 Военные действия у Новороссийска и на Таманском полуострове во время Крымской войны 1853—1856 гг. «Кубань», № 7, 1949.
 Иностранные агенты на Западном Кавказе в первой половине XIX века, «Кубань», № 11, 1952.
 Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны. «Кубань», № 13, 1954.
 Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX века и ее отражение в общем ходе Кавказской войны. М., 1956.
 О характере движения горцев Западного Кавказа в 40—60 гг. XIX века, «Военно-исторический сборник», 1957, № 2.
 Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957.
 Русско-адыгейские торговые связи 1793—1860 гг. Сборник документов. Под редакцией М. В. Покровского и А. О. Хоретлева. Майкоп, 1957.
 Политика русского царизма по отношению к адыгейской феодальной знати в XVIII — первой половине XIX века. «История СССР», 1958, № 1.
 Общественный строй адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX века. «Кавказский этнографический сборник», II. Труды Института этнографии АН СССР, нов. сер., т. XLVI, М., 1958.
 Из истории взаимоотношений русского царизма и адыгейских феодалов. «Учен. зап. Кавказского гос. пед. ин-та», вып. XXIII, 1958.

ПАМЯТИ АЛЬБЕРТА НАМАТЖИРЫ

8 августа 1959 г. на 58-м году жизни скончался выдающийся австралийский художник-абориген Альберт Наматжира. Это имя уже известно советским читателям. В книге «Народы Австралии и Океании» он был охарактеризован как самобытный высокоталантливый мастер пейзажа своей родины¹. Журнал «Советская этнография» опубликовал статью, посвященную этому замечательному художнику², который не может не привлечь нашего внимания.

Альберт Наматжира родился 28 июля 1902 года в миссионерском поселке Германсбурге (Центральная Австралия) и принадлежал к племени аранда (арунта). О детстве его известно немного. Знаем, что он посещал миссионерскую школу, умел читать и писать на родном языке, немного говорил по-английски. С детства художник познал горькую долю аборигенов. Трудовую жизнь начал рано, еще мальчиком. Выполнял различную черную работу при миссии, был погонщиком верблюдов, пас скот, плотничал. В 1934 г. пастор поселка, где жил Наматжира, устроил выставку рисунков случайно прибывших туда двух мельбурнских художников. Наматжира упросил одного из них — Рекса Баттерби — обучить его живописи. Взамен этого абориген обязался работать у него в качестве погонщика верблюдов в путешествии по Центральной Австралии. За время двухмесячной поездки в 1936 г. ученик так освоил мастерство учителя, что, по словам последнего, больше учить его было нечему. Первые же рисунки художника-ученика, помещенные среди картин Р. Баттерби в г. Аделаиде, сразу же привлекли внимание австралийской публики.

В 1936 г. Наматжира продал одну из первых своих акварелей. С этого времени основным его занятием стала живопись. В ноябре 1938 г. в Мельбурне состоялась первая выставка картин художника. Была представлена 41 акварель. Работы эти вызвали большой интерес — все картины были быстро распроданы. Такие выставки стали часты³ и имели все больший успех. Картины быстро расходились. Одна из них — пейзаж «Хааст Блафф» (пик Алумбаура, Центральная Австралия) была

¹ «Народы Австралии и Океании», под ред. С. П. Толстова и С. А. Токарева (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956, стр. 298—299.

² Н. А. Бутин, Альберт Наматжира — художник из племени аранда, «Сов. этнография», 1954, № 4.

³ 1939 г. (в Аделаиде); 1944 г. (в Мельбурне); 1945 г. (в Сиднее); 1946 г. (в Аделаиде и Перте); 1947 г. (в Элис-Спринге и Брисбене); 1948 г. (в Мельбурне); 1954 г. (в Сиднее).

куплена Национальной галереей Южной Австралии. Вскоре художник получил широкое признание. Но и после этого Наматжира продолжал жить в своем поселке, ведя скромную жизнь, все свободное время отдавал живописи, совершенствуя свои навыки по окрестностям и рисуя пейзажи. Благодаря творчеству мастера кисти, со своей разной красотой пейзажей Центральной Австралии познакомились далеко за пределами страны.

О творчестве Наматжиры появились исследования. Его учитель Баттерби удел ему значительное место в своей книге «Современное искусство австралийских аборигенов»⁴. Посвященная художнику монография Маунтфорда «Искусство Аль Наматжиры» выдержала четыре издания⁵. В 1948 г. был выпущен фильм «Аль Наматжира, художник», имевший большой успех. Наматжира был удостоен звания академика живописи. Это продвижение неизвестного аборигена к мировой известности — явление совершенно исключительное. Как известно, коренное население Австралии живет в неопределяемых тяжелых экономических и политических условиях. Оно подвергается жестокой расовой дискриминации. Аборигены не имеют права свободно передвигаться по стране и жить в городах, за исключением случаев, когда они работают чернорабочими, на скотоводческих станциях, в портах. Но и там они не находят работы только в рабочее время, после окончания трудового дня они должны оставлять город и проводить ночь в пригородных трущобах.

Сам Наматжира только в 1950 г. с большим трудом вырвался из резервации, ему разрешили поехать в Порт Дарвин, чтобы писать пейзажи приморья. Его возмущала метиска, которая снабжала его пищей, так как чистокровный абориген в Австралии лишен права посещать магазины. До 1954 г. художник не имел даже посещать выставки своих картин. Он не мог самостоятельно распоряжаться своими заработками, на каждый расход требовалось согласие миссии. Ему не дали на свои же деньги построить дом, купить скот, так как Департамент туземных дел не допускает, чтобы абориген стал самостоятельным хозяином⁶. Так от капиталистического правительства Австралии к знаменитому художнику. Но эти ограничения не сломили его творческой энергии. Наматжира стал даже учить живопись своих молодых соплеменников.

Лишь недавно художник с мировым именем был, наконец, «удостоен» гражданства. Но это право оказалось в значительной степени фиктивным. Вот яркий пример. Осенью 1958 года он — уже «полноправный» австралиец — гласил кузена выпить рюмку вина. По австралийским законам, абориген пить не смеет. Стало быть Наматжира, угостивший своего сородича — бесправного аборигена, стал нарушителем закона⁷. Санкция белой Фемиды — шесть месяцев тюрьмы!

Резкий протест прогрессивных кругов страны⁸ заставил правительство ускорить срок заключения был уменьшен до трех месяцев, а тюрьма заменена принудительным пребыванием в резервации. Одновременно в печати расистов поднялась злобная кампания против художника. Голос поднял директор галереи искусств в Сиднее Миссингам. Он заявил, что картины Наматжиры не имеют художественного значения и недостойны висеть в Национальной галерее. В ответ на это прогрессивный критик Герберт Макклиток в статье «Искусство Наматжиры — народное искусство» Миссингаму достойную отповедь, охарактеризовав творчество Наматжиры как народное искусство. По мнению критика, оценка Миссингамом творчества Наматжиры содержит элементы расового предубеждения. Макклиток пишет, что Наматжира — гордость Австралии⁹. В защиту Наматжиры выступил и видный австралийский художник Н. Кунихэн¹⁰. Он также высоко оценил талант Наматжиры.

Расистский суд и призывы жестоко удручили художника морально и физически. Через два с половиной месяца после отбытия наказания он скончался. Так империалистические порабощатели загубили талантливого представителя коренных труженников Австралии. Смерть художника опечалила всю передовую Австралию. Орган Коммунистической партии «Tribune» писал, что гибель Наматжиры — «потеря не только для его соплеменников, но и для всего австралийского народа. За его смертью скорбят правительства Северной Территории и Федерации. Мы потеряли не только известного всему миру пейзажиста, но и выдающегося представителя аборигенского населения. Чтобы подобные случаи не могли повториться, необходимо предоставить аборигенам полные политические права»¹¹.

Памяти художника посвящали тепло написанные статьи Г. Макклиток, Н. Кунихэн

⁴ R. Battarbee, Modern Australian Aboriginal Art, Sydney, 1951.

⁵ C. P. Mountford, The Art of Albert Namatjira, Melbourne, 1944 (2 издания 1945, 1948).

⁶ См. «Some facts about the aborigines», Council for Aboriginal Rights, Melbourne, 1951.

⁷ Угостить аборигена вином не имеет права и белый австралиец.

⁸ «Tribune», 15 октября 1958 года 7 января и 1 апреля 1959 года.

⁹ «Tribune», 21 января 1959 года.

¹⁰ «Tribune», 1 апреля 1959 года.

¹¹ «Tribune», 12 августа 1959 года.

хэн и Ф. Харди¹². Они напоминают, что творчество Наматжиры выросло в борьбе с тяжелейшими условиями быта коренного населения. Какого же успеха он достиг бы, если бы жил в нормальных условиях и получил надлежащее образование! Н. Кунихэн особо отметил, что в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря безвременно ушедшего художника высоко ценят.

Смерть Наматжиры — большая утрата для прогрессивной культуры и еще один обвинительный акт империализму, губящему дарования порабожденных народов. Память о Наматжире будут хранить не только народы Австралии, но и все передовое человечество. Его пример показывает, какие таланты таятся в народе, несмотря на его поработение. Нет сомнения, что эти таланты полностью развернутся с ликвидацией дискриминационной политики империалистов.

А. Новицкая

¹² Herbert McClintock, Homage to Namatjira, «Tribune», 19 августа 1959 года; Noel Counihan, An Artist pays tribute to Namatjira, «Tribune», 2 сентября 1959 года; Фрэнк Харди, Жизнь и смерть Альберта Наматжиры, «Новое время», № 36, 4 сентября 1959 года.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Б. И. Карташев, *По стране оленных людей. Путешествия В. Г. Тана-Бого*, М., Географиздат, 1959, 45 стр., с илл. и картами.

В серии «Замечательные географы и путешественники» вышла брошюра, посвященная деятелю этнографической науки В. Г. Богоразу, рассчитанная на широкий круг читателей. Изданные ранее в этой серии брошюры были посвящены главному образом географам, хотя среди этнографов имеется много замечательных ученых беззаветное служение науке и достижения в этой области могут быть примером молодого поколения.

Следует приветствовать инициативу Издательства географической литературы выпустившего книжку, посвященную деятельности Владимира Германовича Богораза (Тана), замечательного этнографа, языковеда, фольклориста и писателя.

В. Г. Богораз родился 15 апреля (ст. ст.) 1865 года в г. Овруче б. Вольнской губернии. В 15 лет он окончил Таганрогскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но вскоре перешел на юридический. С этого времени вплоть до высылки в Колымск жизнь В. Г. Богораза тесно связана с революционной деятельностью народовольцев.

В глухой ссылке, будучи оторванным от политической деятельности, В. Г. Богораз отдается изучению северных народов. «Социальное задание эпохи для последемократических и народовольцев, попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке,— писал он,— состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытно-доисторических и почти совершенно не известных»¹.

Выполнению этого «социального задания» и посвятил свою жизнь В. Г. Богораз. Он выполнял его с героизмом и большим трудолюбием. Этот период в его жизни имеет огромное значение для этнографической науки, так как Богоразом был создан выдающийся труд по фольклору и этнографии, до сих пор сохранивший научную ценность. О значении этого периода в его жизни сам В. Г. Богораз писал: «Человек морской южанин по рождению, я стал певцом и бардом Севера. Воспел в прозе, в стихах, в лирике и эпосе, и даже в научных работах... Север навеки задал науку мою и мою беллетристику»².

Автор рецензируемой брошюры Б. И. Карташев рассказывает о жизни и деятельности В. Г. Богораза, группируя все факты и события в девять разделов. В первом разделе (Краткое введение) автор, начиная свой рассказ, описывает пребывание Богораза в Якутской тюрьме. Во втором разделе описываются детство и юность Богораза, его первый арест и высылка на девять лет в Колымск (Третий раздел посвящен Средне-Колымску и жизни ссыльно-политических, а также выполнению Богоразом «социального задания» — изучению русских колымчан. За это время (1890—1895) В. Г. Богораз собрал обширные фольклорные материалы и составил словарь колымско-русского областного наречия. Четвертый небольшой раздел посвящен Д. А. Клеменцу, благодаря которому В. Г. Богораз был привлечен в этнографическую экспедицию по изучению Якутской области, где Богораз должен был исследовать население Колымского края. Здесь же упоминаются имена ряда этнографов, чья деятельность также может служить самостоятельной темой для научно-популярных брошюр. П

¹ В. Г. Богораз, *Чукчи*, ч. 1, Л., Изд-во Ин-та народов Севера, ЦИО СССР, 1934, стр. XIII.

² В. Г. Тан, *Чукотские рассказы*, М.—Л., 1929, 372 стр. (см. предисловие автора), стр. 5, 9).

раздел посвящен краткой исторической справке о встрече русских с чукчами и слабой изученности чукчей до того, как за эту работу взялся В. Г. Богораз. Автор брошюры справедливо замечает, что все имевшиеся работы о чукчах «были катлей в море по сравнению с тем, что сделал Богораз. Никто из прежних исследователей не знал чукотского языка, а потому чукотский фольклор, предания и обычаи чукотского народа изучались недостаточно глубоко». В шестом и седьмом разделах рассказывается о начале работы В. Г. Богораз среди чукчей и других народов Севера. Восьмой раздел посвящен результатам работы В. Г. Богораз по изучению чукчей, приезду его в 1899 г. в Петербург и приглашению его участвовать в экспедиции Ф. Боаса (так называемой Джекзуловской экспедиции). Девятый, последний раздел посвящен работам В. Г. Богораз и его деятельности в советское время (работа его в Музее антропологии и этнографии в Ленинградском университете, Музее истории религии Академии наук СССР).

Автор дал в общем правильную картину развития деятельности В. Г. Богораз. Но по целому ряду вопросов он с недостаточной полнотой осветил работы ученого и их методологические недостатки. Сам В. Г. Богораз в предисловии к русско-мюльбрунскому изданию его монографии «Чукчи» писал: «Переходя к пересмотру всего материала моей монографии с новой точки зрения, я должен прежде всего отметить эмпирический характер всей моей работы. Я старался следовать за фактами и с некоторым трудом решался на обобщения. Ибо я должен сказать вообще, что во время моей полевой работы, а также и после того, я относился с недоверием ко всем существовавшим в то время теориям развития первобытного общества... В настоящее время я от этого скептицизма отошел и усвоил, хотя с некоторой медленностью, основы марксистского мышления, которое стараюсь применить в моих работах последних лет»³.

Автору брошюры следовало бы сказать, что В. И. Ленин в своих работах неоднократно упоминает В. Г. Богораз (Тана)⁴.

К сожалению, в брошюре не приводится данных о современной жизни чукчей, между тем В. Г. Богораз гордился тем, что «внуки моих учителей и моих первых переводчиков приехали сами учиться ко мне в Ленинград на Северный рабфак. Это ли не чудо, не новая живая сказка?»⁵. Об этом «чуде», которое совершилось у чукчей после Великой Октябрьской социалистической революции, автор ни слова не рассказал читателю, что является большим недостатком брошюры. Сам В. Г. Богораз будучи одним из инициаторов создания Комитета Севера и Института народов Севера, создания письменности этих народов, будучи автором первых учебников, словарей, активно способствовал возрождению народов Крайнего Севера, и в частности чукчей. Рассказ об их современной жизни мог быть тесно вплетен в биографическое произведение о В. Г. Богоразе.

Не упоминает автор и о рукописном наследии В. Г. Богораз. Архив этого выдающегося этнографа и общественного деятеля, кроме научных работ, содержит много писем, в том числе от Д. Н. Анучина, Анри Барбюса, Теодора Драйзера, а также автобиографию, записные книжки и др. Автор не привел и списка основных работ В. Г. Богораз. Между тем в научно-популярных работах такой список литературы указывается читателю путь к дальнейшему изучению темы.

Издателю географической литературы начало полезную работу. Будем надеяться, что в ближайшее время выйдут научно-популярные брошюры, посвященные другим видным деятелям этнографической науки.

Подготовка серии научно-популярных этнографических работ должна быть предметом особого внимания и Института этнографии Академии наук СССР.

Е. А. Мильштейн

И. Е. Тугутов. Материальная культура бурят. Этнографическое исследование, Изд. Сибирского отделения АН СССР, Улан-Удэ, 1958, 214 стр.

Книга И. Е. Тугутова — первая работа, посвященная историко-этнографическому исследованию бурятского колхозного улуса. Это отмечает А. П. Окладников в предисловии, помещенном в начале книги. «Работа И. Е. Тугутова тем более ценна, — пишет он, — что после смерти первого бурятского этнографа М. Н. Хангалова (1918) никто глубоко не занимался этнографией бурят» (стр. 3).

И. Е. Тугутов долгое время был сельским учителем в Селенгинском аймаке Бурятской АССР, являясь активным общественником и непосредственным участником социалистического преобразования культуры и быта бурятского улуса. Это —

³ В. Г. Богораз, Чукчи, I, стр. XV.

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 416, 426; т. 12, стр. 6; т. 18, стр. 488.

⁵ В. Г. Тан, Чукотские рассказы, стр. 5.

этнограф-исследователь, сумевший проследить глубокие изменения, происходящие в повседневном быту сельского населения Бурятии.

В книге освещены три периода: дореволюционный (конец XIX — начало XX вв.), причем автор делает экскурсы и в более отдаленное прошлое), доколхозный и послеколхозный периоды. Основной этнографический материал для книги собран автором в южных районах Бурятской АССР, главным образом в Селенгинском и Хоршибирском аймаках. Привлечен им также оригинальный материал из аймаков республики и из бурятских национальных округов. Поэтому книга в значительной степени характеризует материальную культуру бурят в целом. Однако не отметить, что преобладают сведения о забайкальских бурятах.

Кроме этнографического полевого материала, автор использовал широкий круг других источников: архивные данные (Центрального государственного архива, архивов республиканских, аймачных организаций и колхозов), периодическую печать, музейные коллекции, а также этнографическую литературу.

Книга состоит из введения и восьми глав: I — Социалистическое переустройство сельского хозяйства; II — Изменения в орудиях труда; III — Ремесло; IV — Жилище и поселение; V — Одежда; VI — Пища; VII — Семейно-брачные отношения. Свадебные обряды; VIII — Захоронение. В конце даны заключение и перечень источников и литературы.

Во введении автор определяет свою задачу как изучение на конкретном материале социалистического переустройства хозяйства, быта и культуры ранее отсталых народов, миновавших капиталистическую стадию развития, и подчеркивает как теоретическое и практическое значение такого исследования.

В I—III главах показаны коренные изменения социальной базы в бурятском и различные стороны его хозяйственной жизни: развитие земледелия у бурят, переход от оседлости вчерашних кочевников и полукочевников, создание передового социалистического сельского хозяйства. Однако, по нашему мнению, автору следовало сказать и о подсобных отраслях хозяйства: о значении и способах охоты и рыболовства у бурят в наше время, о развитии звероводства, о колхозном пчеловодстве и т. д. Не упомянуто о верблюдоводстве, известном бурятам некоторых районов. В книге нет упоминаний и о таких характерных особенностях бурятского хозяйства как устройство утугов, развитие оросительно-мелиоративной системы, имеющей огромное значение в южных, засушливых районах Бурятской АССР. Хотелось бы было знать о быте современного чабана. Нельзя не согласиться с мнением А. П. Окладова, что «ремесло дано бегло» (стр. 6). В главе, посвященной ремеслу, автор ограничился краткой характеристикой обработки металла и дерева. Правда, в главе «Одежда» он приводит некоторые сведения об обработке кожи, овчины, изготовлении войлока и о вышивке. О прядении, вязании и тканье у бурят имеется лишь беглое упоминание (стр. 141—142).

Главы IV—VI, занимающие центральное место в книге, написаны автором с большой любовью и читаются с большим интересом. Наиболее обстоятельно рассказано о поселениях и жилище. Читатель узнает о том, как с коренной перестройкой жизни у бурят стал исчезать привычный тип жилища кочевников — войлочная юрта, как развилось срубное жилище, ставшее ныне удобным многокомнатным домом, создавались современные улусы, каковы их планировка, устройство центральных усадеб колхоза, его общественные постройки. В этой главе подробно описана строительная техника, архитектурные приемы и украшения, своеобразная отопительная система жилища (бурятская печь отличается от русской), внутреннее убранство дома, в котором немало характерных национальных особенностей.

Плотничье и столярное мастерство бурят получило широкое применение в современном строительстве в колхозах. Раньше бурятским плотникам негде было применить свое умение и приходилось идти на отхожие промыслы в города и русские села (стр. 87). Это положение автора подтверждают и наши исследования летом 1954 г. (Забайкальский отряд Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР). В русских забайкальских селениях «семейских» и «сибиряков» в дореволюционное время широко применялся труд бурятских плотников, что не могло не сказаться на местной архитектуре. Буряты, заимствовал от русских плотничью технику, а с тем вносили много своего, особенно в орнамент резьбы.

В главе «Одежда» даны сведения о бурятской национальной одежде, о бытовых уборах, о бытовании их в настоящее время и о своеобразных чертах городской одежды, широко распространенной в колхозных улусах.

В главе «Пища» содержится интересный материал об особенностях бурятской кухни. Большое внимание автор уделил изменениям питания бурят в результате развития у них земледелия, показал овладение ими техникой хлебопечения, в связи с чем дал описание усовершенствованной печи у бурят в настоящее время (стр. 163).

Главы VII и VIII, посвященные характеристике семейно-брачных отношений у бурят, предельно кратки. Эти важнейшие стороны жизни бурят требуют особого внимания; в книге о материальной культуре, по-видимому, не было необходимо осветить их подробнее.

Автор последовательно проводит мысль о связи культуры в широком смысле всеми сторонами общественной жизни и о том, что «материальную и духовную

туру нельзя рассматривать изолированно друг от друга» (стр. 17). В связи с этим в заключении И. Е. Тугутов освещает ход культурного строительства у бурят после Октября. «Глубокому преобразовательному процессу в материальной культуре бурятского улуса сопутствовала целая культурная революция», — пишет он (стр. 189).

Рецензируемая книга богата свежим фактическим материалом, хорошо датированным, нередко с характеристикой общественного или производственного лица информатора. Автор не ограничивается простым описанием, а вдумчиво анализирует собранные им факты, пользуется сравнительным материалом, подкрепляя свои выводы большим количеством ярких примеров.

В книге прослежено положительное влияние русского народа на различные стороны материальной культуры бурят. Приведены интересные факты, иллюстрирующие прогрессивную деятельность живших в Бурятии декабристов (братьев Бестужевых и др.), направленную на изменение быта местного населения.

Рецензируемая книга нужна не только исследователям народов Сибири, но и всем изучающим русское сибирское население, помогая выяснению русско-бурятских культурных взаимосвязей. Она представляет интерес и для широкого круга читателей.

Следует отметить ее простой язык, живость изложения. В этом сказалось, видимо, то, что И. Е. Тугутов является и писателем-беллетристом.

В книге 57 иллюстраций, но качество выполнения некоторых из них неудовлетворительно. Отсутствие в ряде случаев рисунков при описании одежды, построек и пр. очень затрудняет восприятие изложенного. Не помещено ни одного образца бурятской вышивки. Крайне мал тираж книги (800 экз.).

Замечания, касающиеся оформления книги и тиража, конечно, должны быть направлены в адрес издательства, а не автора.

Г. Маслова

Thomas A. Sebeok, Paul G. Brewster. *Games*. «Studies in Cheremis», vol. 6. Indiana University Publication, Folklore Series, N 11, Bloomington, 1958, 123 стр.

Рецензируемая книга представляет собой шестой том серии, издаваемой в США под названием «Studies in Cheremis». Книга посвящена марийским народным играм. В предыдущих томах этой серии опубликованы исследования по фольклору, религии, происхождению марийцев и их расселению.

Работа состоит из краткого введения и семи глав. Во введении авторы указывают на использованные ими источники и характеризуют структуру работы. Каждая из глав содержит материал по определенной группе марийских народных игр. К работе приложена библиография (215 названий), включающая работы английских, французских, русских и других авторов, посвященные главным образом народным играм.

В книге дано более или менее полное описание 97 марийских игр. Частично авторами были использованы неопубликованные материалы венгерского ученого Odón Beke. Описание 23 марийских игр было получено составителями от марийского информатора Ивана Евского, живущего в США. Описание 70 игр представляет собой перевод из опубликованных русских работ (Русско-марийского словаря В. М. Васильева, работ И. Н. Смирнова, Е. А. Покровского и др.).

Описанные в книге марийские игры классифицируются авторами следующим образом: игры с предметом; игры-соревнования; групповые игры; игры с двумя участниками; ритмические и драматические игры; игры, имитирующие трудовые процессы; неклассифицированные игры. Давая описание той или иной марийской игры, авторы приводят многочисленные аналогии игр, более или менее сходных с описанной, различных народов мира.

Во введении отмечается, что сводки материалов по марийским играм до сих пор не было опубликовано. Действительно, среди этнографических трудов о марийцах, изданных как в дореволюционный, так и в советский периоды, нет работ, специально посвященных играм этого народа. Правда, в некоторых работах встречается описание отдельных игр (например, в работе «Черемисы» И. Н. Смирнова, Казань, 1889). Между тем изучение народных игр представляет большой интерес для этнографа. Оно может дать богатый материал по истории народа, по его культурным связям с другими народами. Поэтому крупной заслугой авторов книги является то, что они собрали и опубликовали большое количество марийских игр.

Нельзя не указать на некоторые недостатки этой публикации. Давая, например, подробное описание игр, авторы очень мало внимания уделяют освещению вопроса их происхождения. Иногда, приводя мнение того или иного исследователя относительно происхождения какой-либо игры, они не высказывают своего отношения к излагаемым взглядам. Так, относительно игры, которую авторы называют «прыжки через линии» (№ 28), соответствующей русской игре в «райки» и подобным ей играм других народов, приводятся мнения нескольких ученых. Одни из них считают, что эта игра является «отражением движения души от земли к небу», основывая это мне-

ние на названиях отдельных частей чертежа, который играющие наносят на другие связывают ее с представлением о лабиринте. Приведены и иные мнения относительно происхождения этой игры, но авторы книги не дают своей оценки этим мнениям. В большинстве же случаев авторы вообще ограничиваются замечаниями, что определить происхождение игры нет возможности, и не приводят высказываний других ученых.

Как сказано, для большинства описанных марийских игр приведены многочисленные параллели в играх различных народов мира. Но такое сопоставление было интересно, если бы был произведен анализ сходства и различия этих игр, проследить их возможные генетические связи. В данном же контексте эти параллели выглядят случайными. В то же время авторами не отмечена близость игр марийского и их соседей, в частности русских.

Один из дореволюционных исследователей поволжских народов И. Н. Смирнов в упомянутой выше работе «Черемисы» отмечает, что большая часть марийских игр носит несомненные следы близости к русским играм, например «Ворожец» («Молан модаш»), жмурки («Сюре») и др. В рецензируемой книге русские параллели даны лишь к очень немногим играм, — например «*Marjala modaš*» (горелки; эти «*Čižik dop modaš*» (чижик, стр. 88). Далеко не всегда даются марийские названия описываемых игр, чаще они названы по-английски. Описание некоторых игр не дано четко и ясно, что отмечено местами и самими авторами. В некоторых случаях описание игры совершенно отсутствует; дано лишь ее название (например, «Волк», № 69, стр. 80; «*Selmepa modaš*», № 78, стр. 87). Эти недочеты лишь могут быть объяснены неполнотой материалов, которыми располагали авторы. Хотелось бы отметить, что, к сожалению, в книге нет иллюстраций.

Недостаточно удовлетворительной является и классификация игр, принятая в рецензируемой работе. Достаточно сказать, что не разделяются игры детские и взрослые, в которые играют или играли взрослые. Не выделены и игры более позднего происхождения — такие, как инсценировка набора рекрутов, наблюдение луны в телескоп.

Следует, однако, напомнить, что рецензируемая книга является единственным в литературе сводкой материалов по марийским играм и представляет поэтому интерес для тех, кто занимается изучением народных игр или этнографией марийцев.

Т. Смирнов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Basile Nikitine. *Les Kurdes. Étude sociologique et historique. Ouvrage accompagné de 15 cartes et 12 planches. Préface de M. Louis Massignon. Paris, 1956. VIII стр.*

Автор рецензируемой работы В. П. Никитин в годы первой мировой войны стоял русским консулом в Иране (Урмия). Ныне он живет в Париже и является одним из крупнейших курдоведов. Ему принадлежит ряд работ в области истории и этнографии курдов. Рецензируемая книга представляет собой обобщающий труд, в котором автор на основании собственных наблюдений и имеющейся литературы дает общий и разносторонний сведения по истории, этнографии, фольклору и литературе курдов, рассматривает положение этого разобщенного, расселенного в нескольких странах народа и излагает свои соображения о его дальнейшей судьбе. К книге приложено приложение автора с различными официальными лицами и учреждениями по вопросу положения курдов, обширная библиография, указатель, карта и иллюстрации. Следует отметить, что В. П. Никитин, все годы после Октября проживший за границей, естественно, не может объективно судить о национальном строительстве в СССР. В то же время его «скептицизм» не является враждебным. В. П. Никитин интересуется всем происходящим в нашей стране, особенно в области иранистики, курдологии. В его творчестве чувствуется вековая традиция русских востоковедов, с большой широтой подход к исследуемому явлению и с любовью и уважением относившихся к народу, культуре и жизни которых они изучали.

Однако, поднимая большое количество вопросов, В. П. Никитин не все стороны культуры и быта курдов освещает с одинаковой полнотой, отчасти в силу недостатка материала или неразработанности темы, отчасти же, как он сам в ряде случаев признает, вследствие того, что тот или другой вопрос уже был детально исследован другими авторами. Нам, естественно, больше всего интересуют главы, посвященные истории курдов, и на их содержании мы остановимся более детально.

Книга разделена на 12 неодинаковых по объему глав; работе предпосланы небольшие предисловия Л. Масиньона и самого В. П. Никитина. Предисловие Никитина (как, очевидно, и сама книга) было написано в годы второй мировой войны:

ко лишь в середине 1950-х годов появилась возможность издания книги, что видно из небольшой приписки к предисловию, помеченной февралем 1955 г.

Первые две главы (стр. 1—42) посвящены вопросу о происхождении курдов, их лингвистической и антропологической характеристике, территории расселения. Автор подробно останавливается на характеристике древних источников о курдах, степени их достоверности, сопоставлении различных известий, критикует, в частности, теорию отождествления курдов с кардухами Ксенофонта. Приводя различные точки зрения виднейших исследователей по данному вопросу, автор заключает, что в основном намечаются две гипотезы: 1) об индоевропейском происхождении курдов; 2) об их связи с автохтонными племенами — халдами и предками современных грузин и армян. Однако такое разделение существующих точек зрения слишком схематично, поскольку каждая из них содержит и некоторые элементы доводов другой гипотезы.

Несомненно, этногенез курдов весьма сложен; наряду с автохтонными племенами, от которых, по мнению автора, в курдской среде сохранились пережиточные явления матриархата, в образовании курдской народности, вероятно, принимали участие и иранцы (персы).

Прародиной курдов Никитин считает горы южного Тавра, а также левого берега р. Тигр, хотя возможно, что в наиболее отдаленном прошлом предки курдов жили еще несколько западнее и южнее. Автор дает сведения о современном расселении курдов, указывая, что на западе их поселения доходят до Евфрата и несколько далее в Малой Азии, на востоке — до Хорасана. Горы являются обычной средой обитания курдов, на равнине они живут в значительно меньшем числе. Автор приводит различные цифровые данные о численности курдов по отдельным странам и полагает, что общее число их составляет около 5 млн. чел.

Остановимся несколько подробнее на третьей главе книги (стр. 43—64), посвященной образу жизни, занятиям и связанным с ними обычаям курдов. При изложении материала В. П. Никитин широко пользуется цитатами из сочинений многих авторов, описывающих быт курдов различных районов, от северной Месопотамии (работа капитана Диксона) до советского Закавказья включительно (работа Е. Шамилова); в основном материал относится к трем курдским районам — горам южного Тавра, Армянскому плато и Закавказью. Следует отметить, что автор в своем описании не различает советских и зарубежных курдов; говоря о советских курдах, он рисует их прошлый, дореволюционный быт.

Курдское население сельских местностей в зарубежных странах можно подразделить на оседлое и полукочевое, причем последнее все более переходит к оседлости. Зимой курды живут на равнине или в долинах в глинобитных домах, весной засевают поля и, оставляя затем лишь отдельных людей для присмотра за урожаем, уходят со стадами в горы. Летние пастбища находятся обычно на значительном расстоянии от зимовий, передвижение со скотом совершается по традиционным маршрутам, неизменным из поколения в поколение. Зимой, в особых загонах — «долга», расположенных несколько выше селения, содержат ягнят и козлят с таким расчетом, чтобы они к моменту начала откочевки окрепли и смогли двигаться в горы. Во время перекочевков скотоводы организуются в кочевые сельскохозяйственные общины — «обá» (по 40—80 хозяйств), во главе которых стоят «обá-баши», обычно наиболее богатые и влиятельные люди, они устанавливают порядок и сроки передвижения, намечают остановки; все члены «обá», слушаются их беспрекословно.

Перед выходом в горы скот сосредоточивается в месте расположения «долга», и каждый богатый курд устраивает угощение, молодежь веселится, поет и танцует. Этот небольшой праздник называют «сара пез» (приплод скота). День отправления на летовые называют «бародан»; к нему готовятся как к празднику, надевают новое платье, девушки украшают голову цветами, вдевают в ноздрю колечко с золотой платинкой «карафиль» (для этого еще в детстве девочкам прокалывают ноздрю); животных украшают лоскутками цветной ткани и лентами, на лучших баранов надевают шейники с подвесками. Обá-баши дает знак к выступлению, впереди стада идет большой козел с колокольчиком на шее. Стада и пастухов провожают до первой остановки, потом провожающие возвращаются, так как основная часть кочевников выходит на летовые позднее.

Основу скотоводства кочевника-курда составляют овцы и козы; они дают важнейшие средства существования — молоко, мясо, жир, а также шерсть и козий пух для изготовления войлоков и одежды. Курды держат также ослов и лошадей; последних очень ценят, но число их ограничено, так как в зарубежных странах власти забирают лошадей для военных нужд. Быков держат только для сельскохозяйственных работ, верблюдов разводят очень мало. Вся жизнь полукочевого курда связана со стадом. Осенью, при возвращении скота с летовых, самцов подпускают к самкам (летом они пасутся порознь), чтобы получить приплод одновременно. Это событие отмечается особым раздвоянием, называемым «беран бердан» (выпуск баранов); при этом принято стрелять из ружей, «как во время свадьбы». Устраивается соответствующее угощение; девушки в этот день повязывают свои головные платки на выбранных ими баранов, а молодые люди снимают платки, давая таким образом понять, кого они любят. Это время помолвки и сватовства. После праздника хозяева рассчитываются с пастухами, которые получают вознаграждение натурой (примерно из расчета 1 баран с 25 выпасаемых голов скота).

В более низко расположенных местах скот зимой пасется вблизи селения; в виах суровой зимы скот содержится в темных, тесных помещениях «агул», кормомой, иногда заготовленным сеном, дубовыми листьями.

У зарубежных курдов земледелие очень примитивно. Им занимаются в более высоких местах, например на южных склонах Тавра. Из зерновых культур преобладают ячмень и пшеница; посевы в основном орошаются атмосферными осадками, хотя в некоторых районах применяется террасовое земледелие с искусственным орошением, где население занимается сбором и продажей кустарника на топливо, выжигание лесного угля и продажей гумми-драганта, добываемого из сока растений. Собраны также различные травы, в частности красители. Местами имеет значение и охота.

Среди курдов распространены также некоторые промыслы и ремесла. Женщины изготавливают ткани и войлоки для шатров; молитвенные коврики из Сенне известны во всем Иране. Территория расселения зарубежных курдов это не только страны Ближнего Востока, но и страны Европы, здесь имеются сравнительно большие города — Ван, Бисмил, Эрбил, Сенне, Саудж-булак (Межабад), в которых много искусных ремесленников — деревообделочников, ювелиров и пр. Курды, пишет Никитин, чужды торговой деятельности; все, что им требуется, они стараются получить путем обмена, монеты употребляются больше в качестве женских украшений; однако товарно-денежные отношения все больше проникают в их среду.

В. П. Никитин справедливо отмечает, что за последние десятилетия капиталистическая экономика начинает усиленно проникать в курдские районы зарубежных стран. Однако автор умалчивает о том, что это в основном связано с экономической и политической экспансией империалистических держав в закавказье и страны Ближнего Востока. Капитализм проникает к курдам в наиболее тяжелых для них формах и в подавляющем большинстве случаев связан с консервацией отсталых форм экономической и общественной жизни, с усилением национализма. Поэтому, когда В. П. Никитин с похвалой отзывается о деятельности американских миссионеров в Урмии во время первой мировой войны (стр. 62—63), его оказываются в противоречии с общеизвестным фактом, что деятельность миссии на Ближнем Востоке преследовала отнюдь не альтруистические цели, а отвечала интересам американского империализма, стремившегося вытеснить из этих своих конкурентов. Вся последующая история проникновения американского империализма в Турцию, Иран и Ирак, деятельность американских советников в Иран в годы второй мировой войны и в послевоенный период, американская «помощь» иранскому правительству в борьбе с коммунистическими странами, наконец, открытая борьба с национально-освободительным движением народов Ближнего Востока, в частности с курдским движением, как нельзя более красноречиво говорят об этом.

Столь же корыстные цели преследовали мероприятия реакционных правительств Турции, Ирана и дореволюционного Ирака в области изменения экономики курдских племен и перевода их на оседлость. Неудача этих проводимых жестокими методами мероприятий мер объясняется, конечно, не тем, что курды якобы «очень верны» (стр. 60) и «самой природой воспитаны как горные кочевники и перемещение их очень трудно». Мероприятия эти встречали резко отрицательное отношение со стороны широких масс курдского народа, потому что обрекали их на дальнейшее угнетение, на тяжелый полуграбский труд, способствовали еще большему закабалению курдских крестьян феодалами. Большинство «улучшений», введенных в свое время иранским правительством, о которых пишет автор, фактически не проводилось, а если и были попытки осуществления отдельных мероприятий, якобы направленных на улучшение жизни курдов, то они на деле служили интересам эксплуататорских классов. Вместе с тем жестокая ассимиляторская и националистическая политика реакционных правительств Турции и Ирана в отношении курдского народа, лишенного в этих странах элементарных человеческих прав, дееспособной выражаемую В. П. Никитиным надежду на то, что эти правительства идущие в фарватере американского империализма, смогут осуществить политику национального восстановления курдов.

В. П. Никитин, к сожалению, почти ничего не говорит об экономическом расцвете курдов Закавказья в советское время, хотя и приводит некоторый цифровой и фактический материал. Он совершенно не касается того общеизвестного факта, что советская национальная политика привела советских курдов к зажиточной жизни, помогла им избавиться от вековой нищеты и экономической отсталости. А ведь в сущности обусловлены расцвет хозяйства советских курдов, их большая роль в развитии курдской национальной культуры, о чем в дальнейшем говорит В. П. Никитин. Вместе с тем несколько раз высказываемые автором опасения, что развитие культуры советских курдов может привести к отмиранию у них специфических черт культуры, основано на недоразумении: В. П. Никитин мало знаком с советской действительностью и не осведомлен о подлинном расцвете национальных культур всех народов больших и малых, населяющих Советский Союз. Несомненно, развитие национальной культуры советских курдов не может не быть связано с отмиранием примитивных форм экономики, материальной культуры, с ликвидацией таких реакционных институтов, как кровная месть, калым, знахарство и т. п. Однако все положительные достижения культуры древнего курдского народа бережно сохраняются советскими курдами и получают дальнейшее развитие, о чем пишет сам автор.

Следующая глава (стр. 65—86) посвящена физическому облику курдов и их характеру. Однако она не представляет интереса для советского читателя. Значительно более любопытна глава пятая (стр. 87—118), посвященная вопросам материальной культуры, семье и различным семейным обычаям.

Автор описывает различные типы жилища у курдов. Глинобитные и каменные надземные постройки встречаются до высоты 900—1000 м над уровнем моря; на высоте 1000—2500 м бытуют преимущественно подземные жилища, в зоне, находящейся еще выше, можно только летом видеть шатры кочевников. Расположение селений очень разнообразно, что объясняется различными причинами — конфигурацией местности, соображениями безопасности; часто дома тесно примыкают друг к другу, иногда находятся даже под одной крышей. Можно встретить жилища, наполовину врытые в склон горы и состоящие из двух этажей; нижний этаж служит помещением для скота, здесь же находятся различные кладовые. Основанием крыши служат горизонтальные балки, на них лежат подбалки, сверху сухая трава или камни и слой земли. В долинах летом в домах бывает жарко, поэтому жители перебираются куда-нибудь повыше селения и сооружают там специальные помосты из жердей — «зома», на которых спят. Внутренняя планировка жилища не везде одинакова, более распространены двухкамерный дом. Первое от входа помещение — «коулан» представляет собой нечто вроде сеней, где хранят воду, топливо, здесь же находится летний очаг «кучик»; второе помещение — жилое; посередине находится тандур, имеющий вид большой амфоры, врытой в землю, справа от входа вдоль всей стены тянутся глинобитные нары (душки-райничтуни), покрытые кошками и коврами; против входа устроен помост для молочных продуктов. Мужчины располагаются на нарах, а женщины и дети — в левой части помещения, группируясь вокруг хозяйки дома; здесь же треножник «секутче» с котлом. Зимой устраивают специальное приспособление «курси» для согревания жителей дома — над очагом, углубленным в землю, ставят табурет, покрытый одеялом.

На кочевьях живут в шатрах, похожих на шатры северных арабов-бедуинов. Для них изготовляют черные полотнища из козьей шерсти (отсюда название «реш-маш» — черный дом), укрепляемые при помощи ремней и веревок на жердях различной высоты. На землю стелют кошмы, ковры. Величина и качество шатра зависят от социального положения хозяина; шатры вождей племен достигают размеров 30×100 шагов, в них устраивают несколько отделений, в частности женское.

Традиционное представление о курдах связано с лошадью; верховой курд вооружен ружьем и кинжалом, на поясе у него патронташ. Еще турецким султаном Абдул Гамидом была организована верховая курдская милиция. Отличительной особенностью одежды этой милиции была коническая белая шляпа с черной повязкой из кашемировой шали, бахромы которой ниспадала кругом; штаны заправлялись в высокие сапоги. В горных районах расселения зарубежных курдов, где лошадь была мало распространена, одежда более приспособлена для пешего хождения; штаны длинные, висящие сади мешком, небольшая куртка из белого войлока, белая коническая шапка с белой или голубой повязкой, на ногах сандалии. В южных районах костюм походит на арабский — рубаха и нечто вроде тунки, чалма, жилет. В центральных районах костюм простых курдов состоит из длинных штанов и куртки (рани бергуз), войлочного жилета (пестек) и войлочной конической шапки (колас, коум); нательная одежда — рубаха (керас) и штаны (дерпи); обувь из прессованной шерсти (решик зерган) или из недубленой кожи (калек). Носят также персидскую верхнюю одежду (каба, сердари).

Женский костюм в северных районах состоит из длинной цветной рубахи, длинных штанов и юбки, в холодное время года сверху надевают еще одну-две рубахи. Волосы заплетают в мелкие косы, на голове — круглая шапочка с подвесками, сверху накидывается платок. Женщины мукри и сене известны большими тюрбанами, состоящими из множества цветных платков. Курдянки мукри часто носят тяжелую верхнюю одежду, накидываемую на плечи (сердари, или чарукия). Костюм женщин района Сулеймани носит следы арабского влияния; это белая короткая нижняя рубаха и белые орнаментированные внизу штаны; сверху — длинная рубаха с вырезом по шее и длинный, открытый спереди кафтан (кава); на голове — маленькая шапочка, на которую накидывается цветной платок (джамана), поверх него повязывается арабский шнур (пушин). Для курдянок характерно большое количество украшений. Лица они никогда не закрывают.

Далее в книге описана пища, в которой большое место занимают молочные продукты и рис. Курды отличаются гостеприимством; у людей, имеющих достаток и пользующихся влиянием, всегда открытый стол и постоянно толпятся гости.

Курдские женщины в зарубежных странах выполняют всю основную тяжелую домашнюю работу, заготавливают топливо, носят воду, доят и выючат скот и не расстаются с младенцами, которых привязывают за спиной. Вместе с тем женщины у курдов пользуются большей свободой, чем у других мусульман. Они участвуют в общественной жизни наряду с мужчинами и нередко смело и решительно высказывают свое мнение на собраниях. Иногда женщина передает свое имя сыновьям. Известны случаи, когда женщины стояли во главе племен и родов. Как правило, среди курдов господствует моногамия, полигамия встречается только среди знатных и зажиточных.

Главой семьи является отец, пользующийся властью и авторитетом, он занимает

в доме почетное место, в его присутствии остальные члены семьи без его разрешения не могут сидеть и разговаривать. Старшим по возрасту всегда оказывается почти если молодой человек входит в шатер, он целует руку у всех старших, они же целуют его в лоб. Дети наследуют отцу, сыновья и племянники получают вдовое против наследников женского пола. Ничто так не дорого курду, как его первенец. Поэтому сто при переговорах требовали в качестве заложника старшего сына вождя; залог считался лучшим обеспечением, чем клятва на коране.

Вторая часть главы посвящена обычаям и обрядам при рождении, браке и смерти. Приводятся старинные обряды и действия, совершаемые для облегчения родов; родильнице и новорожденному якобы угрожают различные злые силы, среди которых особое место отводится злему духу, известному под названием «аль» не только у курдов, но и у многих других народов Передней и Средней Азии. В защиту от аль практикуются различные обереги. Имя ребенку в большинстве случаев дают женщины. Обряды совершаются тогда, когда родители соберутся со средствами на устройство будущего уюта.

Автор приводит брачные церемонии и обычаи по нескольким районам. Основным для юноши считается 15 лет, для девушки — 9—10 лет. Обычным правом одобрения браки между родственниками, чаще всего двоюродными братьями и сестрами. Практикуется колыбельный стговор. Отцу девушки выплачивается калым (баштык), состоящий из денег и скота; иногда он очень высок. Со своей стороны отец девушки приготавливает все необходимое в хозяйстве в качестве приданого (джихиз) и делает дочери подарок — лошадь или корову; полученное от отца — единственная собственность, которой располагает женщина. Семья жениха несет большие расходы по свадьбе, родственники оказывают в этом посильную помощь. Практикуется обычай братского соглашения между двумя юношами (кардашлык). Такой «названный брат» — кардаш помогает тому в случае свадьбы продуктами, деньгами; женившийся, в свою очередь, выполняет то же при женитьбе кардаша. В течение первой брачной ночи кардаш охраняет комнаты новобрачных.

Друзья жениха приходят за невестой, чтобы вести ее в дом жениха; перед выходом закрывают двери, и кардаш должен дать выкуп; от него требуют выкупа и за возвращение невесты, за пропуск поезда с ней по дороге, которую перегораживают веревки. По приезде молодая не слезает с лошади, пока свекор не сделает ей подарка. Когда она входит в дом одна из женщин бросает между ее ног и через порог несколько хлебов — лаваш. Молодая целует порог и входит в дом, поднимая и приветствуя его. В доме женщины берут ее за руки и обводят вокруг очага, говоря: «мы тебя в этот суд, а ты должна служить этому дому до последней минуты». Два-три дня молодая пребывает за занавеской в обществе своих подруг и родственников мужа. Выход из занавески молодой сопровождается поднесением ей подарков, она обходит порог и целует им руки, ей при этом дают деньги.

Примерно через неделю отец новобрачной приглашает ее и мужа с родственниками к себе и устраивает угощение. Молодая остается у отца еще два-три дня, при этом отец делает ей подарок; это называется «открытие дороги» (аяк атчма); мол родственники приглашают к себе и другие родственники и одаривают ее; если они этого не делают, потом ни за что не пойдет к ним в дом. Положение новобрачной в доме нельзя назвать тяжелым, во всяком случае первое время ей оказывается много внимания, до первых родов она считается как бы в гостях. Женщина не называет мужских старших членов семьи по имени: к мужу она обращается — «е» или «еда», свекровь называет теткой (хала), свекра дядей (мамо), старшего брата мужа б (бра); младших же родственников называет по имени. Муж жену также не называет по имени, а говорит — «адхиз» (дочь). В книге приводится ряд обычаев, свидетельствующих о пережитках матриархата, среди которых отмечается и обычай «возвращения домой» молодой. Автор отмечает бытование левирата — курды считают, что вдовы в другую семью является для них бесчестьем. В заключение главы описаны обряды, исполняемые при смерти и погребении.

Глава шестая и седьмая (стр. 119—176) посвящены характеристике курдского племени. Остановившись лишь на первой из них, так как во второй рассматривается вопрос о названиях и классификации курдских племен, их подразделений, численности, расселении и т. п., что представляет интерес главным образом для специалистов. Нельзя согласиться с концепцией автора, будто сперва сложилась семья, а затем племя. Более прав автор, когда говорит, что современное племя уже нельзя рассматривать как единое целое, основанное на кровном родстве; племя сейчас состоит из двух элементов: основное ядро — семьи, родственные вождю, и некоторое число чуждых семей, в зависимости от ситуации примыкающих то к одному, то к другому племени, что всегда затрудняет точное представление о численности данного племени. Автор ссылается на работы советского историка И. П. Петрушевского, указывая, что племена Армении и Азербайджана в XVI—XIX вв., как и тюрко-монгольские племена более раннего времени, не были основаны на кровном родстве, что это искусственные образования, созданные из остатков прежних племен, группировавшихся

мени — эпохи феодализма, не дает нам права, как это делает автор, вообще возводить генезис племени к семье и делать первое производным от последней.

Автор дает характеристику вождя племени, яркими красками рисует его безгрешный авторитет и деспотизм; вождь распоряжается имуществом своих соплеменников, творит над ними суд и расправу; шатер вождя — средоточие общественной жизни племени. Однако вождь должен считаться с советом старейшин, мнением которых он не может пренебрегать. Самое сильное наказание, налагаемое вождем, — изгнание из племени. Среди курдских племен продолжает бытовать обычай кровной мести, но она имеет свою длительность — обычно пять лет, после чего заменяется большим выкупом. Что касается классового расслоения, то, по словам автора, в курдском обществе можно различать по крайней мере два класса: первый составляют знать, военные предводители, владельцы земли со своей вооруженной свитой, второй — непосредственные производители (крестьяне — «райа»), находящиеся в полурабской зависимости.

При рассмотрении социально-экономических отношений автор ссылается на работы О. Л. Вильчевского и Х. Кристоффа. Первый из этих исследователей, характеризуя курдов Закавказья и смежных районов Турции и Ирана в XIX в., говорит о господстве среди них феодальных отношений. Курдские ага и беки, поддерживаемые иранскими и турецкими властями, эксплуатировали своих соплеменников, собирая с них налоги и принуждая к барщине. Курдские вожди извлекали большие прибыли с подвластных им христиан — армян и несториан, которых называли «купленными на золото» (зир хурли); христиане платили курдским вождям за покровительство и, беднея, попадали к ним в рабство.

Как уже указывалось, у курдов-кочевников существует кочевая сельскохозяйственная община — обá, организуемая на время выпаса скота на альпийских пастбищах. Согласно О. Л. Вильчевскому, организация обá сложилась под влиянием роста феодальных тенденций, она прикрывала родоплеменной оболочкой классовые отношения, классовую борьбу. В то время как прежние исследователи курдов, например С. А. Егизаров, считали обá родоплеменной организацией, О. Л. Вильчевский доказывает, пишет Никитин, что здесь мы сталкиваемся с социальной организацией, связанной уже с классовым обществом.

Восьмая и девятая главы (стр. 177—190) посвящены краткому анализу некоторых вопросов средневековой истории курдского народа, преимущественно изложению сведений о курдских полунезависимых феодальных княжествах, подробно описанных в известной курдской летописи «Шереф-наме». В основном автор использует работы В. Ф. Минорского, дополняя их в отдельных случаях данными из трудов некоторых советских, западноевропейских и курдских историков.

В десятой главе (стр. 191—206) рассматривается национальное движение курдов. Автор приходит к выводу, что в Турции, Иране и Ираке (имеется в виду Ирак до июльских событий 1958 г.) игнорируются интересы курдов и курдского национального движения.

Следующая большая глава (одиннадцатая) посвящена рассмотрению верований курдов (стр. 207—254). Автор, характеризуя мусульманские воззрения курдов, правильно отмечает, что эта религия в основном проникла в среду имущих слоев, тогда как широкие массы являются носителями старых народных представлений и верований. Большая часть зарубежных курдов — мусульмане-сунниты; неприязнь к шинитству выражается, по мнению авторов, во враждебном отношении ко всему персидскому — городской жизни, персидским властям и т. п. Что касается отношения к туркам, то, хотя многие курдские дервиши верно служили джихаду и интересам султана, курдский мюридизм в ряде случаев последовательно выступал против всего турецкого и подвергался репрессиям со стороны турецких властей.

Много страниц книги отведено рассмотрению иезидизма — этой специфической курдской религии. По мнению автора, иезидизм возник не на почве ислама, а из народных доисламских верований. При этом автор ссылается на ряд исследователей, в частности на Н. Я. Марра, для которого иезидизм — подлинная курдская религия, потерявшая свои позиции после проникновения ислама. Автор подробно останавливается на взглядах Н. Я. Марра по этому вопросу, на его отождествлениях слов «челеби» и «иезиди», на лежащем, по мнению Н. Я. Марра, в основе иезидизма лунном культе. Затем рассматривается секта ахле-хак, связанная с верой в перевоплощение душ.

Народные космогонические представления курдов, поверья и магические действия, культ деревьев и камней имеют много общего с таковыми же у соседних народов — армян, персов, арабов и других. Автор отмечает представления о птице хуман, широко распространенные среди персов, обряды вызывания и прекращения дождя и т. п. Курдские верования, связанные со змеей, перекликаются с иранской легендой о Зохаке, армянскими сказаниями об аждахаке, культом вишапов; у иезидов змее также отводится значительная роль.

В последней главе (стр. 255—295) рассматриваются курдский фольклор и литература, специальный раздел отведен роли дореволюционной России и СССР в курдологии. Автор останавливается на заслугах таких крупных востоковедов-курдологов, как Березин, Диттель, Ходзко, Жаба. Работы Н. Я. Марра, И. А. Орбели и др. — новый этап в русской курдологии, пишет автор; он отмечает значение курдского семинара при кафедре иранской филологии (Цукерман, Курдоев, Джангоев), выпуск ряда очень

интересных и ценных работ по курдологии, в частности работу покойного Б. В. Лера, посвященную проблемам курдской фонетики. В главе отведено также культурному движению курдов Сирии и Ирака в последние десятилетия. Особое внимание автор уделяет развитию курдской культуры в СССР: меры по народному образованию, литературе, искусству, собиранию и публикации фольклора.

Книга В. П. Никитина является делом всей его жизни, результатом упорного и кропотливого труда. Обширная монография, содержащая богатейший материал по истории, этнографии, литературе, фольклору курдов является значительным вкладом в курдологию. Эта монография свидетельствует об обширной эрудиции автора, о его знакомстве с культурой, бытом и языком описываемого народа. С. отметит, что значительная часть материалов, помещенных в книгу, собрана в результате полевой работы самого автора. Советский читатель при критическом прочтении этой книги найдет в ней много полезного и ценного для себя.

Н. А. Крылов

ЖУРНАЛ «THE EASTERN ANTHROPOLOGIST» (1957—1958)

Журнал «The Eastern Anthropologist», основанный в 1947 г., — одно из многих периодических изданий, появившихся вместе с рождением независимой республики Индии. Это орган Общества этнографии, фольклора и культуры в Лакнау (штат Уттар-Прадеш), в задачи которого входят «собираание и публикация в форме кратких сообщений или монографий всех материалов, относящихся к культуре народов этого региона» (см. «The Eastern Anthropologist», т. X, № 1, 1956/57, стр. 59). Но, несмотря на четко определенное самоограничение сферы деятельности этого Общества пределами штата Уттар-Прадеш, журнал публикует этнографические, антропологические, археологические материалы, касающиеся не только различных областей Индии, но и народов других стран.

Журнал выходит поквартально, причем №№ 1 и 2 издаются отдельными выпусками, а №№ 3 и 4 с 1957 г. стали выходить в двукратном виде. В журнале имеются следующие разделы: небольшие заметки, касающиеся самого журнала и его деятельности; оригинальные исследования и статьи, составляющие основную часть журнала; информация о новейших исследованиях в области этнографии и смежных дисциплин, оказывающих научную жизнь индийских и зарубежных ученых; рецензии. В предстоящем номере будут рассмотрены исследования и материалы по этнографии народов Индии, опубликованные на страницах журнала в 1957—1958 гг.

Все помещенные в журнале этнографические статьи можно подразделить на две группы: общетеоретические статьи и работы, рассматривающие частные вопросы этнографии отдельных народов. В рецензируемых номерах помещен ряд статей, затрагивающих такие проблемы, как цели и задачи этнографии, вопросы методики этнографического исследования, история и современное состояние этнографической науки и т. д., которые из этих работ отражают ту запутанность в вопросах теории, которая присуща современной этнографической науке на Западе; особенно заметно на этих материалах влияние модных направлений американской этнографии. Целиком в плане социологических исследований написана, например, статья М.-А. Штрауса-Дж.-Х. Штраус (т. X, № 2, 1956/57, стр. 97—111), в которой на основании обследования 73 сингалских детей распространенным методом американских психологов (с помощью специальных тестов) делаются выводы относительно черт «национального характера» сингалов вообще. «Такой пристальный интерес к выяснению специфического характера, отдающий духом расизма, характерен для американских психологов.» Однако можно с удовлетворением констатировать, что в подобных статьях из номера в номер уменьшается. Журнал постепенно приобретает самостоятельность, и все четче вырисовывается его лицо.

Индийская этнографическая наука находится сейчас на стадии организационной и теоретической перестройки. Не случайно авторы большинства статей независимых авторов так или иначе высказываются относительно методов и задач, стоящих перед индийскими этнографами. Так, в журнале помещен доклад главного редактора — крупнейшего индийского этнографа д-ра Д.-Н. Маджума, прочитанный на Всендийской конференции социологов в Патне в декабре 1956 г. Доклад опубликован под названием: «Что социологи могут сделать, что они должны делать, как они могут сделать и как они должны это сделать?» (т. X, № 2, 1956/57). Автор следующим образом определяет сферу деятельности социологов: «Социологические институты и учреждения должны заниматься научными изысканиями в социальных науках, главным образом в трех — психологии, социологии и социальной антропологии» (этнографии. — Б. В.) (стр. 130). Общее между социологией и этнографией автор видит в том, что социологи и этнографы работают в одном направлении: работа лишь в том, что объектом изучения у первых являются культуры развитых обществ, у вторых — примитивные общества.

Д.-Н. Маджумдар отмечает, что если в результате почти полувековой борьбы социология освободилась от чрезмерного влияния экономики, то теперь ей угрожает излишняя близость с так называемой практической социальной работой. Индийская практика, пишет он, зачастую приводит к тому, что каждый социолог должен быть общественным работником (social worker), а общественный работник — социологом, в результате чего чуть ли не каждый член панчаята¹, например, возводится в ранг социолога. При всем том Д.-Н. Маджумдар призывает социологов к активной помощи правительству в выполнении программы общинного развития, и особенно — в отношении племен. Автор справедливо отмечает, что британская администрация ограничивалась законодательством, не учитывавшим особенностей племен, и призывает к бережному подходу при решении связанных с их дальнейшим развитием проблем.

Подробное освещение круга вопросов, связанных с положением племен в Индии и их изучением, содержится в статье другого индийского ученого Л.-П. Видьяратхи (т. X, № 1, 1957, стр. 14—24). Проблема мелких народов, живущих в лесных и горных районах, общей численностью свыше 25 млн. чел., стала особенно острой после провозглашения независимой Индийской республики. Эти малочисленные народы находятся на различных ступенях общественного развития — от охотников-собирателей до сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Автор кратко излагает историю изучения племен в Индии. Начиная с середины XVIII в. племенами стали усиленно интересоваться британская администрация, миссионеры, этнографы. Значение и важность этнографического изучения народов Индии для британской администрации были определены еще в 1807 г., когда совет директоров Ост-Индийской компании провозгласил: «...такие знания будут очень полезны для будущего управления страной». С тех пор начинается активная деятельность в Индии английских этнографов, которые в большинстве являлись одновременно сотрудниками колониальной администрации. Наиболее известными из них были: Ф. Бачханон, Е. Дальтон, Г. Рисли, Е. Сэрстон, Гр. Гордон. В результате их деятельности появились различные справочники, газеттиры, монографии, в основном носившие описательный характер. Первым, кто серьезно обратил внимание на тяжелое положение племен и предложил в качестве выхода организацию самоуправления в районах, населенных племенами, был Дж.-Х. Хаттон (см. «Census of India», т. I, ч. III, 1931).

Л.-П. Видьяратхи показывает, в каком направлении за последние тридцать лет развивалось в Индии этнографическое изучение племен, и излагает различные точки зрения на проблему аборигенов. В первую очередь он называет С.-Ч. Роя и Д.-Н. Маджумдара, которые в своих многочисленных работах указывают на обнищание и обезземеливание племен, их вымирание и деградацию, как следствие хозяйничанья англичан. Л.-П. Видьяратхи называет также видного этнографа, автора многочисленных работ по племенам Индии В. Эльвина, который считал необходимым создание в племенных районах «этнографических заповедников», где эти народы могли бы жить изолированно, по собственным законам и обычаям, без чьего бы то ни было вмешательства. Однако эта точка зрения натолкнулась на противодействие группы социологов и политических деятелей Индии, которые заявили, что изоляция племен, возможно, будет полезна для целей исследования, но не решит данной проблемы. Они, напротив, настаивали на более тесном контакте племен с остальными народами Индии.

Сейчас в Индии, как указывает Л.-П. Видьяратхи, большое значение начинают придавать так называемой социальной работе среди племен. В 1948 г. была создана специальная организация по оказанию помощи отсталым племенам — «Бхаратия Адим Джати Севак Сангх», которая насчитывает уже около 200 отделений в различных частях страны. За последние годы активизировались и индийские этнографы, выступившие с рядом статей и заявлений о координации своей деятельности с практическими работниками. Намечена программа работ среди племен. Главные ее пункты: изучение быта и нужд аборигенов; планирование практической работы среди них с учетом их особенностей; специальное обучение практических работников районов расселения племен; привлечение старейших членов общины к осуществлению преобразований. Особое внимание при этом должно быть обращено на здравоохранение, социально-экономические преобразования, трудоустройство и на культурные контакты с другими народами.

Таким образом, за последние годы отношение этнографов к названным проблемам значительно изменилось. Даже В. Эльвин, ратовавший за изоляцию племен, теперь признает необходимость реформ. Учитывая сложность проведения различных преобразований в районах расселения племен, индийское правительство учредило ряд специальных органов и должностей как при центральном правительстве, так и при правительствах штатов, особенно тех, где обитают крупные племена. Л.-П. Видьяратхи показывает это на примере штата Бихар, где создано Министерство социального благосостояния, сферой деятельности которого являются районы с населением, состоящим преимущественно из племен. Этому министерству приданы два органа: Консультативный совет по племенам, включающий 20 человек и на три четверти состоящий из представителей племен (однако автор тут же отмечает, что этот Совет пока еще слабо функционирует), и Научно-исследовательский институт по племенам. Главные задачи этого Института — изучение жизни и культуры племен и организация Этнографического музея.

¹ Панчаят — сельский совет.

Особо следует остановиться на следующем замечании автора. Деятельность племени, пишет он, направлена на улучшение материальных условий жизни племени не учитывается другая важная сторона их жизни — право на самостоятельности самоопределение, предусмотренное индийской конституцией.

Журнал публикует материалы по этнографии отдельных племен Индии. С. Ф. Бэйли «Политические изменения в районе Кондмал» (т. XI, № 2, 1957/58, стр. 106) рассматривает социальную структуру кхондов, основанную на родовой организации, и взаимоотношения кхондов с их соседями — ория, для которых характерен другой строй. Автор кратко излагает политическую историю кхондов до прихода англичан и подробно останавливается на тех изменениях, которые произошли после установления британской колониальной администрации в районе расселения кхондов. Результатом было усиление экономического и политического влияния ория в кхондских деревнях. Этому способствовало законодательство англичан как в области административного устройства, поставившего ория во главе кхондских сельских общин, так и в области земельных отношений, что привело к превращению общинных земель в частные владения. Новое земельное законодательство привело к столкновению с родовыми порядками и способствовало разложению родовой организации у кхондов.

В статье нарисована убедительная картина постепенного разорения кхондов при земельном переходе их в руки предприимчивых пришельцев, превращения кхондов в поденщиков и сельскохозяйственных рабочих, появления отходничества. Участие кхондов, поселившихся в орийских деревнях, также была незавидна, так как «они находились примерно на положении неприкасаемых и других зависимых каст» (стр. 100).

Картина социально-экономических изменений у кхондов, представленная в рассматриваемой статье, очень характерна, она отражает общее для всех индийских племен положение, создавшееся в районах расселения племен после установления британского владычества.

Из других материалов, касающихся племен, отметим несколько статей по частным вопросам этнографии: Г. Чатопадайя и Б.-Ч. Рай-Чоудхри — «Церемония наречения имени у хо Сераикелы» (Бихар) (т. XI, № 2, 1957/58, стр. 113—127); в статье приводится большой сравнительный материал по народам мунда; Л. Сахдева — «Обычаи вания бетеля у кхаси» (там же, стр. 155—161). Интересный и относительно свежий материал по социальной организации народа гаро содержится в статье Б. Мукар. «Семья у гаро» (т. XI, № 1, 1957, стр. 25—30). Работа базируется на результатах этнографического обследования двух групп гаро (Ассам), проведенного в 1953 г. Матейлы этой экспедиции подтверждают сохранение у гаро весьма существенных черт материнского рода (счет происхождения по материнской линии, матрилокальный брак, следование по женской линии и т. д.).

Большое место на страницах журнала отводится индийской деревне. Главными проблемами, интересующими исследователей в данной теме, являются проблемы аграрной Индии — земельные и социально-экономические отношения, пережитки кастового строя. Даже простой перечень статей, опубликованных в рецензируемых журналах, очень показателен: «Индустская социальная организация в деревне Маджра» (т. XI, № 3—4, 1958, стр. 203—211), «Секуляризационные процессы в цейлонской деревне» (там же, стр. 155—162), «Деревня и ее связи с городом» (там же, стр. 178—188), «Социальная организация в Гуджрате» (т. X, № 3—4, 1957, стр. 173—181). В этих статьях много внимания уделяется кастовой системе. Несмотря на то, что опубликованные работы исследуют этот вопрос на примерах отдельных общин, а не ограничивают себя даже каким-нибудь одним селением, все же приводимый автором материал свидетельствует о сохранении многих черт кастовой системы в современной индийской деревне. Наиболее показательна в этом отношении статья Прабхат Чан «Индустская социальная организация в деревне Маджра». Деревня эта расположена в штате Уттар Прадеш, недалеко от Дехра-Дун. В деревне имеется много каст, которые распадаются на две большие группы — высшие касты и хариджаны². Группы эти включают по несколько каст, каждая из которых внутри данной группы занимает различное социальное положение. Среди хариджанов, например касты горшечники, парикмахеров и прачек считаются более «чистыми», чем кожевники, мусорщики, тельщики. В статье приводится весьма примечательная таблица изменений профессиональных занятий по кастам. Брахманы, традиционными занятиями которых всегда были священнослужительство и обучение детей, сейчас занимаются всеми видами «чистых» профессий. Так, ныне в деревне Маджра 52% брахманов — земледельцы, никто из брахманов и других членов высших каст не занимается «нечистыми» профессиями парикмахеров, прачек и т. п. С другой стороны, таблица показывает, что все хариджаны по-прежнему следуют своим традиционным профессиям, за исключением маров, среди которых наблюдается частичный переход к земледелию.

Показательна также таблица доходов населения (с учетом каст), которая указывает на большую экономическую обеспеченность высших каст и дает возможность говорить о некотором совпадении кастового и классового деления. Характерны также показатели грамотности: среди высших каст примерно 50% неграмотных, а среди низших процент неграмотных резко возрастает — от 80 до 97% в отдельных кастах.

² Термином «хариджаны» (божьи люди) обозначали неприкасаемых.

О живучести кастовой системы в индийской деревне свидетельствуют и другие факты. Все еще строго соблюдаются эндогамия каст; при опросе населения почти все (91%) жители деревни высказались против межкастовых браков. Правда, хариджаны заявили, что при их низком социальном положении угроза исключения из касты в связи с неравным браком для них практически не существует. Соблюдаются также обычаи, запрещающие принятие пищи от низших каст. В храмах низшие и высшие касты сидят отдельно. В деревне имеется четыре колодца: два для индусов всех каст, кроме хариджанов, один — для мусульман и один — для хариджанов. Заканчивая статью, П. Чандр пишет, что высшие касты все еще пользуются социальными и экономическими преимуществами, что хариджаны — жертвы социальной эксплуатации, несправедливости, и именно этим объясняется их экономическая необеспеченность. Путь к социально-экономическим изменениям в деревне, по мнению Чандра, лежит через образование и просвещение.

Статья Т.-Б. Наик (т. XI, № 3—4, 1957, стр. 173—181), в которой рассматривается социальное положение четырех каст Гуджерата (двух брахманских, одной земледельческой и касты плотников) свидетельствует о большом нарушении кастовых перегородок. Хотя материалы статьи говорят об относительно строгом соблюдении эндогамии каст, однако браки между членами неравных по социальному положению каст имеют место: они, как правило, не влекут за собой исключения из касты и других наказаний, если нарушитель в состоянии покрыть обязательные в этом случае большие денежные расходы. Материалы статьи показывают ослабление многих кастовых предписаний и обычаев. Автор особо подчеркивает уменьшение важности так называемой кастовой «церемониальной чистоты» и почти полное исчезновение такого понятия, как кастовое осквернение.

В качестве нового в кастовых отношениях Т.-Б. Наик обращает внимание на два обстоятельства: нарушение эндогамности касты ради повышения социального статуса и приспособление традиционных кастовых профессиональных занятий к новым условиям (например, члены касты кузнецов, следуя традиции, занимаются тем же трудом, но уже на промышленных предприятиях).

На страницах журнала подробно освещаются роль сельских панчаятов и других органов самоуправления, культурно-экономические преобразования в деревне, связь между городом и деревней, проблемы образования. В статье А. Майера (т. XI, № 3—4, 1958, стр. 189—202) характеризуется роль сельских панчаятов в современной Индии. Хотя, пишет автор, сельские панчаяты в штате Мадрас существуют уже со второй половины XIX в., но именно с 1947 г. они стали играть значительную роль в управлении страной. Особенно существенным мероприятием автор считает учреждение централизованных панчаятов, которые объединяют до 50 деревень и тем самым обеспечивают более тесную экономическую связь и сотрудничество между ними. В статье подробно показан механизм выборов сельского панчаята в деревне Мальва. Вызывает, однако, удивление неожиданный вывод автора о том, что каста из «ритуального подразделения» превращается в политическую единицу, вывод, сделанный на основании частного случая столкновения кастовых интересов на выборах данного панчаята.

Статья Д.-Н. Маджумдара «Деревня и ее связи с городом» (там же, стр. 175—188) содержит очерк о небольшой деревне в штате Уттар Прадеш, около г. Лакнау. Автор отмечает, что, несмотря на близость большого города, влияние его еще слабо ощущается в жизни данной сельской общины, особенно в ее культурной жизни. Д.-Н. Маджумдар отрицательно относится к проведенной земельной реформе (отмене системы заминдари), считая, что правительственные сборщики строже собирают налоги. По мнению автора, реформа подорвала доверие к правительству, крестьяне потели в лице заминдаров заступников перед властями. Таким образом, Маджумдар в какой-то мере защищает старую, введенную англичанами, систему землевладения.

Большинство статей о современной индийской деревне в той или иной степени затрагивает также и проблему образования сельского населения. Специально вопросу образования отведена работа Д.-Н. Маджумдара и С.-К. Ананда (т. X, № 3—4, 1957, стр. 182—210). Эта статья посвящена изменениям в области культуры, главным образом — системе обучения и постановке образования у народа кхаса, одного из немногих племен, сохраняющих полиандрию. Район расселения этого народа попал под действие общинных проектов, одним из аспектов деятельности которых является изменение системы образования. Авторы отмечают значительные сдвиги в этом направлении после 1947 г. Например, вместо ранее действовавшей 21 начальной школы сейчас в районе имеется 96 школ. В статье отмечаются и недостатки, вызванные не вполне продуманным проведением в жизнь школьных преобразований, не всегда учитывающих специфику данного народа и такие факторы, как климат, географические условия. Новая система обучения не охватывает некоторых социальных групп, очень невелико число обучающихся девочек. Авторы справедливо указывают на то, что в школах этого района следует особое внимание обращать на обучение сельскому хозяйству, ремеслу; однако с их стороны чувствуется некоторое дискриминационное отношение к кхаса, если они пишут, что школы общеобразовательного типа предназначены для детей более развитых обществ.

Как сказано, журнал не замыкается в рамки строго индийского материала. Его интересует, например, и современная яванская деревня (т. X, № 3—4, 1957, стр. 155—172), положение южноамериканских негров (т. XI, № 3—4, 1958, стр. 162—167), и амери-

канские индейцы (там же, стр. 168—176), и состояние современной этнографической науки в Англии.

В частности, в статье Г. Сарана «Британская социальная антропология и американская оценка» (т. XI, № 1, 1957, стр. 3—13) дан краткий очерк развития этнографической науки в Англии; подробно характеризуется содержание понятия «социальная антропология»; разбираются взгляды Рэдклифф-Брауна, определяющего социальную антропологию как науку, занимающуюся «сравнительным фактическим исследованием социальной жизни примитивных народов», а также позиция Эванс-Притта, призывающего социальных антропологов к изучению социальных отношений. Автор статьи полемизирует с известным американским ученым проф. Мердоком, обвиняющим английских социальных антропологов в том, что они концентрируют свое внимание на проблемах родства, ограничили свои исследования территориями колоний и зависимых стран, игнорируют вопросы общей этнографии, не интересуются работами этнографов других стран.

Мы попытались более или менее подробно остановиться на тех статьях, которые отражают общее направление журнала и тематические наиболее важные. При этом бросается в глаза объединяющая все статьи черта — попытка активного участия в сегодняшнюю жизнь. Можно спорить с высказываниями некоторых авторов, излагающих свои взгляды на пути и методы преобразования индийской жизни, предлагающих те или иные меры для устранения различных пережитков, мешающих развитию Индии вперед, но нельзя не оценить страстного, искреннего желания индийских ученых по мере своих сил помочь в разрешении сложных проблем индийской культуры, которое ощущается в большинстве работ, помещенных в журнале.

Несмотря на небольшой срок его существования, журналу удалось сплотить вокруг себя стабильный круг авторов, в числе которых находится ряд крупных индийских ученых. С каждым годом все четче вырисовывается научное лицо журнала, которое отражает сегодняшний день индийского народа. Он занимает почетное место среди других периодических изданий Индии. Появление и прочное существование этого журнала, большинством авторов которого являются индийские ученые, свидетельствует о росте индийской этнографической науки.

B. I

КНИГА О ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ КИТАЙСКИХ МАСТЕРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЬЯ, ЧЕКАНКИ И ГРАВИРОВКИ МЕТАЛЛА

Среди выходящих в Китайской Народной Республике огромными тиражами посвященных истории культуры народов страны, популяризации вклада народов в мировую культуру, значительную долю по-прежнему составляют публикации методов большой культурной ценности.

Ученые Китайской Народной Республики делают большое и важное дело, расширяя народные массы правильное понимание грандиозного исторического процесса формирования китайской культуры во всей сложности взаимовоздействия, взаимовлияния национальных культур народов Китая.

Как и во все времена, начиная с изобретения книгопечатания, значительную работу по публикации такого типа продолжают занимать каталоги, альбомы, серии изобразительных комплексов. К такого рода публикациям принадлежит и вышедший в Пекине в конце 1958 г. книга Шэнь Цун-вэнь «Бронзовые зеркала периода Тан». Это хорошо оформленный, в изящном переплете альбом, включающий 112 страниц, он состоит из введения и двух предметных серий: одна, основная, на 93 танских сунских зеркала в 74 таблицах; другая, дополнительная, на 66 зеркал разного назначения, в том числе танских и сунских, но с преобладанием более ранних: хаши периода Чжаньго, циньских. К обеим сериям даны индексы. Отсутствие указаний к размерам зеркал позволяет думать, что они даны автором-собирателем в натуральную величину (имевшиеся в нашем распоряжении китайские древние зеркала из частных собраний, по типу совпадающие с опубликованными Шэнь Цун-вэнем, показали вальность этого предположения).

Принцип, положенный автором в основу классификации зеркал, строится на знании зеркала, во-первых, существенным документальным доказательством стадии развития литья металла и приемов его обработки и, во-вторых, наглядным показом развития изобразительного искусства. Таким образом, классифицируя зеркала, Шэнь Цун-вэнь исходил из их формы, характера их орнамента и времени изготовления.

В весьма интересном, хотя и слишком кратком, а потому, может быть, недостоверном по полноте аргументированном введении Шэнь Цун-вэнь указывает, что существующие представления о древнекитайских зеркалах в значительной мере неполны. Успех

¹ Шэнь Цун-вэнь, Тан-Сун тун цзин (Бронзовые зеркала периода Тан), Пекин, 1958.

тайской археологии позволяют многое дополнить в описании зеркал и уточнить их классификацию. С точки зрения формы теперь можно с уверенностью выделить два типа: а) плоское тонкотелое зеркало с отогнутыми кнаружи бортиками и б) сравнительно толстотелое, утолщенное в центральной его части (слегка чечевицеобразное) зеркало с краями, сходящими на нет. В индексах к обоим сериям автор указывает и другие особенности формы зеркал второго типа: утолщенность края и фигурный вырез всего бортика в виде «ба лэн» (восемью лепестков) или «ба ху» и «лю ху» (т. е. восьми и шести полукружий). Наконец, и во введении и в самом альбоме даются квадратные и «сы фан тяоцзю» (т. е. с четырьмя прямоугольными выступами), а также фигурные зеркала в форме нероглифов — «ши» (цифра десять) — «я» (чаще всего используется как сокращение слова «Азия»).

Описав сначала форму зеркал, Шэнь Цун-вэнь останавливается на технике их украшения. Он правильно подмечает, что, «вопреки ожиданиям», толстотелое зеркало по его оборотной, орнаментальной, стороне украшается литым или гравированным орнаментом; тонкотелое же (заметим, что именно этот тип более древний) имеет двухплоский, как жаккардовая ткань, узор: основной крупнофигурный барельефный или горельефный и орнамент фона в виде мелкой гравированной сетки. Попутно автор касается весьма важной черты технологии зеркал. Он говорит, что в поучениях философа II в. до н. э. Хуайнаньцзы уже имеется упоминание о «сюань си» — веществе, которое последними исследованиями китайских химиков идентифицируется с ртутью (к сожалению, автор не дает при этом ссылок на литературу, что снижает ценность его указания). Таким образом, автор считает период Чжаньго (V—III вв. до н. э.) временем, когда уже вполне было развито применение ртути как катализатора при золочении и серебрении рабочей поверхности зеркала. В отличие от Шэнь Цун-вэня мы полагаем, что амальгмирование или нанесение металлического «ангоба» — сплошного отражающего слоя золота или серебра — было принято китайскими мастерами металлического производства несколько ранее, т. е. в VIII—VII вв. до н. э. Также вскользь, без соответствующих доказательств упоминает автор о применении в тот период инкрустирования бронзовых зеркал нефритом, золотом и серебром, подкраски орнаментальной стороны при помощи пурпурных ртутных смесей, а также эмалей до сих пор в искусствоведении распространено представление, что эмали восприняты италийскими мастерами из Ирана в XV в. н. э.).

Остальная часть введения отведена автором вопросам орнаментации. Поскольку и рассматривает древние бронзовые зеркала прежде всего как памятник изобразительного искусства, то и типологизацию их он дает главным образом по принципу выделения групп однотипно орнаментированных экземпляров. Таковы, например: группа зеркал с орнаментом «Чжэнь цинь жуй шоу путао цзин» (дословно — зеркало с орнаментом: диковинные птицы и благовещие животные над гроздьями винограда). В свое время этот орнамент, непонятный китайским авторам, был специально исследован нами в связи с анализом дунганского настенного рисунка². Разъяснение его оказалось возможным через весьма распространенный реалистический мотив вьетнамского искусства: «Ихневмоны едят виноград». Такова же и группа двух зеркал: «Чжэнь цинь шуан цзин» и «Бо-я тань цинь цзин», которая является как бы иллюстрацией повести «О том, как Юй Бо-я, лютно разбив, простился с появившим звуком» — одной из сорока новелл широко известного сборника «Цзинь-гу цин гуань». Аналогична им юльшая группа зеркал «Бао сянь хуа» («Драгоценности в форме цветов»), «Хуа-няо цзин» (зеркала с орнаментом из цветов и птиц) и др. Особое место занимают группы: «Да ле фу гуй» («Желаю... великой радости, богатства и знатности»), «Цзянь жичжи уан-чан у сянь ван» («Видя, как солнца свет отражается, никогда не забывая обо мне»). Наименование этих групп или отдельных зеркал автор производит от нероглифического текста, как правило, занимающего одно из орнаментальных колец оборотной стороны зеркала. Нет сомнения в том, что чем моложе зеркало, тем удачнее komponируется нероглифический текст в орнаменте. Действительно, в ряде случаев сам текст представляет собой лишь особую форму орнаментации: например, нет принципиальной разницы в том, как изображается благопожелание богатства и знатности: словами (т. е. иероглифами «фу» и «гуй») или рисунками-символами (изображением летучей мыши — «фу» и корницы «гуй»). Однако, придавая слишком большое значение благопожелательным формулам, подробно останавливаясь в своем введении на наиболее употребительных текстах такого рода, автор совершенно отвлекается от того обстоятельства, что вплоть до распространения книгопечатания зеркала, как и другие изделия из бронзы, нефрита и слоновой кости, удерживали за собой традиционное значение «писменных документов»: дарственных записей, стихотворных индивидуальных посвящений, посланий и т. д. В этом отношении Шэнь Цун-вэнь делает шаг назад по сравнению, например, с известным каталогом начала XIX в., составленным братьями Фэн Юнь-пэн и Фэн Юнь-юань «Цзинь ши со», шестой том которого посвящен зеркалам. В старых каталогах рядом с изображением каждого зеркала приводилась полностью надпись на нем, что очень важно. К сожалению, недооценка надписей на бронзе и нефрите встретила нас не только в рецензируемой работе. Несколько

² См. Г. Г. Стратанович, Изобразительное искусство дунган, живущих в СССР, Труды сектора востоковедения АН Каз. ССР, т. 1, Алма-Ата, 1959, стр. 71.

обобщая эти факты, хочется спросить: «А не является ли отход от этой традиции следствием недооценки некоторыми исследователями интереса широких трудящихся масс к древней истории своей родины?».

Как положительный факт отметим в заключение, что, хотя автор совершенно ставит вопроса о формах использования зеркал, но он очень удачно завершает картину гравюрой (причисление у вертикально закрепленного зеркала) и документальной картинкой (процесс полирования рабочей поверхности зеркала).

Г. Стратано

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

T. G. H. Strehlow, *Rex Battarbee — artist and founder of the aboriginal movement in Central Australia*, Sydney, 1956, 48 стр.

Томас Штрелов — видная фигура в современном австраловедении. Советские ученые его хорошо знают не только как большого знатока лингвистики и фольклора коренного населения¹, но и по высоко гуманному отношению к аборигенам: он отличается от многих буржуазных исследователей, в трудах которых часто присутствует мысль о превосходстве «белого человека» над коренным населением страны.

Рецензируемая книга представляет большой интерес для этнографа. Это — об аборигенной школе живописи и ее основателе — прогрессивном австралийском художнике Рексе Баттерби. Толчком к образованию школы был приезд в миссионерский поселок Германсбург (Центральная Австралия) двух молодых художников Рекса Баттерби и Джона Гарднера в 1934 г. Ознакомившись с их работами, миссионер решил устроить выставку для своей паствы. Выставка вызвала у местных жителей огромный интерес и, в частности, определила дальнейшую судьбу нескончавшегося выдающегося художника-аборигена Альберта Наматжиры². Он первым участником «Германсбургской школы живописи». Позднее школа пополнилась плеядой молодых талантливых художников-аборигенов, учеников Наматжиры.

Основной предмет творчества художников «Германсбургской школы» — пейзаж. В их картинах видна гордость своей родиной, ее красотой.

Уровень мастерства пейзажистов очень высок. Он вызывает восторг прогрессивного населения Австралии своей жизнерадостностью и подлинной народностью. Ставки их произведений в столицах штатов имели большой успех и вызвали оживленные комментарии в художественной литературе и прессе.

Вместе с тем работы художников-аборигенов вызвали и резкую критику. Критики заявляют, что творчество «Германсбургской школы» не самобытно. Баттерби, по мнению, просто натаскивает своих учеников, а последние механически ему подражают. Автор рецензируемой работы справедливо указывает, что искусство коренных австралийцев вполне самобытно. Художник-абориген искони изображал предметы культуры охоты, окружающую его фауну, флору и пр. Что касается манеры письма, то вполне естественно, что ученики воспроизводят стиль своего учителя. Кроме того, пишет Штрелов, «подражательность» объясняется общностью тематики и одинаковым восприятием любимого пейзажа. Автор показывает имеющиеся стилистические отклонения работ учеников Баттерби от его собственных и считает творчество «Германсбургской школы» ярким доказательством высокой одаренности аборигенов Австралии.

Книга богата цветными репродукциями с картин Р. Баттерби, А. Наматжиры и других молодых художников. Как сказано, все это — пейзажи. Нельзя не отметить недостаток в творчестве представителей данной школы живописи, на который указывает и прогрессивная критика: эти художники совершенно не уделяют внимания изображению будней родного народа. Прав поэтому критик Макклинтон, призывающий художников-аборигенов поднять свое искусство на более высокий общественный уровень, отразив в своих работах несправедливость, чинимую колонизаторами их народ³.

Можно сделать упрек и автору рецензируемой книги. Описывая достижения художников в области искусства, он ни словом не обмолвился о крайней нужде политическом бесправии самих мастеров и всего коренного населения Австралии. В целом же эта книга — полезный вклад в весьма скудную литературу об искусстве коренных австралийцев⁴.

А. Ноев

¹ Th. Strehlow, *Aranda phonetics*, «Oceania», т. XII, 1942, № 3; *erg* Aranda grammar, «Oceania», т. XIII, 1943, №№ 1, 2, 4; т. XIV, 1943, №№ 1 и 2; *erg*, Aranda traditions, Melbourne, 1947.

² См. выше нашу заметку «Памяти Альберта Наматжиры».

³ «Aboriginal artists and their paleface critics», «Tribune», 30 апреля 1952 г.

⁴ Той же теме посвящен ряд работ, например: C. P. Mountford, *The Albert Namatjira*, Melbourne, 1944; R. Battarbee, *Modern Australian aboriginal art*, Sydney, 1951; M. D. Miller, *Child-artists of the Australian bush*, Sydney, 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Б.Х. Кармышева (Москва). Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков	3.
Ч.М. Таксами (Ленинград). Современные нивхские селения и жилища	23.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Б.Л. Рифтин (Москва). Современная китайская фольклористика	38
С.А. Арутюнов (Москва). К оценке роли миграций в древней истории Японии	60.
Н.А. Бутинов (Ленинград). Короткоухие и длинноухие на острове Пасхи	72.
М.Чураков (Ленинград). «Новая История Неджда» Амина ар-Рейхани как источник по этнографии Центральной Аравии	83.

Народы мира

(Информационные материалы)

М.Г. Журавлева (Москва). Китайцы Малайской федерации	99.
--	-----

Сообщения

Божиков (София). Этнографический институт и музей Болгарской Академии наук за последние пятнадцать лет	108.
Г. Гафферберг (Ленинград). Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г.	112
И.Мухлинов (Ленинград). В Демократической Республике Вьетнам (Этнографические заметки)	126
Г. Левин (Москва). Древнеэскимосский могильник в Уэлене	139
П.Черныш (Киев). Остатки жилища мустьерского времени на Днестре	149

Personalia

Михаил Владимирович Покровский	153
Новицкая (Москва). Памяти Альберта Наматжиры	155

Критика и библиография

Народы СССР

Э.А. Мильштейн (Ленинград). По стране оленных людей. Путешествия В. Г. Тана-Богораза	158.
Маслова (Москва). И. Е. Тузутов. Материальная культура бурят	159.
Смирнова (Москва). Tomas A. Sebeok, Paul G. Brewster. Studies in Chemicis, vol. 6. Games	161

Народы зарубежной Азии

А.А. Кисляков (Ленинград). Basile Nikitine. Les Kurdes	162
Волчок (Ленинград). Журнал «The Eastern Anthropologist» (1957—1958)	168
Стратанович (Москва). Книга о древнем искусстве китайских мастеров художественного литья, чеканки и гравировки металла	172.

Народы Австралии

Новицкая (Москва). T. G. H. Strehlow. Rex Battarbee — artist and founder of the aboriginal art movement in Central Australia	174
--	-----

SOMMAIRE

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.

- B. Kh. Karmychéva (Moscou). Un groupe ethnographique «turc» parmi les Ouzbeks
Tch. M. Taksami (Léningrad). Les villages et demeures des Nivkhs contemporains

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

- B. L. Riftine (Moscou). Le folklore contemporain chinois
S. A. Aroutiounov (Moscou). De l'appréciation du rôle des migrations dans l'histoire ancienne du Japon
N. A. Boutinov (Léningrad). «Les oreilles longues» et «les oreilles courtes» à l'île de Pâques
M. V. Tchourakov (Léningrad). «Nouvelle Histoire du Nedjed» d'Amin ar Reichani comme source ethnographique sur l'Arabie Centrale

Peuples du monde

(Matériaux d'information)

- M. G. Jouravleva (Moscou). Les Chinois de la Fédération Malaise

Informations

- B. Bojikov (Sofia). L'Institut et le Musée ethnographiques de l'Académie des Sciences Bulgare pendant les derniers quinze ans
E. G. Gafferberg (Léningrad). Voyage chez les Béloutches de la Turkménie en 1958
A. I. Moukhlinov (Léningrad). En République Démocratique de Vietnam. (Notes ethnographiques)
M. G. Lévine (Moscou). Un sepulcre ancien esquimaux à Ouélène
A. P. Tchernyche (Kiev). Les restes d'une demeure de l'époque moussière sur le Dniester

Personalia

- Mikhaïl Vladimirovitch Pokrovsky
A. Novitskaïa (Moscou). A la mémoire d'Albert Namatjira

Critique et bibliographie

Peuples de l'U.R.S.S.

- E. A. Milchtein (Léningrad). A travers le pays des hommes aux rennes. Les voyages de V. G. Tan-Bogoraz
G. Maslova (Moscou). I. E. Tougoutov. La culture matérielle des bouriates
T. Smirnova (Moscou). Tomas A. Sebeok, Paul G. Brewster. Studies in Chermis, vol. 6. Games

Peuples de l'Asie étrangère

- N. A. Kisliakov (Léningrad). Basile Nikitine. Les Kurdes
B. J. Voltchok (Léningrad). La revue «The Eastern Anthropologist» (1957—1958)
G. G. Stratanovitch (Moscou). Un livre sur l'art ancien des maîtres chinois de la fonte artistique, de ciselure et gravure sur métal

Peuples de l'Australie

- A. Novitskaïa (Moscou). T. G. H. Strehlow. Rex Battarbee — artist and founder of the aboriginal art movement in Central Australia